

ЕЖЕГОДНИК

2018

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

**Экономика и стратегическое
партнерство**

**Минерально-сырьевые
ресурсы**

**Портрет африканского
лидера**

История и религия

Культура и образование

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES

SERIES "AFRICAN STUDIES"

YEARBOOK

**AFRICA:
IN SEARCH OF IDENTITY
AND DIALOGUE WITH
MANKIND**

2018

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2018

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ
И ДИАЛОГ С МИРОМ**

2018

Москва
Российский университет дружбы народов
2018

УДК 32/39:2:9:55(6)(058)
ББК 95.3(6)я5
А94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:

*И.В. Андропова (ответственный секретарь), Н.В. Громова,
академик РАН А.Б. Давидсон, Е.А. Долгинов,
Л.В. Пономаренко, А.Д. Саватеев, И.В. Следзевский, А.М. Хазанов,
Л.В. Шкваря, В.И. Юртаев (зам. главного редактора)*

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А94 **Африка: поиск идентичности и диалог с миром :
Ежегодник – 2018 = Africa: in Search of Identity and
Dialogue with Mankind : Yearbook – 2018 : сб. статей /**
под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева,
Е. А. Долгинова. – Москва : РУДН, 2018. – 256 с. : ил.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института востоковедения РАН, Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова, посвящен актуальным вопросам развития и сотрудничества на африканском континенте, проблеме нарастания в регионе масштабных социальных конфликтов и их деструктивного влияния на состояние национальной государственности, глобальных вызовов модели «нация-государство». В центре внимания находятся проблемы диалога Африки с миром, место Африки в экономической стратегии Китая и инициативе «Один пояс – один путь», роль ислама и христианства в контексте поиска африканской идентичности, различные аспекты становления гражданской позиции и лидерства. На основе документов Исторического архива Мозамбика приводится уточненная трактовка роли Гунгуньяны в антипортугальском сопротивлении; показаны дестабилизирующие последствия диверсии 1982 г. в мозамбикском городе Бейра. Специально рассмотрены возможные направления сотрудничества России и Мавритании в сфере изучения и добычи природных ископаемых.

This issue of the annual *African Studies* series, prepared with the participation of Africanist scholars from the Peoples' Friendship University of Russia, the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, deals with topical issues of development and cooperation on the African continent, global challenges of the "nation-state" model and the problem of the growth of large-scale social conflicts and their destructive influence on the state of national statehood in the region. The focus is on the problems of Africa's dialogue with the World, the place of Africa in China's economic strategy and the "OBOR" initiative, the role of Islam and Christianity in the context of the search of afroidentity, various aspects of the formation of civic attitudes and leadership. Based on the documents of the Historical Archives of Mozambique, the precise interpretation of the role of Gungunyana in the anti-Portuguese resistance is given; shows the destabilizing consequences of the diversion (1982) in the Mozambican city of Beira. Specifically examined are possible areas of cooperation between Russia and Mauritania in surveying and prospecting for mineral deposits.

ISBN 978-5-209-08666-6

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,
Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаев, Е.А. Долгинов, 2018
© Российский университет дружбы народов, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошедший год принес миру новые надежды и заботы, новое видение глобальной перспективы и вызовов регионального развития. На фоне продолжающегося сирийского конфликта и всплеск насилия в различных уголках мира, расширения санкционного давления со стороны США и их союзников в ЕС, продолжались поиски альтернативной повестки дня. В мире активно развивалось глобальное партнёрство, основанное на принципе партнерских отношений, а страны БРИКС продолжили движение к формированию мира взаимного уважения и диалога без противостояния, дружественного сотрудничества со всеми странами мира. Важным объединяющим моментом следует признать международные усилия в реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г., что особенно важно для стран Африки.

Знаковым событием стало проведение XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) 18–24 октября 2017 г. Как было отмечено, КНР решает масштабную задачу: за 100 лет (1949–2050) пройти путь модернизации, на который развитым странам потребовалось три столетия. Впервые стандартом социалистической модернизации стало понятие «прекрасный Китай». На международном уровне впервые была определена задача формирования «Сообщества единой судьбы», то есть признания человечества как единого целого с общностью судеб. В этой связи интересные горизонты для международного партнерства открывает международная инициатива Китая «Один пояс – один путь», которая все заметнее становится комплексной платформой реализации до-рожных карт транспортного обустройства двух континентов, включая сопутствующие проекты в области науки, техники и технологий.

Будучи сопряженной с Евразийским экономическим союзом, данная платформа международного партнерства открывает новую страницу в развитии отношений между африканскими и азиатскими странами, включая Россию. И здесь на первый план выходит задача координации политического курса и сопряжения стратегий развития, чтобы новый евразийский континентальный мост получил достойное продолжение на пространстве африканского континента. В этом свете видится дальнейшее развитие процесса экономической глобализации с участием стран Африки и Азии.

17–20 октября 2017 г. под эгидой Института Африки РАН состоялся очередной международный форум африканистов «Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях». Как отметила в пленарном докладе директор Института Африки РАН И.О. Абрамова, перед Россией и африканскими государствами «стоит общая задача – формирование более справедливого и соответствующего новым реалиям миропорядка. Для африканцев Россия до сих пор представляется как наиболее вероятный союзник в отстаивании своих интересов на мировой арене, как естественный противовес гегемонистским устремлениям одной или группы мировых держав». Конечно, Африка нужна России как стратегический партнер, что станет основой для взаимного полноценного развития и процветания наших стран и народов.

Как отмечали участники Африканского форума, только базируясь на прочном фундаменте научных знаний возможно расширение горизонтов сотрудничества с африканскими государствами и возвращение России в Африку как стратегического участника процессов международного развития.

В 2018 г. исполняется 60 лет со времени прохождения Первой конференции народов Африки, состоявшейся 5–13 декабря 1958 г. в Аккре, столице бывшей британской колонии Золотой Берег, ставшей в 1957 г. первым независимым государством Тропической Африки. Впервые на меж-

дународном уровне и на территории самого африканского континента был поставлен вопрос об объединении всех африканских народов в борьбе за независимость и ликвидацию колониального правления в Африке. Руководителем советской делегации на этой конференции был Иван Изосимович Потехин (1903–1964), и выводы, сделанные им, надолго определили основные направления исследований советских африканистов. В 2018 г. исполняется 115 лет со дня рождения И.И. Потехина, одного из основателей отечественной африканистики, ставшего первым директором Института Африки АН СССР (сейчас – Институт Африки РАН). В данном Ежегоднике представлены материалы из Стенограммы заседания Ученого совета Института этнографии АН СССР, на котором И.И. Потехиным был сделан отчетный доклад об участии советской делегации на этой конференции.

В целом данный выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный ведущими африканистами России, посвящен анализу актуальных вопросов развития и сотрудничества на африканском континенте, вызовов международного терроризма и проблем внешней политики африканских государств, рассмотрению тенденций развития конкуренции между суннизмом и шиизмом, а также – поискам африканской идентичности и новых оснований для диалога Африки с миром как полноценного участника процесса экономической глобализации.

Н.С. Курабаев

И.В. Следзевский

САМООРГАНИЗАЦИЯ КРИЗИСНОГО СОЦИУМА: РЕЛИГИОЗНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ МАСС В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ (КРИЗИС АФРИКАНСКОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ)

За последнее столетие африканские общества претерпели огромные по своим историческим масштабам изменения. Исторические масштабы этих изменений («смена времен») особенно заметны в субсахарской Африке.

Еще в первой половине XX века началась перестройка традиционных локально-общинных социумов в направлении проектов более крупных религиозных сообществ – этноконфессиональных общин, церковного и сектантского коммунизма, теократических принципов и форм власти. Завоевание политической независимости дало мощный толчок процессам общественной модернизации, затронувшим в первую очередь политическую и экономическую сферы, – создание национальных государств (по европейской модели нации-государства), формирование систем национальных экономических институтов, ускоренное развитие экспортоориентированных отраслей экономики. Понятия «социальные изменения», «новые социальные формы», «модернизирующиеся общественные состояния и структуры» в научных и общественных представлениях распространились на собственно африканские, «почвенные» институты и отношения. Многочисленными эмпирическими исследованиями доказано, что элементы традиционного уклада жизни: большие семьи, общинные структуры, этнические и земляческие общности, ин-

ституты традиционных правителей и вождей – могут быстро видоизменяться и развиваться в качестве способа адаптации к быстрым переменам.

То, что в ранних, линейных теориях модернизации считалось архаическими пережитками, подлежащими замене оппозитивным качеством современности, получило в одной из базовых дисциплин африканистики – культурной антропологии полноценный статус этнических культур, африканского культурного достояния, африканской самобытности и т.д. Жесткое этническое размежевание (трибализм) предстало как сравнительно недавняя традиция, не являющаяся в своей основе «извечным» наследием Африки, ставшее африканской традицией главным образом в процессе массивного разрушения более древних, разнообразных и естественно сложившихся форм социальных отношений и социокультурного устройства общества.

Динамичным изменением в общественно-политической жизни региона стал происшедший в конце XX в. поворот многих африканских стран к идеям и моделям демократизации правящих режимов. Под влиянием мировой «демократической волны» и собственных демократических движений светского толка в регионе наметился сдвиг от авторитарных форм политической власти к многопартийным формам правления. В странах, где сложились единые и хорошо организованные оппозиционные движения, – ЮАР, Замбия, Намибия, Мозамбик, Лесото, Мадагаскар, Бенин, Гвинея-Бисау, Нигер, Острова Зеленого Мыса, возник феномен новой африканской демократии, ориентированной в основном на проведение многопартийных выборов.

Под влиянием практики многопартийных выборов и связанной с нею политической мобилизации широких масс населения наметилась значительная политизация массовых настроений и ожиданий избирателей, что расширило пространство открытой политической борьбы и породило ожидания больших перемен в политической жизни африканских

стран («политическое обновление», «второе освобождение», «падение африканского авторитаризма» и т.д.).

К масштабным социально-историческим изменениям, затрагивающим все страны Африки южнее Сахары (АЮС), надо отнести и определившиеся к концу XX века фундаментальные демографические сдвиги в динамике народонаселения региона, связанные с падением уровня смертности населения при сохранении высокого уровня рождаемости. Показатели демографического роста в странах АЮС значительно превышают показатели прироста в других развивающихся странах. При этом демографический рост в регионе продолжает определяться тенденцией к повышению, что обуславливает ведущие позиции стран АЮС в глобальном процессе «афро-азиатизации» мира. По своим внутренним последствиям совершившийся на протяжении двух-трех поколений демографический «взрыв» в регионе аналогичен масштабной социальной и культурной революции. Практически внезапное появление масс нового населения ослабляет или подрывает традиционный сельский уклад жизни, сравнительную устойчивость прежних социально-экологических и этносоциальных балансов, приводя к стремительному омоложению городского населения. На волне антиколониальных революций XX века в кругах африканской политической и интеллектуальной элиты утвердилась телеологическая по своей сути вера в безальтернативность европоцентристской модели развития – на основе принципов, ценностей и норм европейского Модерна.

Стратегии обновления африканских обществ в национально-государственных рамках воспроизводили в той или иной степени классическую модель догоняющей модернизации – преобразования традиционных отношений и структур по стандартам развитых индустриальных стран. В практике экономической политики эта модель принимала и принимает вид прагматических программ и решений, согласуемых с ведущими международными экономическими и политически-

ми центрами: повысить ежегодный прирост валового внутреннего продукта и сохранить общую устойчивость макроэкономических показателей, увеличить экспортные возможности национальных экономик и сократить бюджетный дефицит государств, привлечь на возможно более выгодных условиях иностранные инвестиции и улучшить рынок труда и т.д. Однако, несмотря на определенную эволюцию в направлении самообеспечения экономического роста на национальном, субрегиональном и региональном уровнях, результаты догоняющей модернизации стран АЮС нельзя считать успешными – соответствующими целям и интересам сохранения стабильности и повышения уровня общественного благосостояния, роста эффективной занятости и человеческого потенциала, обеспечения необходимой управляемости социальных изменений и безопасности граждан. Постколониальный период не только не продвинул большинство стран АЮС, но обозначил затяжной кризис развития, его очевидными признаками стали масштабный развал традиционных экосоциальных систем (одного из главных достижений традиционного африканского общества), рост бедности основной массы населения, коррупционный грабег целых стран, деструкция формальных политических систем, падение уровня управляемости в обществе и нарастание конфликтного потенциала его развития.

В политической борьбе на первый план начали выходить в массовых масштабах этносоциальные и конфессиональные ценности и установки – как новые, порожденные экономическими и интересами, так и старые, связанные прежде всего с самосохранением человека в рамках общинно-родовых и семейных институтов. Политизация массовых настроений и ожиданий усилила в ряде случаев предпосылки кризиса африканских государств, скорость нарастания этого деструктивного процесса и его тяжелые последствия для мира и стабильности в регионе. Под сомнением оказалась сама возможность развития в регионе Африки южнее Сахары

устойчивого и регулируемого варианта национально-государственного устройства общества, отвечающего интересам широких слоев населения.

Ясно проявилась тесная взаимосвязь низкого уровня развития стран АЮС, с одной стороны, и слабости, неэффективности, имитационного характера национально-государственного контроля и регулирования баланса стабильности/нестабильности социальных изменений. Бедность, голод, эпидемии, низкий уровень образования, общая несбалансированность экономического развития не только создают объективные условия для роста социальной напряженности, но и непосредственно провоцируют острые конфликтные ситуации внутригосударственного и международного уровней. В то же время конфликтные ситуации в регионе возникают так часто и их разрушительные последствия настолько тяжелы и масштабны, что динамика конфликтов не может не сказаться на динамике африканских обществ, самом укладе повседневной жизни, устройстве многих из них. Уровень конфликтности африканских обществ на уровне отдельных стран и региона в целом остается самым высоким в мире – и по размаху этих конфликтов, и по количеству вызванных ими жертв [3, с. 10]. Межгосударственные и гражданские войны остаются главной угрозой безопасности Африки.

Но даже при отсутствии вооруженных конфликтов снижение уровня общественной управляемости и безопасности систематически поддерживается развитием худших видов «теневой» и «черной» экономики: контрабанда оружия и наркотиков, бандитизм и морское пиратство, браконьерство (в том числе поставленное на коммерческую основу уничтожение редких видов животных), работорговля, противозаконная разработка природных ископаемых. На этой основе возникает и получает широкое распространение первичный уровень возникновения деструктивного (криминаль-

ного) порядка – уровень организованной преступности и криминального самообогащения.

Вместе с тем оценка последствий кризиса африканского развития (Африканского кризиса) во многом зависит от культурно-цивилизационного контекста – картины мира, в которой социальные изменения, их позитивные и негативные последствия рассматриваются с нормативно-ценностной позиции «должного» – самоочевидного, правильного и бесспорного содержания. Данную позицию следует обязательно принимать во внимание при оценке значения «африканского кризиса». Для «внешнего наблюдателя», дистанцированного от африканской социокультурной среды («африканской почвы») и типичных для нее представлений о «нормальном», «допустимом», «правильном», африканский кризис обычно означает социальную деструкцию, разрушение легитимных («прогрессивных», «современных», «цивилизованных») институтов и форм организации общества. Но эта позиция, как мы полагаем, не передает всей сложности и вероятности изменений, переживаемых, оцениваемых, направляемых собственно действующими лицами этих изменений в контексте их социокультурных установок, взаимоотношений и взаимодействий.

Массовая культура африканских постколониальных обществ не знает в качестве преобладающего социального типа атомизированную личность – человека, не включенного по родственному, земляческому и этническому признакам в социально-коммуникационные сети, союзы взаимопомощи, культурные ассоциации и т. д. В этом контексте некорректно и просто ошибочно сводить результаты развития этих обществ в постколониальный период исключительно к образам, самоочевидным концептам деградирующей социальности, распадающегося социума, социального хаоса, «антиразвития» или «антицивилизации». Необходимо обратить внимание на спонтанные, не зависящие от национально-государственных и международных структур процессы са-

моорганизации социума, особенно важные и действенные именно в ситуациях общественного разлада, ослабления или падения государства как центральной организации политической системы.

Самоорганизация социума как фактор африканского эндогенного развития

Существование африканского социума как единого целого сегодня обеспечивается в большой и даже решающей степени процессами его самоорганизации – спонтанными усилиями и действиями, направленными на выживание, самозащиту и самозанятость населения в тяжелейших условиях существования человека, семьи или группы. Средоточием и основой этих процессов выступают так называемые «неформальные структуры» занятости и социальной организации населения, объединяемые обычно общим названием «неформальный сектор экономики». Само по себе это название, утвердившееся в экономических и социологических исследованиях, носит явно оценочный и условный характер. Название подчеркивает неорганизованный, нецензовый, неофициальный характер неформального сектора экономики, что, в свою очередь, ставит понимание его общественного значения в зависимость от жестких идентификационных образов и схем: экономика «белая» (легальная) – «теневая», соблюдение – нарушение официального закона. С точки зрения социального потенциала развития самоорганизующийся африканский социум интересен прежде всего системой формирующихся в нем социальных связей и институтов, ценностей и культурных ориентаций. Но отождествляемый с образом замкнутого на себе *сектора* экономики он рассматривается почти исключительно под углом зрения статистики, созданной для отображения реалий либо рыночной (капиталистической), либо нерыночной (огосударственной) экономики.

В этой картине социально-экономического развития увеличение масштабов неформального сектора предстает почти исключительно как следствие *распада* национальной экономики и национального государства, *нарушения* хозяйственных связей, как вынужденный способ *самосохранения* и *выживания* населения – зачастую на минимальном уровне существования.

В результате «неформальность» существования миллионов африканцев, то есть жизнь вне государственных установлений и европейских стандартов социального порядка, вольно или невольно начинает восприниматься как периферия, неконтролируемая зона легального социального порядка. Уйти от этих образов достаточно сложно даже в случае признания изначальной неспособности «несостоявшегося» государства справиться с проблемами выживания и безопасности своего населения. Неизбежное в этом случае «замещение» государства и его институтов самоорганизацией «естественных» человеческих коллективов, воссозданием «своего» социума все равно будет восприниматься как нечто такое, что находится за пределами социального порядка и скорее соответствует нарастанию распада, центробежных тенденций, энтропии в обществе в целом.

Между тем в собственно африканской среде «неформальность» социальных связей выходит за рамки того, что в европейской картине мира выглядит чем-то ограниченным, замкнутым на самом себе и обозначается соответствующими терминами «сектор», «ареал», «субкультура». Это ключевой элемент всей конфигурации социальной структуры африканских обществ, ее наиболее массовых организационных форм и способов социальной защиты. Уже в 1985 г. в неформальном секторе экономики было занято 60% городского активного населения Африки, к концу столетия эта доля еще более выросла, прежде всего за счет стран АЮС: по оценкам Международной организации труда, после проведения в регионе структурных экономических реформ численность безработ-

ных в городах в 1990-е годы *утроилась* с 9 млн до 28 млн человек и достигла 31 % всего трудоспособного населения региона АЮС, на долю неформального сектора приходилось уже 93 % новых рабочих мест.

Развитие и общественная роль этого сектора не поддаются исчерпывающему определению и измерению ни в категориях традиционных (архаических) африканских институтов, ни в категориях модернизированного (индустриального) общества. Сектор включает в себя представителей самых разных социальных групп и в определенной степени выполняет функции социальной интеграции. Неформальные отношения внутри сектора базируются на сочетании предписанных и достигаемых социальных позиций: родства, земляческих отношений, с одной стороны, и обезличенно-формальных позиций в модернизированном секторе хозяйственной и социальной деятельности – с другой.

В организационном отношении неформальный сектор представляет собой социальные сети, адаптированные более или менее к условиям городской жизни, современной экономики и организации государственной власти. Ядро организации этого сектора образуют патронажно-клиентельные отношения модернизированного типа, а вершину – структуры власти, объединяющие представителей политической и деловой элиты. В большей или меньшей степени, но эти отношения и структуры приспособлены к жизни в современном городе, к условиям занятости в рыночной экономике и системе административно-государственного управления. Предприятия неформального сектора сегодня охватывают всю сферу городского хозяйства. Незарегистрированные предприятия выступают основным работодателем на городском рынке труда. Именно неформальный сектор создает условия для воспроизводства рабочей силы и жизнедеятельности всего общества (жилье, транспортная и социальная инфраструктура, коллективные формы потребления и т.д.).

В то же время деятельность и самоорганизация неформальных структур власти и влияния воспроизводят до некоторой степени архетипические модели африканских вождей и ранних государств. Здесь и обязательный обмен услугами и даннические обязательства нижестоящих по отношению к вышестоящим лидерам, и объединение через лидера социальных коммуникаций в единую социальную сеть. «Неформальная социальность» может явным или неявным образом корректировать распределение экономических ресурсов и финансовых потоков, влиять на развитие и масштабы теневой и криминальной сферы экономики: сокращать доходы официальных государственных бюджетов, уменьшать доходы одних групп населения и увеличивать или контролировать доходы других. Выражением «неформальной социальности» можно считать быстрое развитие локальных и трансграничных этносоциальных и этнорелигиозных сетей, расширяющих и в значительной степени модернизирующих значение социального родства, патронажно-клиентельных связей, а в собственно политической сфере – развитие неопатримониального типа власти, основанного на отношениях личного господства/подчинения.

Являясь основой самоорганизации широких слоев населения, неформальный сектор определяет в значительной степени и формы мобилизации масс – приведения людей в активное, организованное состояние для достижения определенных целей. За длительное время своего существования африканский «неформальный сектор» создал особую систему мобилизации населения, которая базируется на нескольких социокультурных основаниях, имеющих характерные организационные формы.

На «низовом» уровне выживания и взаимопомощи эту роль играет типично африканская форма социальной организации в виде небольших общин, скрепленных узами родства, семейными связями и взаимными обязательствами, готовностью к взаимопомощи и необходимому в данной ситуации

распределению материальных и людских ресурсов. «Наверху» – в политической сфере доступа к власти и распределения национальных ресурсов – основное значение имеют этничность, принадлежность к крупным этническим общностям, при поддержке которых действуют политики, создаются этнополитические коалиции и заключаются политические сделки. Таким образом, горизонтальная самоорганизация населения на уровне небольших групп, групповой культурной идентичности сочетается с вертикальной этнополитической мобилизацией на уровне государства, неопатримониальных структур власти.

Мобилизованное участие самозанятого населения в социальных и политических процессах позволяет неформальному сектору играть существенную роль в изменениях социальной структуры общества: развитии ее организационных форм и форм социальной защиты. По словам К. Малдонадо, «глобальное переустройство социальной структуры совершается не вокруг основных классов капиталистического общества (рабочие и буржуазия), в вокруг слоев мелких собственников (микропредпринимателей) и самостоятельных работников – носителей своих особых устремлений», «...неформальный сектор несет в себе ферменты новой культуры, культуры частного предпринимательства, противостоящей модели этатизма и бюрократии, которую предпочитает властвующая элита» [10, р. 5].

Но динамика социальных и политических потрясений вносит серьезные коррективы и в формы самоорганизации самого «неформального сектора». Основание для таких изменений создает уже сам по себе бурный рост «самозанятости».

В 1980–1990-е гг. под прессом этого роста оказалась и устойчивость традиционных (групповых) связей, и надежность этнополитического патронажа. База рекрутирования правящих этнополитических кланов на порядок расширилась в связи с демографическим «взрывом» и быстрым ростом

«неформального сектора». В то же время ресурсы многих африканских государств резко уменьшились. Государство сохранило контроль над основными рычагами регулирования частнопредпринимательской деятельности (лицензии, контракты, налоги, тарифы и пр.). Но политическая либерализация открыла возможности для активизации частных предпринимателей на социально-экономической, а не на этнической основе. В противовес традиционным локальным группам – семейным, клановым, земляческим – возросло значение гендерных и социально-профессиональных групп – женщин, молодежи, крестьянских и предпринимательских объединений. Как отмечает преподаватель экономики в Университете г. Дакара (Сенегал) Ф. Энгельхард, эти группы утверждают свою самостоятельность и свое собственное самосознание, стремясь вырваться из-под семейно-клановой власти [8, р. 201]. Быстро распространяются новые формы культурной коммуникации, модели поведения и идентичности, в которых принадлежность к семье, клановой и земляческой группе уже не играет самодовлеющей, непререкаемой роли. Зато возрастают ценности и настроения политического радикализма, отчуждения от традиций и обязательств, еще недавно считавшихся непререкаемыми в местной социальной среде. Население все меньше верит старым политикам.

Характерная для африканской политической жизни последних десятилетий борьба без правил и с применением насилия подрывает остатки доверия к существующей государственной власти, формальному закону, безличным политическим структурам и институтам.

Но и внутри самого «неформального сектора» ситуация во многих случаях складывается самым непредсказуемым образом. Прибывающее население даже для своего элементарного выживания требует все новых и новых ресурсов, но для решения этой проблемы у локальных, общинно-земляческих институтов не хватает ни средств, ни должной ответственности, ни необходимой легитимности.

В массовом общественном сознании эта ситуация воспринимается и интерпретируется как кризис жизненного уклада и кризис авторитарно-клановой власти. Особенно остро этот кризис воспринимается в африканских городах. Но даже в сельской местности, как отмечает Ф. Энгельхард, «все больше жителей начинают понимать, что они должны голосовать за тех, кто поможет им решить жизненные проблемы, а не поддерживать паразитирующих на их доверии родственников, все меньше доверяют своим старым политикам, которые еще доминируют в своих кланах» [8, р. 201].

Однако тяга к самостоятельному политическому волеизъявлению – это лишь одна из альтернатив узкогрупповым и этническим формам мобилизации масс, один из вариантов социального и политического самоопределения населения. Другой альтернативой социальному кризису, выходящей за рамки традиционных локальных коллективов, этнических групп, государств, становится социально-религиозная мобилизация людей. Мобилизация во имя надэтнических, универсалистских целей и на основе выбора самим человеком своих духовных ценностей, принципов Спасения и альтернативных форм социального и политического строя.

Сдвиг в пользу религиозных инноваций и массовой религиозной мобилизации населения

Религиозная мобилизация – новый и динамичный феномен жизни субсахарской Африки. В некоторых работах он уже получил названия «новое культовое пространство религиозных инноваций» [7, р. 11] и «африканская религиозная революция» [4, с. 210, 224–226].

С точки зрения конфессионального состава участников религиозная мобилизация в африканских странах представляет собой многоликое (если не сказать разношерстное) явление. Помимо радикального (прозелитского) ислама усердное обращение в веру практикуют широко распространив-

шиеся на континенте движения пятидесятников, общины баптистов, методистов, пресвитерианцев, сектантские афрохристианские и пророческие церкви. Религиозная мобилизация затрагивает также широкие массы католиков в Конго (Заире), Того, Кот-д'Ивуаре, Камеруне. Вероисповедание и исполнение обрядов у африканских католиков, по внутреннему смыслу, приобретает сходство с протестантской, духовно-мобилизационной моделью (постоянное чтение Библии, подлинность веры, сосредоточенность внимания на молитве, деятельное участие мирян в управлении религиозной общиной) [9, р. 30–39].

В своем динамизме и отношении к африканскому кризису, к актуальным проблемам континента феномен африканской религиозной мобилизации имеет много общего. Элементы сходства настолько важны, что, действительно, позволяют рассматривать обновленческие религиозные движения в качестве трансконфессиональной религиозной революции. Сдвиг в пользу религиозных инноваций и религиозной мобилизации произошел на рубеже 1980–1990-х гг., когда африканский кризис достиг максимальной остроты и в короткие сроки оказал огромное влияние на разные конфессии, особенно в крупных городских агломерациях.

Основой религиозной мобилизации стало широко распространившееся увлечение «харизматической» набожностью: быстрое расширение пантеона святых (среди христиан), объединение верующих вокруг харизматических духовных лидеров и общин избранных, отказ от компромиссов с властью, проповеди пророческого и мессианского типа. Обновленческие движения – от исламских орденов реформаторского типа до общин пятидесятников – берут на себя функции социализации индивида и его социальной защиты, играют растущую роль в социальной интеграции общества [1, с. 70–72; 2, с. 126–127; 6, с. 101–109].

Целью религиозной мобилизации становится достижение глубоких изменений в общественном сознании, но глав-

ное – изменение отношения к действительности, формирование этики ответственности и активных солидарных действий. Лучше всего это выражается в тех оценках, которые обновленческие движения дают причинам и содержанию африканского кризиса. Если в идеологии африканского национализма «вредоносное», «разрушительное» всегда связывалось с колониализмом (сегодня – с глобализмом), то обновленческие движения возлагают основную ответственность за кризис и на самих африканцев. В этой логике, радикально изменяющей этическое отношение к миру, первопричиной африканского кризиса выступает уже сам африканец, который должен нести всю ответственность за его последствия.

Социально-этический смысл африканской религиозной мобилизации хорошо передает пасторское письмо верующим руководителей одной из евангелических сект (Церковь Христа) в Заире: кризис порождается поведением людей, образом жизни, который вовлекает африканцев в «ложь, ненависть, проституцию, доноительство, накопление личного имущества в ущерб большинству, которое погрязло в нищете и жаждет освобождения» [4, с. 212].

Важнейшими сферами практического приложения этики ответственности и мобилизованного действия становятся экономика и политика. Проповедническая и культовая активность религиозных общин, мусульманских орденов, независимых афро-христианских церквей часто сочетается с предпринимательской деятельностью, а в эту деятельность вносятся начала религиозного этоса. Религиозно-реформаторские идеи привносятся в политические дискуссии и часто трансформируются в призывы к политическому переустройству общества. Дальше всего в этом отношении идет радикальный ислам, который не скрывает свою основную цель – изменить политический строй африканских стран.

Особо надо отметить духовную динамику африканской религиозной мобилизации. Поиски новой духовности под-

держиваются и направляются формированием разнообразных теологических школ, на основе которых уже сложилась своеобразная теология обновления Африки. Движет этот процесс типично фидеистская логика веры – подчинение практического, научного, философского знания религиозной вере, библейскому и мистическому откровению.

Формы религиозной мобилизации в странах АЮС сближает и очевидный глобальный контекст: они тесно связаны с религиозными обновленческими движениями на других континентах, «встроены» в глобальное пространство «десекуляризации мира». Усиление влияния ислама нельзя представить вне подъема исламского фундаментализма и политического ислама в арабских странах. Распространение протестантизма тесно связано с расширением мировой аудитории евангельских церквей, пророческих движений и сект в христианстве. В целом, как характеризует эти процессы В.С. Мирзеханов, «мощная религиозная мобилизация», которую испытывает в последние десятилетия субсахарская Африка, носит, скорее, «социальную или фидеистскую окраску» [4, с. 221]. Основным выражением религиозной мобилизации становится утверждение культурно-религиозной самостоятельности Африки в значении альтернативы вестернизации континента. Возвышаясь до уровня божественных откровений, религиозных заповедей и заключенных в них высших принципов и норм священного порядка, обновленческие религиозные движения способны преодолевать групповые, профессиональные, локальные различия, приобретая известный потенциал культурного универсализма.

В процессе своего развития и усложнения религиозная активность способствует повышению роли форм и средств культурной регуляции жизни общества (идеалы, ценности, нормы и т.д.), поднимая значение духовной деятельности (иерархии священнослужителей) и усиливая автономию культурной сферы от политического порядка. Если политические нормы и установления обычно ограничивают участие

широких слоев населения в обособленных центрах власти, религиозная активность, напротив, предоставляет широкий доступ к культурным порядкам, связанным с символами и значениями высшего мира. Через ритуальные формы духовной деятельности члены религиозных общин и движений восстанавливают «чистоту» мирского социального порядка и непосредственно участвуют в создании и поддержании иерархической структуры религиозной общины, отражающей место индивида в порядке космическом. При этом существенно изменяются базовые принципы регуляции общественной жизни и человеческого поведения. Ключевым принципом и целью поведения становится, по крайней мере в синкретических религиях, спасение, требующее продолжительных и целенаправленных усилий.

Влияние религиозного активизма на мобилизационный потенциал идеологии афроцентризма

Первоначальные версии афроцентризма складывались в секулярном пространстве современной евро-американской культуры (что, впрочем, не мешало им мифологизировать историю или отвергать секулярные ценности культуры и власти «белых»). Афроцентризм жестко и недвусмысленно противопоставляет африканца европейцу, африканские культуры европейской. Однако в классических афроцентристских учениях и концепциях это прослеживалось в образах, терминах, схемах европейской цивилизационной идентичности путем переполюсовки ее ценностных и нормативных значений.

Основатели афроцентризма выступали за реабилитацию африканского культурного и исторического наследия, якобы фальсифицированного и дискредитированного в результате многовекового господства «белой культуры». Однако они не ставили под сомнение ни могущество западной цивилизации, ни мировое значение западных ценностей и стиля

жизни. Не отрицалась и связь быстрых успехов в сфере общественно-экономического развития с ценностями и институтами, заимствуемыми – в категориях «холодной войны» – либо у Запада, либо у Востока. Основной формой универсалистского сознания в ситуации сословно-расового размежевания колониального общества могло быть только расовое самосознание. Поэтому первичной, внешней формой афроцентризма как разновидности цивилизационной идентичности стала идея единства и самобытности негроидной расы.

Сегодняшние горизонты и мобилизационный потенциал афроцентризма формируются в значительной степени уже вне рамок и ценностей секулярной (западной) культуры. Ключевая роль в формировании его горизонтов понимания мира переходит к теологическому сознанию, разнообразным формам и феноменам религиозной мысли.

Теологические версии и направления современного афроцентризма весьма подвижны и разнообразны. Особенно разнообразны они в сфере христианской и квази-христианской теологии (евангелистская теология, теология освобождения, теология реконструкции Африки и т.д.). Для всех этих течений характерна более или менее выраженная афроцентристская направленность: отрицание колониальной концепции победы христианства над африканскими «языческими культами», разрыв с восприятием официальной христианской церкви («белого христианства») как единственной носительницы правды о Господе [5; 4, с. 189].

Развитие африканской теологической мысли отражает существенные изменения в конфессиональном пространстве субсахарской Африки – расширение ареалов афрохристианства и афроислама, объединяющих большие массы верующих на принципах спасения, веры в высший духовный Абсолют и гармоничных отношений с трансцендентным миром. Первостепенное значение в культурно-цивилизационном развитии региона приобретает религиозный опыт и религиозно-культурное наследие африканских народов в сочетании

с развитием трансграничных религиозных сетей и усилением роли религиозных миссий, духовных орденов профетических движений, конкуренцией между религиозными направлениями и движениями.

В течение XX в. ведущие позиции в конфессиональном пространстве Африки южнее Сахары заняло христианство, постепенно оттеснившее локальные этнические религии на периферию этого пространства. В современных условиях христианство в регионе формирует свое уникальное культурно-цивилизационное пространство, в котором наблюдается конкуренция между различными направлениями христианства.

Современная афро-христианская теология реабилитирует африканские традиционные ценности и формы религиозного опыта. На идее реабилитации традиций базируется целая теологическая школа – так называемая теология воплощения. В концепции этой школы христианская вера должна исходить из африканского религиозного опыта, народного видения мира и африканской жизненной этики африканцев как наиболее подходящего места для укоренения религии и диалога с Христом. Однако наиболее важной и универсальной чертой африканской теологии является не просто адаптация христианства к архаическому наследию африканских культур, а создание афро-христианских синкретических учений, позволяющих рядовому африканцу воспринимать и рефлексировать свое бытие через осознание разрыва, существующего между высшим и мирским порядками, приходя к выводу о необходимости перестройки человеческой личности и поведения человека на основе принципов более высокого и метафизического порядка. В основу этих учений кладутся собственные ценности и ритуалы (а в основу афро-христианских церквей и сект и собственные догматы), которые направлены на перестройку земных порядков в соответствии с избранным путем преодоления раз-

рыва между земным и высшим (духовным) уровнями бытия и новыми формами самосознания.

Интерпретируя сюжеты и принципы христианского вероучения в духе традиционного африканского мирознания (мистицизм, возбуждение и переживание религиозного экстаза, возможность прямого получения божьей благодати через закрепленную в религиозном опыте практику видений, пророчеств, исцелений и т.д.), африканские синкретические (афро-христианские) учения содержат в себе идею, догмат, проповедь наступления «царства божьего на земле», «скорого прихода Спасителя» в образе черного человека. Точно так же, используя элементы местных традиционных верований и ритуалов, синкретические направления африканских религий могут вести борьбу против определенных архаических традиций (например, против колдовства) и сохранять, внедрять в массовое сознание ключевые ценности и установки направлений христианской теологии (главным образом протестантских). Это придает африканской теологии ясно выраженные черты «осевой» духовности, ставит африканские синкретические учения, если не в один ряд с великими культурными ценностями и духовными открытиями, положившими начало эпохе «Осевого времени», то в ряд так называемых «авторских» сакральных учений, утверждающих принципы социальной универсальности своих ценностей, возможностей распространения за пределы породивших эти учения общин и этнических общностей.

Афрохристианские и афроисламские движения, общины, церкви зачастую представляют собой отдельные конфессиональные направления, охватывающие большие пространства ряда стран и большое число (по несколько сот тысяч) сторонников: исламские духовные ордены в Западной Африке; учение Харриса (харризм или неохарризм) в Западной Африке; основанная в 1921 г. проповедником из Бельгийского Конго Симоном Кимбангу афрохристианская пятидесятническая секта «Церковь Христа на Земле» (кимбангизм) в

Центральной Африке; отделившееся в XX в. от церкви Свидетелей Иеговы самостоятельное синкретическое направление Китавала (китавализм) в Центральной и Южной Африке и т.д.

Понятно, что таким образом значение африканских религий и в целом африканского мира универсализируется, ставится на один уровень с догматическим христианством. Самобытность Африки приравнивается к возможностям неограниченного культурного творчества и высокой активности африканцев в прошлом и в настоящем. Африканский религиозный опыт воспринимается как значимый фактор социокультурной трансформации общества, необходимая составляющая нормальной жизнедеятельности человека, религиозной мобилизации отдельных конфессиональных групп и широких масс населения, вовлеченных в социально-религиозные сети.

Правда, некоторые теологические течения по-прежнему акцентируют типичное для классического афроцентризма расовое начало в восприятии мира – извечный антагонизм взаимоотношений «белой» и «черной» рас. Это характерно для афро-христианских и пророческих церквей (сект), чья догматика очень близка к философии движения растафари. Тема библейского откровения связывается с концепцией особого африканского видения мира, связи Бога с человеком через мир духов, добрых и злых сил и создания общин избранных, объединенных вокруг духовного лидера и способных противостоять силам зла.

Вместе с тем современную африканскую теологию отличает стремление преодолеть расовые основания афроцентризма, придать ему более универсалистское содержание – социальное или культурное. В некоторых случаях универсализм африканского теологического сознания заходит уже так далеко, что под сомнением оказывается жесткий дихотомизм афроцентристских образов. Например, теология реконструкции континента в основу своих идей кладет отказ от взаимо-

исключающих противопоставлений: Запад – Африка, традиция – современность, интуитивность – рационализм. Превыше всего ставятся модель Вселенской Церкви как воплощения единства и братства всех людей независимо от их этнической принадлежности и политических убеждений, социальная и политическая активность верующих во благо всего общества. Библейские откровения воспринимаются как высший мотив и призыв к постоянной общественной активности, переустройству окружающего несовершенного мира.

С конца 1970-х гг. широкое распространение в субсахарской Африке получила теология освобождения, которая жестко критикуется и осуждается официальными христианскими церквями. Сторонники этого течения предлагают по-новому прочесть Евангелие и библейские тексты, чтобы обнаружить связь духовного призыва Христа с идеей социального освобождения. В Африке это направление получило наиболее радикальную и мобилизующую антизападную направленность: освобождение бедных от власти правящих режимов и ликвидация зависимости Африки от западных стран.

В рамках теологических концепций более широкие интегративные и мобилизующие возможности приобретает и африканский подход к истории, афроцентризм как специфическая форма исторического сознания. Бог воспринимается и интерпретируется как активное реальное лицо, которое связывает своей властью и волей прошлое и будущее Африки больше, чем какая-либо другая видимая и невидимая власть и сила. Эту высшую власть, находящуюся в постоянной динамике, воплощает и реализует лидер-пророк религиозного движения, который распоряжается всеми практическими и теоретическими новшествами. Традиции и нововведения оказываются в едином культурном и духовном пространстве.

Обращение в понимании исторических судеб Африки к законам Божественной воли как будто усиливает ориентацию африканской теологии на смыслы и ценности потусторонне-

го мира. Однако современные африканские теологические концепции, за некоторым исключением, трактуют религиозную мысль как средство преобразования окружающего мира, как действенный культурно-исторический идеал. В этом смысле они не только не закрыты для земной – социальной и политической активности, но убежденно, целенаправленно продуцируют ее. Исключение составляет африканский евангелизм. Его деятельность и философия, по словам В.С. Мирзеханова, «находятся за пределами больших задач и проблем, которые занимают современную общественную мысль Африки» [4, с. 197].

Другие направления теологической мысли переосмысливают религиозные идеи в африканском социокультурном контексте. Это открывает возможности для наполнения теологических концепций мобилизующим социальным и политическим содержанием. Активистские установки можно обнаружить в идеях полноценности истории и традиций Африканского мира, его способности к возрождению и активному культурному созиданию, в учении о новой судьбе и новой ответственности людей «черной расы» перед Богом (идея афро-христианских и пророческих церквей), в попытках философского осмысления мистических традиций Африки и Востока, в отстаивании возможности духовного синтеза традиционных ценностей Африки и идеалов христианства.

Но, пожалуй, наиболее ясно мобилизационный потенциал современной африканской теологии раскрывается в духовно-этическом восприятии и определении причин и основ африканского кризиса. Фактически африканская теология создала – в противовес настроениям афропессимизма – активистскую этическую утопию африканской самоорганизации, африканского избранничества перед лицом тяжелых испытаний, деморализации и дезорганизации общества. Идеалу африканского избранничества придается неотложное, практическое, мобилизационное значение. Это значительно отличает современную африканскую теологию от «старого афро-

центризма», который сложился и долгие годы оставался чисто интеллектуальной конструкцией.

Таким образом, африканская теология ослабляет прежнюю зависимость афроцентризма от европейского универсализма. Африканская идентичность начинает определяться на фоне кризиса, распада, разрушения («Мы – африканцы – все в ответе за все случившееся»). При этом на передний план выдвигаются такие модели духовной культуры и формы мировосприятия, которые могут и в условиях глобализации противостоять гегемонии Запада в целом, включая и духовную гегемонию христианства. Многие из теологических концепций, распространяющихся сейчас в африканских странах, являются продуктом мифотворчества или интеллектуального воображения. (А.Н. Мосейко и Е.В. Харитоновна пишут о «мифологизированной теологии афро-христианства – переосмыслении христианства в духе традиционного мировидения, в частности, культа предков» [5]).

Но воображение и фантазия в деятельности современных африканских теологических школ выполняют и вполне реальную задачу, близкую к целенаправленному формированию особой африканской идентичности, способной внедрить в широкое общественное сознание новое, мобилизующее восприятие духовной судьбы и мировой роли Африки в создании универсалистских религиозных доктрин и движений. Да и в пространстве повседневной жизни африканская теология стремится к мобилизации общественного мнения, культурных и политических сил общества на защиту духовного и символического поля африканской идентичности: меньше вестернизации, меньше франко- и англоязычия, меньше увлечения демократизацией и т.п. Постоянные напоминания об ответственности за тот мир, в котором живут африканцы и который должен быть одновременно духовным и, на самом деле, африканским, противопоставляют религиозно-этический афроцентризм идеологии и политике мультикультурализма.

Таким образом, за не очень продолжительное время, прошедшее с момента крушения европейских колониальных империй, горизонт духовной (культурно-религиозной) активизации африканского самосознания, установок и ценностей афроцентризма, как условия перехода африканского сообщества на новый – универсалистский уровень самоорганизации и самоопределения, не просто расширился, но приобрел весьма сложные противоречивые очертания. Как и в переломные 1960–1970-е гг. – на волне триумфа антиколониальных революций, основную линию этого горизонта определяет идеальное пространство, идеальный мир возрождения Африки. Понимание и определение этой задачи как радикального изменения к лучшему положения африканцев продолжают определять противостояние европоцентризма и афроцентризма. Противостояние обеих моделей исторического сознания не только не уменьшилось, но в 80–90-е гг. XX в. стало более напряженным и глубоким. Определилась, наполнилась культурным и идеологическим содержанием альтернативность идеальных путей развития Африки: либо вестернизация (европеизация), либо девестернизация африканского социокультурного пространства, влечение к Западу или отталкивание от Запада в качестве «жизненного проекта» будущего. Жесткость этой альтернативы не смягчило ни укрепление африканских авторитарных режимов в 70–80-е гг. XX в., ни их разрушение и либерализация правящих режимов в годы 1990-е. «Европеизм» и «африканизм», несмотря на развернувшийся диалог между ними, сохраняют значение противоположных идентификационных образов и концепций, противостоящих друг другу мобилизующих стратегий африканского развития.

* * *

Давая общую оценку феномену разворачивающейся в странах южнее Африки массовой религиозной мобилизации населения, нельзя не отметить тесную связь с процессами

самоорганизации постколониальных обществ региона, а также сложность и напряженность процессов религиозно-культурного самоопределения африканских народов. Идущие уже не одно десятилетие, эти процессы соотносят, организуют самые разные пласты традиционных африканских культур – от древнейших, отражающих «со-природное» существование человека, до «перестроечных», революционных по своей сути представлений, выдвигающих на первый план проблематику спасения – изменения человеческой личности и поведения человека в соответствии с принципами более высокого морального и ценностного порядка. В этом контексте представляется довольно узким и догматическим взгляд на традиционный африканский социум как исключительно «со-природное» культурно-цивилизационное образование.

Вместе с тем вопрос о роли религиозного фактора в духовной трансформации и в социальной эволюции африканских обществ нельзя считать решенным даже на уровне общего концептуального осмысления воздействия религиозных представлений на общественную жизнь и устройство общества. Распространено представление о традиционных африканских религиях как о пережиточном или консервативном явлении, форме сохранения культурного наследия предков. Мы полагаем, что исследовательское, проблемно-тематическое поле значения и роли традиционных африканских религий значительно шире темы возрождения древних ритуалов (ритуального традиционализма) и проникновения на этой основе в современную жизнь древних африканских верований. Судьба и роль африканских религиозных верований имеют значительно более широкий культурно-цивилизационный контекст, его ключевым смыслом становится вопрос о цивилизационном самоопределении и цивилизационных альтернативах Африки.

Литература

1. *Андреева Л. А.* Христианская религиозность в Африке в начале XX века в цивилизационном контексте // Цивилизационные альтернативы Африки. – Т. I. – Ч. 2. – М.: Институт Африки РАН, 2016.
2. *Горохов С. А., Захаров И. А.* Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX – начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. II. – М.: Институт Африки, 2017.
3. Конфликты в Африке: Причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). – М.: Институт Африки РАН, 2013.
4. *Мирзеханов В. С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. Высоцкая Н. И., Гомаа А. Э., Ирхин Ю. В., Мирзеханов В. С. и др. Общественная мысль в независимой Африке. – М.: Институт Африки РАН, 2000. – С. 37–67.
5. *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Афро-христианское самосознание и идентичность (Южная Африка и США) // Человек. – 2018. – № 3.
6. *Саватеев А. Д.* Исламский цивилизационный проект: суфийский вариант. Цивилизационные альтернативы Африки. – Т. I. – Ч. 2. – М.: Институт Африки РАН, 2016.
7. *Bayart J.-F.* Les églises chrétiennes et la politique du ventre // Religion et modernité politique en Afrique noire. – Paris: Kathala, 1993.
8. *Engelhard Ph.* L’Afrique miroir du monde?: Plaidoyer pour nouvelle économie. – Paris: Arlea, 1998.
9. *Laburthe-Tolra P.* La conversation au catholicisme en Afrique noire // Afrique contemporaine. – 1996. – № 178.
10. Значение неформального сектора в экономике Африки 14/07/2016. – URL: <http://hceibarys.kz/novosti/znachenie-neformalnogo-sektora-v-e-konomike-afriki.html>

ГУНГУНЬЯНА И ЕВРОПЕЙЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОЗАМБИКА)

Одной из самых ярких страниц в истории борьбы африканских народов против европейских колонизаторов является сопротивление государства Ватуа под руководством Гунгуньяны экспансии португальского колониализма. Правитель раннефеодального государства Ватуа, находившегося на территории современного Мозамбика, Гунгуньяна (1839–1906) отказался подчиниться требованиям португальцев признать себя их вассалом и выдать им «мятежных» вождей. Отказ Гунгуньяны привел к войне. После упорного сопротивления в ноябре 1895 г. армия Гунгуньяны, насчитывавшая 10 тыс. воинов, была разбита. Гунгуньяне с остатками своих войск удалось бежать и укрыться в деревне Шаймити. В декабре португальский отряд под командованием Моусинью де Албукерки ворвался в Шаймити. Гунгуньяна был пленен ислан на Азорские острова, где и умер в 1906 г.

Биографии и истории сопротивления Гунгуньяны португальским колонизаторам посвящен ряд исследований западных и отечественных историков [1].

Автору данной работы посчастливилось в 1990 г. поработать в Историческом архиве Мозамбика (ИАМ) в Мапуту, где имеется значительное число неопубликованных документов, проливающих свет на некоторые до сих пор неизвестные вопросы, связанные с личностью и деятельностью Гунгуньяны. Особенно большой интерес представляет деловая корреспонденция военного коменданта в районе Лимпопо (его письма различным адресатам, а также письма, полученные им из канцелярии губернатора, от начальников постов, от политического резидента в Газе и т. д.).

Эта переписка велась исключительно интенсивно. Только от политического резидента в Газе Браги военный комендант получил за один лишь 1894 г. 193 письма.

Из этих писем мы узнаем неизвестные ранее подробности переговоров, которые Брага вел с Гунгуньяной, пытаясь склонить правителя Ватуа к сотрудничеству с португальцами. Но, как видно из документов, это ему не удалось. В письме Браги от 28 июля 1894 г. сообщалось о том, что один из индун (вассальных вождей) Гунгуньяны по имени Макако пожаловался последнему, что португальский офицер Санчо склонял его к неповиновению правителю Ватуа, а когда он отказался выполнять приказы этого офицера, тот распорядился открыть огонь по его воинам, в результате чего двое из них были убиты [2].

Более подробное описание этого инцидента (разумеется, в его португальской версии) можно найти в письме секретаря губернатора территории Маника-и-Софала от 14 июня 1894 г. В нем говорится: «Имею честь довести до сведения Вашего Высочества, что по вине индуну Макако в Бузи произошел неприятный инцидент. Макако известен как дурной человек... он не подчинялся нашему коменданту и делал все наоборот, убеждая туземцев уклоняться от переписи хижин (чтобы не платить налоги) и не подчиняться Компаниа ди Мосамбики. Он назначал “миландуш” (губернаторов. – *А.Х.*), которые должны быть представлены на “банжа” (высший совет государства Ватуа. – *А.Х.*). Я приказал ему прибыть в Бейру. Однако он отказался это сделать. Тогда я послал в Бузи полицейский отряд, чтобы его арестовать. Но он оказал сопротивление полиции и, отстреливаясь, убежал. Полиция преследовала его, в результате три человека были ранены, один из которых умер, а двое других находятся в больнице, 6 человек арестованы. Самого Макако арестовать не удалось» [Ibid.]. «Я послал сказать вождю, – пишет Брага, – чтобы на следующий день он прибыл ко мне для обсуждения этого вопроса. Вождь приказал Макако еще раз рассказать

перед всеми грандами (знатными лицами. – А.Х.) о том, что произошло». После этого вождь сказал: «Я сын Короля (Португалии. – А.Х.), а Король приказывает убивать моих людей. Люди Короля говорят, что я уже не хозяин в этих землях, что же я тогда должен делать?» [3]. Гунгуньяна, как пишет Брага, добавил, что «он желает, чтобы я обо всем написал Королю, чтобы он знал, как было дело». В письме от 20 октября 1894 г. Брага сообщал, что он пытался вернуть доверие Гунгуньяны к португальцам, но тот заявил, что «он всегда уважал белых, но хотел бы принять решение, которое, возможно, нас обидит... Я ответил, что во всех странах принято, прежде чем принимать решение о наказании того, кто этого заслуживает, выяснить подлинные факты. “Да, – сказал он, – это верно, но я же сын Короля, я великий индунда Короля, моего отца, а мой отец почему-то всегда приказывает наносить по мне удары и грабить мои земли”» [4].

К этому времени Гунгуньяна уже взял курс на подготовку к войне против португальцев. Он стремился сформировать антипортугальскую коалицию вождей и создать широкое межэтническое объединение в Мозамбике и за его пределами. В качестве первого шага в осуществлении задуманных планов Гунгуньяна намеревался развернуть военные действия против племен шопе, которые поддерживали тесные связи с португальцами. Сотрудничавший с португальскими колониальными властями бывший купец француз Жан Лафорте снабжал оружием шопе и убеждал племена, жившие к западу от р. Иньяррима, оказывать сопротивление сборщикам налогов Гунгуньяны и его вооруженным рейдам. Более 20 вождей в этом районе платили дань португальцам. Племена, жившие в глубинных районах Иньямбане, стали заклятыми врагами Гунгуньяны, и он вел против них военные действия. Португальцы оказывали нажим на правителя Ватуа, требуя, чтобы он прекратил рейды против лояльных им племен в Иньямбане [5, р. 207–209].

Некоторые историки считают, что рейды Гунгуньяны против племен шопе в Иньямбане были тактической ошибкой, так как ослабляли его силы и разобцали африканцев перед лицом растущей португальской экспансии. Эта точка зрения представляется необоснованной. Гунгуньяна стремился наказать вассалов Португалии, чтобы другие племена убедились в том, кто в Мозамбике является подлинным хозяином. Его карательные рейды имели значительный психологический эффект и подрывали престиж португальцев. По словам современника, «вождь империи Ватуа был проницательным дипломатом, который, видя, что португальцы не располагают достаточной военной силой, чтобы противостоять его власти, подчинил себе их вассалов» [6, р. 601]. В свете этого становится понятным следующий фрагмент из письма Браги: «Гунгуньяна сказал мне: “Я не хочу причинять зла ни одному из белых, которые всегда были моими друзьями, но я хочу проучить черных, которые плохо относятся ко мне и моим людям”».

Эти слова были сказаны с экспрессией и гневом. В заключение он сказал мне, что я должен сообщить своему отцу-королю все, что он мне сказал... что он ничего не предпримет до тех пор, пока не получит ответ, но если таковой будет отрицательным, то он начнет войну (против шопе. – А.Х.) и тогда попросит, чтобы белые, находящиеся в Шикома и Иньярримае, ушли оттуда, ибо он не может гарантировать, что они не подвергнутся нападению, если будут на стороне шопе» [7]. Брага ответил, что немедленно сообщит об этом губернатору в Лоренсу-Маркише и постарается убедить его выполнить просьбы Гунгуньяны. «По этому вопросу, – пишет Брага, – я должен уведомить Ваше Высочество, что вождь обнаруживает непреклонную волю разгромить шопе, но не сейчас, а когда получит желаемый им ответ... Никогда еще я не видел у него такой решимости, как в этот раз» [Ibid.].

Ряд документов, обнаруженных в архиве, касаются контактов Гунгуньяны с Бритиш Саут Африка компани (БСАК), возглавлявшейся Сесилем Родсом. Они дают возможность восстановить довольно полную картину особых отношений Гунгуньяны с БСАК, которые вызвали беспокойство и раздражение португальских колонизаторов. До сих пор об этих контактах было известно крайне мало. Известно было только то, что в 1890 г. в краале Гунгуньяны побывал председатель БСАК А. Шульц, который подписал с ним 4 октября 1890 г. соглашение, по которому вождь уступил компании концессию на эксплуатацию минералов в Газе. В ИАМ нам удалось обнаружить полный текст этого соглашения. В нем, в частности, говорится: «Гунгуньяна, Верховный Вождь или Король означенной нации, торжественно обязуется... даровать и пожаловать Аурелу Шульцу в качестве представителя Бритиш Саут Африка компани исключительное, абсолютное, полное и вечное право и власть производить следующие действия на всей территории означенной нации и на любой ее части» [8]. Далее шло перечисление этих прав, в том числе на разведку и эксплуатацию минералов, на строительство и использование железных дорог, гаваней, дорог, мостов, водохранилищ, телеграфной и телефонной связи и т. д. Взамен БСАК обещала Гунгуньяне ежегодную субсидию в 500 ф. ст. [Ibid.] К концу февраля 1891 г. БСАК сумела доставить в Манжа-кази¹ 1 тысячу ружей, несмотря на попытки перехватить их. 2 марта агент С. Родса Л. Джемсон прибыл в крааль Гунгуньяны и уплатил ему первую ежегодную субсидию в 500 ф. ст. В обмен на это Гунгуньяна подтвердил соглашение о концессии. Компания регулярно уплачивала субсидии в течение ряда лет. Агент БСАК У. Лонгден оставался в краале до конца 1893 г., когда он был отозван Родсом. До сего времени историки считали,

---

¹ Манжакази – столица Гунгуньяны – находилась на Родезийском плато около горы Селинда, в 48 км севернее Жуан Белу – ныне Шай-Шай.

что после этого прервавшиеся в 1893 г. контакты между Гунгуньяной и БСАК больше не возобновлялись. Обнаруженные нами в ИАМ документы дают возможность опровергнуть эту точку зрения.

Эти документы свидетельствуют о том, что Гунгуньяна умело использовал англо-португальский конфликт для укрепления своих позиций. Располагая обширной информацией, добытой его агентами, он был хорошо осведомлен о конфликтах и противоречиях между Лондоном и Лиссабоном, между английскими и португальскими колонистами, между БСАК и «Компания ди Мосамбики». Воспользовавшись этими противоречиями, он направил в апреле 1890 г. эмиссаров в Англию. В связи с этим представитель португальских властей в краале Гунгуньяны Ж. Алмейда сообщал 28 апреля 1890 г.: «Я имею информацию, что Гунгуньяна отправил в Англию двух послов с предложением вассалитета» [9, p. 249].

Так начался англо-португальский конфликт из-за Газы, который португальцы рассматривали как «вопрос жизни и смерти для провинции Мозамбик» [Ibid., p. 324].

Узнав о соглашении Гунгуньяны – Шульца, Португалия заявила протест. В декабре 1890 г. португальцы отправили в Манжакази большую военную экспедицию во главе с Ж. Алмейдой. Гунгуньяна, не желая ссориться с Португалией, вручил португальским эмиссарам огромный слоновый бивень как знак уважения к королю Луишу I (он не знал, что король умер в 1889 г.). Таким образом, Гунгуньяна стремился извлечь максимальную выгоду из противоречий между Англией и Португалией. Уступки англичанам он, видимо, рассматривал как наилучший способ сохранения независимости от португальских властей. По словам современника, «вождь империи Ватуа был проницательным дипломатом» [10, p. 601].

В то же время Гунгуньяна имел, по-видимому, тесные связи с вождем восставших против англичан в 80-х годах

XIX в. народностей шона и ндебеле Лобенгулой. Старшая сестра Гунгуньяны стала женой Лобенгулы [10, р. 595]. Восстание Лобенгулы способствовало росту антипортугальских настроений и активизации освободительного движения. В июне 1895 г. американский консул в Мозамбике сообщал, что со времени войны с Лобенгулой африканцы к югу от Замбези находятся «в состоянии волнения» [Ibid.]. Армия Гунгуньяны, в которую влились многие участники восстания Лобенгулы, бежавшие из Родезии, вызывала серьезное беспокойство колонизаторов. Один португальский чиновник писал, что Ватуа – «величайшая империя, какую когда-либо создавала негритянская раса в Восточной Африке» [9, р. 83]. Некоторые английские чиновники считали Гунгуньяну «гораздо более могущественным вождем, чем Лобенгула» [11, р. 601].

11 июня 1891 г. был подписан англо-португальский договор, по которому Газа была разделена между Англией и Португалией. Северная Газа (между р. Сави и границей) стала британской, а остальная, большая часть Газы – португальской территорией. Этот договор предопределил судьбу Гунгуньяны, независимость которого отказались признать две колониальные державы. «Независимость Гунгуньяны не признается правительством Её Величества», – без обиняков заявил в апреле 1891 г. лорд Солсбери [12].

Несмотря на подписание договора, правительство Португалии не могло простить Гунгуньяне особых отношений с БСАК. Португальский губернатор А. Эниш с возмущением сообщал в своем докладе, что вождь «не уважает нашу власть и оскорбляет наш суверенитет», а «агенты компании, устроившись под сенью португальского флага, подстрекают и оплачивают измену» [13, р. 178].

Раздражение португальских властей, вызванное демонстративными действиями Гунгуньяны, стремившегося подчеркнуть свою независимость, было столь велико, что в Лоренсу-Маркише было много сторонников объявления ему

войны. Они обосновывали свою точку зрения необходимостью взять реванш за унижительные условия договора 1891 г. о разделе Газы. По их мнению, военная победа над Гунгуньяной содействовала бы восстановлению португальского престижа, которому был нанесен удар в результате уступок английскому нажиму.

Однако Эниш и Алмейда настаивали на мирной выжидательной политике. Эниш предупреждал, что преждевременная атака против Гунгуньяны может привести к вооруженному вмешательству Великобритании [14, р. 88].

Такого же мнения придерживался и Алмейда, который считал, что «было бы глупо даже пытаться разбить Гунгуньяну. Может произойти обратное, и Англия, воспользовавшись слабостью португальцев, захватит всю провинцию или часть ее» [9, р. 187].

Эниш писал, что Португалия должна выжидать и терпеть эту «полунезависимость» вождя, наблюдая в то же время за слабеющей державой Ватуа, пока не настанет подходящий момент для атаки. Гунгуньяна, по его мнению, терял популярность из-за неудач во внутренней и внешней политике. В то время Эниш склонялся к политике твердого, но дружественного сдерживания Гунгуньяны. «Остальное решит время, – писал он, – Гунгуньяна вряд ли проживет долго, а у него много сыновей» [13, р. 178].

Первоначально португальские власти решили принять ограниченные меры предосторожности, построив оборонительные сооружения у границ Газы. Однако вскоре они начали оказывать прямой нажим на Гунгуньяну, требуя от него уступок в пользу «Компания ди Мосамбики». 11 июня 1892 г. Гунгуньяна с помощью сына Мангуа, знавшего португальский язык, письменно известил Алмейду, что он отвергает домогательства британских агентов и выражает согласие на переговоры с португальцами. В конце 1893 г. Алмейда, в то время секретарь и агент «Компания ди Мосамбики», был срочно командирован в крааль. 19 ноября 1893 г.

там было созвано собрание знатных лиц Газы («банжа»), на котором присутствовали Гунгуньяна и четыре португальца, в том числе Алмейда. Гунгуньяна обещал подписать соглашение о признании права «Компания ди Мосамбики» управлять территорией Газы к северу от Сави. Он получал право на половину «налога с хижины» в этом районе в качестве «компенсации» за уступку компании своих прав и обязывался снабжать компанию солдатами, а также рекрутировать для нее среди племен тонга всю рабочую силу [9, р. 374–376].

Почему Гунгуньяна пошел на это унижительное соглашение?

Не лишено оснований мнение о том, что Гунгуньяна рассматривал «Компания ди Мосамбики» как «наименьшее зло». Возможно, он считал, что эта компания относительно независима и от Великобритании и что с ней можно договориться. Однако это мнение было далеко от действительности. На это соглашение Гунгуньяну, по-видимому, толкнуло также желание противодействовать нажиму Родса и надежда на то, что он поправит свое финансовое положение. Однако, хотя Гунгуньяна поклялся на «банжа» подписать это соглашение, он так и не сделал этого по причинам, о которых Алмейда писал: «Гунгуньяна никогда не подписывал и не подписывает никаких бумаг, так как не умеет их читать и не доверяет тем, кто ему читает, даже если это делает его сын Мангуа» [9, р. 381].

Другой причиной, видимо, было решение Гунгуньяны снова обратиться за поддержкой к «Бритиш Саут Африка компани», с которой он прервал контакты в 1893 г. Как свидетельствуют архивные документы, связи между Гунгуньяной и БСАК не оборвались окончательно в 1893 г. Гунгуньяна снова решил заручиться военной и политической поддержкой БСАК и возобновил с ней тесный контакт в 1894 г.

В письме от 10 мая 1894 г. Брага сообщал военному коменданту Лимпопо о прибытии в Манжакази «англичанина по имени Гудмэн, который продал Гунгуньяне ружья и бое-

припасы», а также о том, что, как удалось выяснить, «вождь купил у упомянутого Гудмэна сто ружей, большая часть которых – системы «мартини генри» (ружья и карабины)» [15]. В другом письме, написанном в тот же день, Брага сообщил о своей беседе с Гунгуньяной по поводу контактов с англичанами. «Я сказал вождю, что когда какой-нибудь белый желает поговорить с ним, этого не следует делать без моего согласия. Что я должен знать о каждом белом, желающем встретиться с ним, чтобы таким образом быть гарантированным от обмана. Что таково желание нашего Короля и Вашего Высочества для блага самого вождя» [16].

В письме, отправленном тем же чиновником 12 мая 1894 г., сообщалось о прибытии в Манжакази двух англичан, которых сопровождал один из индунов Гунгуньяны по имени Зава. Брага встретился с англичанами. «Когда я вошел в их хижину, я увидел там шесть карабинов “мартини генри”. Один из упомянутых англичан известен среди черных под именем Станхолла, и говорят, что он уже много раз приходил беседовать с вождем и всякий раз приносил ему подарки». Когда Брага напрямую спросил Гунгуньяну, почему он нарушает свое обещание и общается с иностранцами, тот «ответил, что эти англичане просили у него людей для работы в Трансваале». Брага не без оснований усомнился в достоверности этой версии. Он многозначительно добавлял: «Англичане продолжают оставаться в селении индуны Зава... меня удивляет их пребывание там, поскольку в этом месте нет людей для работы, зато там сейчас находятся все гранды Гунгуньяны» [18].

В письме от 20 мая 1894 г. Брага сообщал военному коменданту Лимпопо некоторые подробности о пребывании в краале Гунгуньяны в Манжакази упомянутых англичан. Он определенно утверждал, что Станхолла «принадлежит к компании в Йоганнесбурге», т.е. являлся представителем БСАК, и что он привез правителю Ватуа ценные подарки, но отказался принять от него ответные дары, сказав, что «он

очень богат» [18]. Он советовал Гунгуньяне купить у БСАК ружья.

В письме от 27 сентября 1894 г. сообщалось, что в крааль Гунгуньяны направляется небезызвестный Лонгден, сопровождаемый лошадьми и грузами, и что он намеревается вести переговоры с вождем, будучи на то уполномочен премьер-министром Капской колонии Сесилем Родсом» [19]. Это сообщение подтвердил комендант Лимпопо в письме от 15 октября 1894 г. [20].

Обнаруженные нами в ИАМ документы дают возможность поставить под сомнение точку зрения о том, что Гунгуньяна всегда признавал законность соглашения, заключенного им с Шульцем 4 октября 1890 г. Когда он подписывал этот документ, он был убежден, что имеет дело не с недавно учрежденной торговой компанией, а с представителями королевы Виктории. Осознав позже свою ошибку, он, по-видимому, стал считать договор незаконным и категорически отрицал, что он уступил какие-либо земли БСАК. Видимо, в этом состояла неизвестная до сих пор причина неожиданного отзыва С. Родсом в конце 1893 г. своего представителя У. Лонгдена из крааля Гунгуньяны, о чем мы упоминали выше. С этим же, скорее всего, была связана отправка Гунгуньяной миссии из трех индунов в Лондон. (Это не исключает другой задачи миссии – просьбы об отправке денег и оружия.) В свете этого становится понятным, почему БСАК в начале 1894 г. неожиданно опубликовала соглашение Гунгуньяны – Шульца.

В письме секретаря губернатора территории Маника-и-Софала от 21 марта 1894 г. сообщалось, что БСАК объявила о том, что «подписала с Гунгуньяной договор, по которому он уступил ей свои земли к востоку от границы в обмен на оружие, боеприпасы и ежегодную субсидию в 1000 ф. ст. Такой письменный договор существует, и он одобрен английским правительством» [21].

В письме от 5 мая 1894 г. вышеупомянутый чиновник писал: «Гунгуньяна совершил большую ошибку, послав своих людей в Англию, чтобы поторопить с отправкой денег и оружия, которые ему обещали. Бритиш Саут Африка компания подписала два знаменитых договора с Гунгуньяной: один в сентябре 1890 г. и другой 15 ноября 1891 г., оба они опубликованы. В этих договорах Гунгуньяна уступил свою страну упомянутой компании. Английское правительство тотчас же одобрило эти договоры, но с оговоркой, что они имеют законную силу только в отношении территории к востоку от линии границы... Но эта граница не зафиксирована. Необходимо поэтому, чтобы Гунгуньяна в своих собственных интересах ничего не предпринимал в отношении этого дела без ведома португальского правительства» [22].

В письме от 13 июня 1894 г. секретарь губернатора Маника-и-Софала рекомендовал: «Следует хорошенько разъяснить Гунгуньяне, что раздел земель (между Англией и Португалией. – *А.Х.*) еще не завершен, что этот вопрос очень сложен и обсуждается между правительствами Португалии и Англии. Во всяком случае, англичане утверждают, что Гунгуньяна, с которым они заключили письменные договоры, уступил им не только спорные земли, но и все рудники своей страны, а также и другие вещи... Сам Гунгуньяна послал своих индунов в Англию вопреки мнению и просьбе господина советника Алмейды и получил оружие и боеприпасы от англичан и от Южной Африки. Он получает ежегодно 1000 ф. ст.» [23].

О том, что весной 1894 г. Гунгуньяна коренным образом пересмотрел свое отношение к соглашению с Шульцем (от 4 октября 1890 г.), свидетельствует любопытнейшее письмо Браги от 20 мая 1894 г.: «Сегодня около полудня вождь приказал индунам прийти и выяснить все, что они хотели, и пригласил меня при этом присутствовать, если я пожелаю, на что я дал согласие... Упомянутые англичане разместились в 150 м от Манжакази в сельской хижине. Один из

них сказал, что прибыл сюда, поскольку узнал, что Гунгуньяна разгневан тем, что буры и англичане обосновались в Моссапа. Он утверждал, что буры и англичане были там с согласия Гунгуньяны и что ему известно о том, что Гунгуньяна отправил трех индунов в Англию. Он сказал, что прибыл сюда по собственной инициативе, а не по приказу своего правительства или кого-нибудь еще, что из Йоганнесбурга отправлено сообщение в английские газеты о том, что контракт, заключенный с Гунгуньяной, тот считает фальшивым и т.п., и что поэтому он хотел бы выслушать объяснения. Индуны ответили, что это правда, что вождь разгневан, ибо он никому не уступал эти земли» [24]. В конечном счете попытки Гунгуньяны опереться в борьбе против португальской колониальной экспансии на поддержку соперников Португалии – Англии и БСАК – не принесли ему желаемых результатов. В сложной дипломатической игре, которая шла в то время в этом регионе Африки, противоречия между Англией и БСАК оказались сильнее англо-португальских противоречий, и поэтому Лондон поддержал португальский колониализм в борьбе против Гунгуньяны и его союзника БСАК.

Нельзя не согласиться с мнением самого авторитетного специалиста по истории Гунгуньяны немецкого историка Г. Лизеганга, который пишет: «Гунгуньяна пытался получить британскую поддержку, чтобы уравновесить португальский нажим, подобно тому как государство Свази сумело выжить между бурами и британцами, но слабость британских интересов обусловила неудачу этой политики. Правительство метрополии в Лондоне решило даже поддержать португальское государство против британских интересов, существующих в Южной Африке. Начиная с 1891 г. имел место конфликт империалистических интересов, доминирующих в этом регионе. В этой игре такому независимому государству, как Газа, трудно было выжить. Единственным найденным им союзником был финансовый капитал, враждебно настроенный к португальскому контролю, который, однако, там, где

он доминировал, как, например, в Зимбабве, вел себя агрессивно в отношении африканских государств» [25, р. 24–25].

Любопытны обнаруженные нами в архиве документы, относящиеся к так называемому делу Махазула и Матибежаны. Суть этого дела состояла в том, что португальские власти в 1894 г. пытались вмешаться в спор о престолонаследии вождей в районе Лоренсу-Маркиша. Когда португальский комендант в Ангоане вызвал к себе вождя Махазула, тот явился в сопровождении 2 тыс. вооруженных воинов. Попытка арестовать десять его индунов привела к вооруженной стычке в августе 1894 г. [26, р. 41–46]. После этого распространились слухи, что «туземцы» готовятся атаковать Лоренсу-Маркиш. В городе возводились баррикады, а жителям было роздано оружие. Слухи оказались обоснованными. 14 октября 1894 г. 1500 воинов-нгони во главе с Махазулом и Матибежаной осадили Лоренсу-Маркиш в отместку за вмешательство в спор о престолонаследии и за увеличение налога на хижины [27]. Нападение вызвало неопишуемую панику среди жителей. Город не был взят только потому, что подоспели матросы с португальских судов. Португальское господство в Мозамбике оказалось под угрозой.

Представляет интерес вопрос о том, были ли связаны вожди, возглавившие штурм столицы, с Гунгуньяной. Некоторые авторы, в частности американский исследователь Р. Хэммонд, дают на этот вопрос отрицательный ответ. Однако обнаруженные нами в ИАМ документы не оставляют на этот счет никаких сомнений. Более того, они свидетельствуют о том, что Гунгуньяна был главным организатором этого штурма, хотя, чтобы не вызвать гнев португальских властей, делал вид, что не имеет к нему никакого отношения. В этой связи стоит привести хотя и пространный, но зато чрезвычайно ценный фрагмент из письма коменданта Лимпопо от 18 октября 1894 г. (т.е. через четыре дня после начала штурма): «Дела на землях короны обстоят из рук вон плохо. К движению, начатому вождем Магайя, примкнули почти все

другие. Гунгуньяна послал двух индунов по имени Тоугана и Макомаланга сопровождать индунов Магайи, которые пересекли земли короны и получили клятвы в верности от почти всех вождей, утверждающих, что принадлежат Гунгуньяне. Вожди Черинда, Лутимане и Чичача послали своих представителей с упомянутыми индунами Гунгуньяны в Манжакази. Другие обещали послать их позже, согласно сообщению заслуживающего доверия лица, который слышал разговор этих индунов. Индуны Гунгуньяны возглавили войска Лутимане и Чичача... Согласно сообщениям, вождь Чичача атаковал земли короны (Ангоане. – *А.Х.*), убив сержанта полиции Лоренсу-Маркиша... В заключение я должен сообщить Вашему Высочеству, что эти индуны Гунгуньяны, согласно заслуживающим доверия сведения, уверяли вождей, лояльных к короне, что Гунгуньяна не возражал, чтобы они воевали против белых, сам, однако, оставаясь нейтральным в ожидании конечного результата» [28].

Из этого документа становится очевидным, что Гунгуньяна направил своих индунов втайне от португальских властей для того, чтобы они возглавили наступление на столицу колонии и что к этой акции были привлечены «почти все» вожди соседних племен. Речь шла, по-видимому, о широкой межэтнической коалиции племен, выступившей под руководством индунов Гунгуньяны против португальских колонизаторов, причем сам верховный вождь Газы предпочитал руководить этой коалицией, как бы оставаясь в тени, за кулисами событий. На авансцене действовали, прежде всего, его индуны, в том числе Махазул и Матибежана. Вот почему дела у португальцев «обстояли из рук вон плохо».

Нельзя исключать, что штурм Лоренсу–Маркиша был предпринят по совету англичан и БСАК. Во всяком случае, в его организации большую роль сыграли их военная помощь и заверения, данные Гунгуньяне в том, что могущественный король Англии поддерживает ватуа в войне против короля Португалии и в решающий момент готов прийти им на по-

мощь. Такой вывод подтверждается следующим фрагментом из письма начальника военного поста Лангуэне на правом берегу Лимпопо губернатору Газы от 17 декабря 1895 г.: «Гунгуньяна постоянно обещает наказать тех, кто готов пожертвовать им и пытается внушить им мысль, что мы ничего не стоим по сравнению с Англией и что она на его стороне. Это не должно казаться удивительным, тем паче Вашему Высочеству, оказавшему честь дистрикту, возглавив его, когда в 1891 г. из метрополии прибыла экспедиция, которая в числе других оказанных ею услуг спасла Лоренсу-Маркиш от вторжения ватуа, предпринятого по совету англичан и африкандеров» [29].

В свете всего сказанного не вызывает удивления тот факт, что еще накануне штурма Лоренсу-Маркиша португальские власти начали в категорической форме требовать от Гунгуньяны выдачи им двух «мятежных вождей» – Махазула и Матибежаны. В имеющемся в архиве письме коменданта Лимпопо резиденту в Газе от 24 сентября 1894 г. предписывалось сообщить Гунгуньяне, что он «должен приказать своим людям захватить означенного Махазула вместе с его людьми и скотом, которые пытаются найти убежище в землях Гунгуньяны». Однако Гунгуньяна наотрез отказался выполнить это требование. Более того, в письме от 15 октября 1894 г. (т. е. на следующий день после начала штурма Лоренсу-Маркиша) военный комендант Лимпопо сообщал Браге, что получил известие о прибытии в крааль Гунгуньяны посольства от Махазула.

Отказ Гунгуньяны выдать португальцам вождей Махазула и Матибежана явился непосредственным поводом для португальской военной интервенции, явившейся последним актом трагической эпопеи Гунгуньяны.

В этой связи исключительный интерес представляет скопированный нами в ИАМ пространный документ – «Доклад о пленении вождя Гунгуньяны губернатором дистрикта Газа капитаном кавалерии Жоакином Моусинью де Албу-

керки» [30]. Документ представляет собой 43 страницы рукописного текста, написанные черными чернилами плохо разборчивым почерком. Страницы пронумерованы. В конце стоят подпись Моусинью де Албукерки и дата: 16 января 1896 г. В этом докладе, адресованном генерал-губернатору А. Энишу, его автор подробно описал события, связанные с разгромом армии Гунгуньяны и его пленением. Особенно обстоятельно излагаются обстоятельства ареста могущественного вождя. Моусинью пишет: «Ваше Высочество внушило мне мысль, что я должен либо пленить, либо убить Гунгуньяну в течение нескольких дней или в течение более длительного времени; вся слава, завоеванная нашим оружием в битвах при Маракуэне (2 февраля), Магуле (7 сентября), обстрелом поселений на берегу Лимпопо (19 ноября) и особенно в битве при Кулела (7 ноября) и сожжением Манжакази (11 ноября) могла бы сойти на нет, если бы вождь сумел собрать воинов, восстановить силы и заставить вернуться к повиновению многих из тех, кто из страха покинул его».

Учитывая эту перспективу, Моусинью стал действовать быстро и энергично. К нему явился Годиде, сын Гунгуньяны, который подарил ему 63 быка, 510 фунтов золота, 2 больших слоновых бивня и 10 жен Матибежаны, прося в обмен на эти дары прекратить преследование отца. «Я ответил, – писал Моусинью, – что не сдвинусь с места всю ночь и весь следующий день, ожидая вождя и что если он не придет, Годиде и Лаба будут расстреляны... Такой ответ я дал, потому что догадывался, что вождь стремится лишь выиграть время». Вскоре португальцам сдались три «манги» (батальона) Гунгуньяны, «командиры которых заявили, что припадают к стопам и просят позволения следовать за нами». От них Моусинью узнал, что Гунгуньяна находится в священной деревне Шаймити, где отправляет различные церемонии у могилы своего деда Маникусси, «чтобы вызвать дух, который помешает открыть его местопребывание».

«Я еще больше ускорил марш, – продолжал Моусинью, – хотя воины-туземцы начали отставать, переходя в арьергард, либо из страха, что вождь будет защищаться, либо из-за престижа, который он еще имел». Через два дня марша Моусинью с 50 белыми солдатами и 2 тыс. африканских воинов, которым не были доверены ружья, вошел в деревню, где укрылся Гунгуньяна. «Поселение Шаймити, где похоронен Маникусси, имело 25 или 30 больших хижин, обнесенных палисадником в 1,5 м высотой... Это был своего рода священный город ватуа и, должно быть, там происходили сцены в высшей степени безобразные, потому что, приблизившись к поселению, мы встретили несколько уже оголенных человеческих черепов и ощутили очень сильный запах тухлого мяса, а в лесу были разбросаны трупы».

Не встретив сопротивления, португальцы подошли к дому, где находился Гунгуньяна. «Я полагал, что вождь будет защищаться, так как увидел внутри палисадника несколько черных с ружьями, видимо, приготовившихся открыть огонь. Со шпагой в руке я бросился на них...», – читаем мы далее в докладе Моусинью. Понимая бессмысленность сопротивления, охрана вождя предпочла бегство. «Я как раз собирался открыть огонь по хижине, когда увидел вышедшего из нее вождя ватуа, которого лейтенанты Миранда и Коуту опознали, так как видели его раньше в Манжакази. Невозможно передать то высокомерие, с которым он представился, и тот презрительный тон, каким он отвечал на первые заданные вопросы. Я приказал двум черным солдатам связать ему руки за спиной и сказал, чтобы он сел. Он спросил меня, куда и каким образом. Я указал на пол. Он ответил очень резко, что это недостойно его. Тогда я принудил его сесть на пол силой (что он никогда бы не сделал), сказав ему, что он уже не вождь, а матонга, как любой другой человек». Когда эту сцену увидели подданные Гунгуньяны, «они подняли невероятный гвалт», выражая изумление и ужас. Двое сподвижников вождя – Кето и Манюне были тут же застрелены. Ста-

рая мать Гунгуньяны Импиуказамо на коленях умоляла Моусинью пощадить сына и внука Годиде. «Эта женщина уверяла, что она всегда дружески относилась к португальцам и была противницей войны». Моусинью сказал ей, что судьбу ее сына может решить только король, но что Годиде будет пощажен и сможет сопровождать отца. Гунгуньяна был закован в кандалы, привезен к Лимпопо и на военном судне отправлен в Лоренсу-Маркиш.

Доклад Моусинью рисует довольно полную картину крушения могущественной империи ватуа и низвержения ее вождя. Эту картину дополняет обнаруженная нами в том же архиве переписка Моусинью в качестве военного губернатора Газы уже после победы над Гунгуньяной. В этих письмах Моусинью содержатся, в частности, неизвестные ранее сведения о дальнейшей судьбе ближайших сподвижников Гунгуньяны, в том числе Махазула, Матибежана и переводчика Вабите. Так, 4 января 1896 г. Моусинью сообщает, что Матибежана находится под арестом и он лично его допрашивал, но «не услышал ничего в ответ на заданные вопросы». Любопытно упоминание о том, что, согласно показаниям Матибежаны, Гунгуньяна через посредничество Мундумгуана, вождя Моамбы, «подбивал его к мятежу».

Хотелось бы также упомянуть о письме начальника поста Миранды от 14 декабря 1895 г., в котором, в частности, говорится: «В результате долгих допросов, которые я вел... я пришел к заключению, что хотя позорное существование Гунгуньяны имеет место недалеко от нас и хотя даже за пределами его территорий большинство племен, живущих между Сави и Инкомати, признают престиж Гунгуньяны... все же нас считают силой большей, чем он. Правда состоит в том, что племена машангана и мабингела всегда пытались освободиться от своих угнетателей». Что касается самого Гунгуньяны, то он прибыл 4 января 1896 г. в Лоренсу-Маркиш. Через день он, семь его жен, дядя Молунгу, сын Годиде и вождь Матибежана с тремя женами были представлены гене-

рал-губернатору и другим чиновникам, под попечительство которых они и были переданы.

В архиве имеется также любопытный документ «Акт о передаче военнопленных», под которым стоят 68 подписей. Он гласит: «6 января 1896 года от рождества Христова в этом городе Лоренсу-Маркише в дом-резиденцию губернатора этого дистрикта, где встретились их превосходительства временный генерал-губернатор провинции, советник Жоакин да Граса Коррейра-и-Ланса и временный губернатор того же дистрикта лейтенант португальского королевского флота Франсиску Диогу де Са, административный советник, муниципальная палата, консульский корпус, португальские и иностранные морские и пехотные офицеры, чиновники, явился капитан кавалерии португальской армии Жоакин Моусинью де Албукерки, военный губернатор дистрикта Газа в сопровождении вышепоименованных пленных, который в присутствии всех лиц, которые были поименованы выше и поставили подписи под этим документом, заявил следующее: “Я имею честь передать вашему превосходительству как высшему руководителю этой провинции военнопленных: Мундунгаз, в просторечии Гунгуньяна, бывший король Газы, его сын Годиде и его дядя Молунгу, его жены Наматуко, Фусси, Патинья, Музамусси, Машаша, Хесипе, Дабонди, а также Матибежана, бывший король Зишаша и его жены Памбине, Ошока и Дебеза, которых я сумел захватить в плен, атаковав и взяв крааль Шаймити, куда они бежали и где продолжали строить козни против безопасности страны”».

На это его превосходительство упомянутый советник временный генерал-губернатор провинции ответил следующими словами: “Я поздравляю ваше превосходительство от имени португальского правительства с блестящим военным подвигом, который Вы совершили, и получаю из ваших рук бывшего короля Газы Мундунгаза, в просторечии Гунгуньяна, Годиде и Молунгу, сына и дядю этого Гунгуньяны, а также его жен Наматуко, Фусси, Патинья, Музамусси, Ма-

шаша, Хесипе, Дабонди, бывшего короля Зишаша Матибежана и его жен Памбине, Ошока и Дебеза, изменников Родины, которые дерзнули поднять против нее оружие. Я бы хотел, чтобы г-н губернатор дистрикта приказал составить акт об этой передаче и другой акт об опознании упомянутых пленных”.

И после того как была таким образом проведена передача упомянутых пленных, был составлен настоящий акт, который был подписан всеми присутствовавшими при этом акте» [31].

Значительный интерес представляет также письмо генерал-губернатору Мозамбика от капитана военного транспортного судна «Африка», на котором Гунгуньяна и другие пленники были отправлены из Лоренсу-Маркиша в Лиссабон. Оно написано 9 января 1896 г. перед отплытием корабля из Лоренсу-Маркиша в далекое путешествие. Капитан Сержиу де Соуза пишет: «Ваше превосходительство! Мне представляется целесообразным, чтобы бывший король Гунгуньяна и его свита получали во время путешествия на этом судне весьма обильное и сытное питание из общего котла команды, одинаковое или почти одинаковое с тем, которое этот правитель привык есть на своих обычных трапезах, которые, как меня информировали, состояли главным образом из хлеба, риса, большого количества жареного мяса и белого вина. Это будет способствовать тому, чтобы эти военнопленные хорошо перенесли плавание до Лиссабона и прибыли туда без ощутимого ухудшения здоровья.

Это желание может быть осуществлено, если питание будет отпускаться из котла второго класса, но, поскольку котлы этого класса в результате недавней реформы столкнулись с серьезными денежными трудностями, необходима чрезвычайная помощь для преодоления этих трудностей, в связи с чем я просил бы выделить значительную субсидию для столоующихся.

Я полагаю, что такая субсидия должна составлять 500 рейсов в день на каждого пленного и считаю, что стоит израсходовать эти деньги, принимая во внимание то, что пленение Гунгуньяны избавляет от огромных расходов, которые пришлось бы нести, если бы еще продолжались военные действия против него.

Путешествие этого судна до Лиссабона будет продолжаться 63 дня, и поэтому, я полагаю, эти расходы составят 441 тысячу рейсов, если Ваше превосходительство согласится с моим мнением.

Если мое предложение будет принято, прошу Ваше превосходительство соизволить сообщить мне, когда комиссар этого судна может прибыть, чтобы получить эту сумму после того, как это будет разрешено Вашим превосходительством» [31].

Через несколько дней после написания этого письма (нам неизвестно, было ли удовлетворено ходатайство капитана «Африки») все пленные были погружены на судно и отправлены в Лиссабон, куда прибыли 13 марта 1896 г. Закованный в цепи Гунгуньяна был проведен по улицам Лиссабона так, как в Древнем Риме проводили по улицам поверженных властителей.

Английский ученый Уорхэрст писал: «Если трагедия – это приближение к неотвратимой катастрофе, в которой центральная фигура поставлена на край пропасти факторами, которые она не контролирует, история Гунгуньяны поистине трагична» [12].

В июне 1896 г. португальские власти решили сослать африканских пленников на остров Терсейра (Азорские острова). Им было разрешено взять с собой по одной жене, но десять жен отказались покинуть тюрьму в Лиссабоне, если не возьмут их всех. В результате женщины остались в Лиссабоне, а четверо африканцев были отправлены в Ангра ду Эроизму (остров Терсейра), куда они прибыли 27 июня 1896 г. Их поместили в крепость, охраняемую солдатами.

Там Гунгуньяна прожил остаток своей жизни. «Он был молчаливым человеком, редко обращался к кому-либо и всегда отвечал на любые вопросы лишь несколькими словами или обходился вовсе без слов, – вспоминал один португалец. – Он проводил большую часть времени за плетением маленьких корзиночек, которые он отдавал или продавал визитерам, иногда нашептывая при этом слова туземных боевых или охотничьих песен... Он возмущался своим нынешним положением и был счастлив, когда я, будучи еще мальчиком, однажды обратился к нему: “Гунгуньяна, король горы Бразил”» [32] (так называлась лесистая часть острова Терсейра. – А.Х.). Гунгуньяна принял христианство, был крещен и получил португальское имя Рейналду Фредерику. Умер Гунгуньяна в 1906 г. на острове Терсейра.

В архиве имеется документ, позволяющий установить точную дату смерти легендарного вождя Ватуа. Он составлен местным приходским священником. В этом документе читаем:

«Рейналду Фредерику Гунгуньяна. Двадцать третьего декабря 1906 года в 9 часов вечера в военном госпитале, расположенном в этом приходе Саграда Се Катедрал, конселью и диоцезе Ангра ду Эроизму, скончался, получив святое причастие от церкви святой Богоматери, человек мужского пола по имени Рейналду Фредерику Гунгуньяна, шестидесяти семи лет от роду, бывший король Газы в Португальской Африке, где он родился, и был крещен в этом храме Ан-гра, сын Музилы и Дуде, оба – уроженцы Газы, который не оставил завещания, оставил сыновей и был похоронен на кладбище Консейсан. И для того чтобы засвидетельствовать это, я оставил в двух экземплярах эту запись, которую подписываю.

Приходской священник Эдуарду де Соуза Маркиш» [33].

После завоевания Мозамбиком независимости останки Гунгуньяны – героя антипортугальского сопротивления – были возвращены на родину. Официальная церемония сим-

волической передачи останков Гунгуньяны состоялась в октябре 1983 г. во время визита в Португалию президента Мозамбика Саморы Машела.

Гунгуньяна сыграл выдающуюся роль в истории африканского сопротивления португальской экспансии. Созданное им государство было одним из самых могущественных в Юго-Восточной Африке. Его имя долгое время наводило страх на португальских колонизаторов. «До тех пор пока он не будет схвачен или убит, мы не будем здесь иметь действительно прочного господства», – не без оснований утверждал один из колониальных администраторов [34].

После окончательного поражения Гунгуньяны слухи о том, что он находился в качестве пленника в Мозамбике, вызвали антипортугальское восстание, которое колонизаторы не могли подавить в течение двух лет.

Остатки разбитых войск Гунгуньяны сумели сплотиться под предводительством одного из его сподвижников Мангуиганы и оказывали сопротивление завоевателям еще в течение двух лет. Сменивший А. Эниша Моусинью де Албукерки потерпел от повстанцев ряд поражений. Несмотря на все усилия, он не смог окончательно сломить сопротивление африканцев и установить контроль над внутренними районами Мозамбика. Португальцы не рисковали отходить далеко от побережья, где Албукерки построил ряд укрепленных фортов. В битве при Маконтене погиб Мангуигана. По приказу Албукерки его голова была отрублена и помещена в банку со спиртом, которую отдали его матери.

В настоящей работе предпринята попытка дать только самое общее представление о многочисленных документах, обнаруженных и скопированных автором в Историческом архиве Мозамбика. Более глубокий и всесторонний анализ этих документов потребует дополнительных усилий и времени.

Литература

1. *Liesegang G.* Vassalagem ou tratado de amizade? Historia do acto de vassalagem de Ngungunyane nas reiações externas de Gaza. – Maputo, 1985; *Almeida F.G.* De Eça. História das guerras no Zambeze. – Lisboa, 1953–1954. – Vol. 2; *Wheeler D.L.* Gungunhana // *Leadership in Eastern Africa: Six Political Biographies.* Boston, 1968; *Хазанов А.М.* Гунгуньяна и португальский колониализм (конец XIX в.) // *Европа, США и колониальный мир.* – М., 1988.
2. Arquivo Histórico de Moçambique (AHM). Fundo do século XIX. Serie de 1894. Caixa 2. № 84 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 28 de Julho de 1894.
3. AHM. Caixa 3. № 1089 do secretaria do governo do territorio de Manica e Sofala. 14 de Junho de 1894.
4. AHM. Caixa 2. № 105 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 20 de Outubro de 1894.
5. *Almeida F.G.* Historia das guerras no Zambeze. Lisboa, 1953–1954. vol. II em Africa; Notase documentos para a biographia do conselheiro José D'Almeida. Lisboa, 1898. P. 207–209.
6. *Journal of African History.* – 1968. – Vol. IX. – № 4. – P. 601.
7. AHM. Caixa N 2, № 133 do residente da Gaza para comandante militar. 20 de Outubro de 1894.
8. AHM. Caixa № 15. Terms of the Concession which was obtained by Dr. Schulz as representing the British South Africa Company. 4th day of October 1890.
9. *Coelho T.* Dezoito annos em Africa. Notas e documentos para a biographie do conselheiro José d'Almeida. – Lisboa, 1988.
10. *The Journal of African History.* – 1968. – Vol. IX. – № 4.
11. *Teixeira A.* Rogadas na ocupação Sul de Angola. – Lisboa, 1935.
12. *Warhurst Ph.* Anglo-Portuguese Relations in South Central Africa. 1890–1900. – London, 1962.
13. *Enes A.* Moçambique. Relatório apresentado ao governo: 3e ed. – Lisboa, 1946.
14. *Henriksen Th.* Mozambique: A History. – London, 1978.
15. AHM. Caixa 2, № 50 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 10 Maio de 1894.
16. AHM. № 51 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 10 Maio de 1894.

17. AHM. Nº 52 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 12 Maio de 1894.
18. AHM. Nº 59 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 20 de Maio de 1894.
19. AHM. Nº 105 do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 27 de Setembro de 1894.
20. AHM. Caixa 3, Nº 27 do residente da Gaza para comandante militar superior do Limpopo. 15 de Outubro de 1894.
21. AHM. Caixa 3, Nº 537 do secretaria do Governo do território de Manica e Sofala da Beira. 21 de Marco de 1894.
22. AHM. Nº 537 do secretaria do Governo do território de Manica e Sofala da Beira. 5 de Maio de 1894.
23. AHM. Nº 1089 do secretaria do Governo do território de Manica e Sofala em Beira. 13 de 1894.
24. AHM. Caixa 2, Nº 58. do residente da Gaza para comandante militar do Limpopo. 20 de Maio de 1894.
25. *Liesegang G.* Vassalagem ou tratado de amizade?
26. *Caetano M. ed.* As Campanhas de 1895 segundo os contemporâneos. – Lisboa, 1945.
27. *Teixeira B.* Historia militar e política dos portugueses em Moçambique. Lisboa, 1936.
28. AHM. Caixa 3, Nº 19. Do comandante militar superior de Limpopo de 186 20 de Outubro de 1894.
29. AHM. Caixa 1. Nº 2 do comandante do posto militar do Lanquene do governador do distrito militar de Gaza. 17 de Dezembro de 1895.
30. AHM. Fundo do século XIX. Serie de 1896. Relatório sobre a prisão do regulo üungunhana pelo governador do distrito de Gaza, capitão de cavalaria Joaquim Mousinho de Albuquerque, Lourenço Marques. 16 de Janeiro de 1896.
31. AHM. DNPP e Arquivo histórico. Auto de entrega dos prisioneiros de guerra. Gungunhana.
32. *Wheeler D. I.* Gunqunhana // Leadership in Eastern Africa: Six Political Biographies. Boston, 1968. p. 213-214
33. AHM. DNP e Arquivo Histórico. Nº 50. Reunaldo Frederico Gungunhana.
34. AHM. Caixa 1. Nº 1 do governador do distrito militar de Gaza ao chefe d'Estado maior do comissariado Régio. 4 de Janeiro de 1896.

**ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПОСАДКА НА АВИАРЕЙС
ПО МАРШРУТУ: МАПУТУ – БЕЙРА – ХАРАРЕ
(ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ ДИВЕРСИЙ
НА ЮГЕ АФРИКИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА)**

9 декабря 1982 г. Пассажиры, следовавшие международным авиарейсом из столицы Мозамбика г. Мапуту через г. Бейра в столицу соседней Республики Зимбабве г. Хараре, проходили обычный таможенный и пограничный контроль, входили в уютный зал ожидания аэропорта и рассаживались в удобные кресла. Самолет «Боинг» мозамбикской авиакомпании «ЛАМ» должен был скоро прибыть, поэтому ждать оставалось недолго. Любезные и радушные продавцы магазина беспощинной торговли предлагали на твердую валюту товары обычного и повышенного спроса: прохладительные напитки в жестяных банках (ведь декабрь в Южной Африке – разгар лета), замороженные креветки, подсоленные орехи кешью, сигары и сигареты самых разных марок, чай (по производству которого Мозамбик занимает третье место в Африке), многочисленные сувениры о Мозамбике и его прекрасной столице Мапуту, раскинувшейся вдоль берега океана.

В зале ожидания собралась самая различная публика: тут и белые, и африканцы, индусы, пакистанцы. В числе пассажиров – сборная команда Великобритании по парашютному спорту, участвовавшая в чемпионате мира по этому виду, проводившемся в Мозамбике. Членов команды с мужественными лицами легко узнать по спортивной форме и парашютным мешкам. Здесь и большая бразильская делегация, подписавшая с мозамбикскими представителями важные соглашения об экономическом сотрудничестве. Об этом накануне сообщалось в мозамбикских газетах. Проводить бразильскую

делегацию пришли ответственные мозамбикские лица в сопровождении охраны.

Кондиционеры поглощают ароматный дым сигар и сигарет, звучат английская, немецкая, португальская речь. Кто-то из пассажиров летит в Бейру – второй по величине и хозяйственному значению после Мапуту город-порт Мозамбика, а другие – в Хараре – столицу новой молодой Республики Зимбабве, добившейся независимости совсем недавно 18 апреля 1980 г. Среди последних был и автор этих строк, направлявшийся в научную командировку в Зимбабве через Мозамбик – единственный тогда советский человек с билетом на объявленный рейс.

Приятное ожидание сменилось некоторым беспокойством, когда прошло время отлета, а самолет, делавший в этот день два рейса туда и обратно по тому же маршруту, еще не прилетел.

Прошел час, другой, третий. Наконец, самолет сел на посадочную полосу. Вскоре утомленных ожиданием пассажиров стройные стюардессы в красной форме, одна европейка, а другая африканка, пригласили на борт. Дальше – обычная рутина посадки, подсчет пассажиров, объявления на английском и португальском. После взлета жизнь в воздухе, казалось, вошла в обычную в таких случаях колею.

Наш самолет мирно летит с юга на север вдоль песчаной кромки берега Индийского океана и пролива, отделяющего континент от Мадагаскара.

Руководствуясь национальными экономическими интересами, Мозамбик начиная с 80-х гг. XX в. стал использовать свое выгодное географическое положение для развития сотрудничества в сфере авиационного и железнодорожного транспорта с соседней Республикой Зимбабве. Не имеющая выхода к морю, Зимбабве обеспечивает вооруженную охрану порта Бейра и железнодорожной ветки вдоль р. Лимпопо за право пользования портами Бейры и Мапуту.

И вот меньше чем через час после вылета мы идем на посадку в Бейре. Ничто не предвещало неожиданностей. Но как только мы ее совершили, началось необычное.

Из иллюминаторов нам было видно, что вдоль всей посадочной полосы расположились вооруженные автоматами военные в маскировочной форме десантников. Военные у здания аэровокзала, на его крыше прильнули к пулеметам. Стюардесса эту ситуацию никак не комментировала, а сами мы объяснить присутствие вокруг столь большого числа солдат и офицеров, разумеется, не могли. Догадываться же никому, видимо, не хотелось, поскольку после приземления прохладный воздух высоты сменился жарким и влажным воздухом океанского побережья, смешанным с горьким дымом. Некоторые авиапассажиры сошли, новые, явно взволнованные, а некоторые – в слезах – поднялись на борт. Транзитные же пассажиры в течение всей стоянки оставались на местах, недоумевая и думая лишь о том, скоро ли прекратится поступление в салон горького дыма.

После вылета из Бейры мы примерно через час произвели посадку в Хараре. Про военных в камуфляжных зеленокоричневых комбинезонах с пулеметами и автоматами и запах дыма в Бейре мы, по правде говоря, забыли, готовясь к новым встречам и впечатлениям. Нас встречали друзья и знакомые, страна легендарного дерева джакаранды.

Но очень скоро местное телевидение в Хараре и зимбабвийская пресса разнесли по всему миру вести о крупнейшей диверсии, совершенной несколько часов тому назад в Бейре. Это преступление против народов Мозамбика и Зимбабве было тщательно продумано и спланировано. Его последствия стали одной из главных экономических проблем Зимбабве, предметом разговоров и забот миллионов жителей республики и ее гостей.

Сначала последовали краткие сводки последних известий. Из них явствовало, что 9 декабря 1982 г. против нефтехранилищ и нефтепроводов в мозамбикском городе Бейра,

откуда в Зимбабве поступали нефть и нефтепродукты, была осуществлена диверсия.

Представитель так называемого «Мозамбикского национального сопротивления» (МНС) в Лиссабоне, взявшего на себя ответственность за этот диверсионный акт, заявил, что он был направлен против Зимбабве, которая осуществляет военное сотрудничество с правительством Мозамбика¹.

---

¹ По данным известного отечественного исследователя проблем Мозамбика А.М. Хазанова, организация «Мозамбикское национальное сопротивление» (МНС, РЕНАМО) была создана в 1976 г. директором родезийской разведки Кеном Флауером. Первые члены были набраны из иммигрантов из Мозамбика и бежавших в Родезию португальских командос из отрядов «Флешаш» («Стрель»). Во главе МНС тогда стояли агент португальской тайной полиции (Пиде) Эво Фернандиш, работавший служащим у известного профашистски настроенного миллионера Ж. Жардина, и Орландо Кристина. Однако в апреле 1983 г. Кристина был убит в Претории южноафриканскими спецслужбами. Вскоре после этого МНС возглавил бывший член ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика), сын вождя племени ндау Афонсу Длаками. Первоначально МНС имело своей задачей чинить препятствия зимбабвийским партизанам ЗАНУ-ПФ (Африканский национальный союз Зимбабве – Патриотический фронт) во главе с Р. Мугабе, базы которых находились в Мозамбике.

После того как в 1980 г. Зимбабве получило независимость, МНС сменило своих шефов: теперь его взяла на содержание и под свой контроль южноафриканская военная разведка. Изменились и функции организации. Перед ней была поставлена четкая задача – вести вооруженную борьбу против правительства страны и партии ФРЕЛИМО, не брезгуя при этом никакими методами. Значительно пополнив свои ряды за счет португальцев, лишившихся собственности и других привилегий в бывшей колонии, а также за счет мозамбикцев, по разным причинам недовольных режимом, в том числе дезертиров из армии, и получив оружие от своих покровителей, МНС начала кровавые рейды во все провинции Мозамбика, убивая мирных жителей, захватывая заложников, грабя деревни и разрушая экономические объекты: «МНС устраивает резни и грабежи крестьян. Они приходят в деревню и объявляют, что они – МНС и что крестьяне должны выйти из кооперативов, созданных ФРЕЛИМО. В качестве предупреждения они убивают всех членов какой-либо семьи ножами. Людми потрясены и не знают, как все это понимать».

В действительности же изощренность средств, использованных для проникновения в Бейру и проведения диверсии на нефтехранилищах, свидетельствовала о том, что этот враждебный акт был осуществлен не марионетками из МНС, а, скорее всего, группой отборных южноафриканских командос, проникших в Бейру, по-видимому, с моря (одна из версий гласит, что диверсанты высадились с подводной лодки ЮАР) и пользовавшихся поддержкой внутри страны.

Последствия этой диверсии, в результате которой в Бейре были уничтожены все 35 нефтехранилищ с 20 млн литров мазута и других нефтепродуктов, 29 из которых принадлежали компании «Бритиш Петролеум», а 6 – мозамбикской государственной компании «Петромок», резко отрицательно сказались на экономике не только Мозамбика, но и Зимбабве. Остановился автомобильный транспорт, было резко ограничено или совсем прервано автобусное движение между городами, введено строгое рacionamento бензина.

При этом МНС трубило на весь мир о своих «военных победах», об «окружении» столицы и о «скором падении» правительства ФРЕЛИМО. Оно усиленно распространяло в стране и за границей фотографию, на которой улыбающийся Длакама был запечатлен недалеко от Мапуту на фоне различных на заднем плане самых высоких столичных зданий.

МНС было главным фактором дестабилизации и тяжелого экономического положения в стране. Материальный ущерб, нанесенный Мозамбику действиями бандформирований, оценивается в 6 млрд дол.

Террористические действия МНС имели своим результатом разрушение торговой и транспортной сетей, мостов, транспортных средств во многих районах страны. Бандитами были уничтожены одна из каждых десяти больниц и более 500 школ. Они ликвидировали посевы, жгли дома, убивали ни в чем не повинных людей. Действия МНС привели также к перемещению значительной части сельского населения. Около полутора миллионов мозамбикцев вынуждены были покинуть свои дома. Мапуту был наводнен беженцами, пополняющими и без того многочисленную армию безработных. Центральная часть страны – потенциально богатый сельскохозяйственный район – оказалась разоренной. Прямым следствием тяжелых условий жизни трудящихся явилось охватившее Мозамбик широкое забастовочное движение [3, с. 158–159].

Чтобы купить несколько литров бензина, люди занимали очередь у бензоколонок с вечера. Фотографии, сделанные с вертолетов и опубликованные в газетах, свидетельствовали, что каждая из таких автоочереди растягивалась на много километров.

До минимума сократилось число туристов, прибывающих в страну, а следовательно, и приток иностранной валюты, в которой Зимбабве остро нуждалась для целей импорта. Многие туристы собирались посетить Республику Зимбабве, известную своими достопримечательностями и археологическими ценностями, на рождественские каникулы и забронировали номера в гостиницах. Однако после известия о диверсии в Бейре подавляющее большинство из них отказалось от этого намерения. В тяжелом положении оказались в результате отели и занятые в них рабочие и служащие.

Перебой с бензином лишили возможности многих фермеров доставлять сельскохозяйственную продукцию в города. Некоторые промышленные предприятия, работавшие на нефтепродуктах, были вынуждены приостановить производство. Другие предприятия остановились из-за того, что рабочие не могли являться из-за отсутствия транспорта на свои рабочие места. Вслед за взрывом нефтехранилищ в Бейре ЮАР прекратила свои поставки нефти и нефтепродуктов, осуществлявшиеся по железной дороге. Положение еще больше усугубилось.

Вскоре после диверсии 9 декабря один британский и пять португальских граждан были задержаны мозамбикской полицией в Бейре. Проживавший в Мозамбике 20 лет англичанин Финлейн Гамильтон, управляющий находящейся в Бейре компании «Маника фрейт сервисез», принадлежащей ЮАР, был задержан 11 декабря 1982 г.

Гамильтон вырос и учился в ЮАР, куда он впоследствии регулярно совершал поездки из Бейры. В момент своего ареста он был президентом аэроклуба Бейры и имел свой самолет. Именно он тренировал мозамбикскую парашютную

команду, которая незадолго до 9 декабря выиграла международные соревнования, с которых и возвращалась упоминавшаяся выше сборная Великобритании по парашютному спорту. Гамильтон жил в Бейре в доме сбежавшего из Мозамбика миллионера Ж. Жардима, соратники которого сыграли первостепенную роль в создании МНС.

Но все это были косвенные улики его причастности к диверсии и к враждебной народу Мозамбика активности. Неопровержимое доказательство этой его деятельности было обнаружено во время обыска у него дома. У Гамильтона хранился настоящий личный арсенал. В доме были найдены различные типы легкого оружия, ящики с боеприпасами, гранатами и военной формой, а также три радиопередатчика.

Гамильтон имел частный ангар для своего самолета в аэропорту Бейры. Там при обыске была найдена тысяча литров мазута, которым он запасся, прекрасно понимая, что после диверсии возникнет нехватка мазута. Стало ясно, что свой самолет Гамильтон использовал и для других, неспортивных целей.

Пять арестованных португальцев также работали в компании «Маника фрейт сервисез». Этим пятерым португальцам было известно о подготовке диверсионной акции, но они не предприняли ничего, чтобы предупредить об этом власти. Зато они советовали своим друзьям запастись мазутом. Один из этих португальцев некий Б. Фокс был обвинен в том, что он обеспечивал связь с МНС и регулярно совершал поездки на базы этой организации, куда доставлял продукты и боеприпасы.

В дальнейшем в Бейре было арестовано еще 8 португальцев и несколько мозамбикских граждан. Один из них — некий А. Фонсека был капитаном рыболовного судна. Он открыто вел пропаганду в пользу МНС, и ему было известно о планировавшейся диверсии против нефтехранилищ. В Бейре действия Ф. Гамильтона и его друзей вызвали широкий народный гнев, и народ потребовал «примерно наказать»

всех тех – как мозамбикцев, так и иностранцев, кто угрожал безопасности страны.

Вместе с тем аресты вызвали панику в Бейре среди тех, у кого незаконно хранилось оружие. Они попытались сразу же освободиться любыми средствами от этих вещественных доказательств, и большое количество боеприпасов и взрывчатых веществ было просто выброшено в ручьи и речки в районе аэропорта.

Кроме того, были даже найдены винтовки, спрятанные в вазы, в доме португальского консула в Бейре Жоао Верстега. Верстег утверждал, что эти винтовки были оставлены ему одним португальцем, умолявшим его избавить его от них, на что он якобы согласился. О том, что у Верстега хранятся винтовки, власти информировала португалка – жена Гамильтона. Преступления, совершенные Ф. Гамильтоном и его соучастниками, попали под действие закона о преступлениях против безопасности народа и народного государства 1978 г. Этим законом предусматривается создание военно-революционного трибунала, который имеет право выносить смертные приговоры.

Военно-революционный трибунал, заседавший в Бейре 10-15 февраля 1983 г., приговорил Финлея Гамильтона к 20 годам тюремного заключения за связь с вооруженными бандами. Пять мозамбикцев были приговорены к смертной казни. Два португальца получили 4 и 8 лет тюрьмы каждый за соучастие в террористической деятельности. 15 мозамбикцев были приговорены к различным срокам заключения. Еще два португальских гражданина решением трибунала были высланы из Мозамбика. Португальский консул в Бейре был также выслан из Мозамбика по обвинению в хранении оружия, принадлежащего МНС. Остальные арестованные португалцы и мозамбикцы были оправданы.

Некоторые невольные свидетели диверсии рассказывали, что столб дыма над горевшими резервуарами с горючим был виден даже в г. Дондо, расположенном в 30 километрах

от Бейры. Один из них так излагал свои впечатления: «Первый взрыв разбудил меня около половины второго ночи. Я выскочил на балкон. Языки пламени достигали высоты 15-этажного дома. Жар был настолько сильный, что живущим по соседству пришлось покинуть дома».

Пожар смогли в основном потушить лишь более чем через сутки после взрывов, однако некоторые резервуары продолжали гореть. Пожарные хорошо справились со своей задачей – многие участки на территории бензохранилища удалось оградить от огненной стихии.

Действия диверсантов из ЮАР были нацелены на Бейру не случайно. При португальских колонизаторах этот город с населением 250 тысяч человек был оплотом местной буржуазии и служил местом развлечений для южнородезийских туристов.

Примерно за два года до происшедшего правители Претории стали прибегать к акциям, цель которых заключалась в запугивании населения Бейры и других населенных пунктов Мозамбика.

Так, 30 января 1981 г. диверсанты ЮАР, переодевшись в форму мозамбикских военных, осуществили бандитский налет на Мозамбик. От границы они проехали около 80 км до Матола – пригорода Мапуту и убили находившихся там нескольких деятелей Африканского национального конгресса (АНК Северной Родезии). Как выяснилось в ходе следствия, налет был подготовлен и осуществлен совместно расистами ЮАР и ЦРУ.

В том же, 1981 г. в октябре на автомобильном и железнодорожном мостах через реку Пунгве, расположенных примерно в 50 км к северо-западу от Бейры, была осуществлена диверсия, которая не только привела к сокращению товарооборота между Мозамбиком и Зимбабве, а также Замбией, но и вызвала перебои с продуктами в Бейре, куда значительная часть продовольствия поступает как раз по этим коммуникациям.

В середине 1982 – начале 1983 г. юаровцы с помощью МНС пытались создать напряженную обстановку в Бейре, сконцентрировав свои усилия на нарушении работы системы энергоснабжения города. Электричество поступает сюда с плотины Ревю, расположенной в Мозамбикской провинции Маника, и линии электропередачи проходят по почти безлюдной поросшей густыми лесами местности. Стоит взорвать одну опору – и свет в Бейре погаснет. Сделать это может один диверсант, который после взрыва может легко скрыться. Из-за перебоев с энергоснабжением серьезный ущерб был нанесен промышленности Бейры. В таких случаях приходится останавливать промышленные предприятия, не имеющие собственных источников энергии.

Бандитский террор и диверсии МНС в разных провинциях страны мешают народу Мозамбика строить новую жизнь. Но есть в республике такие объекты, которые подвергались постоянным нападениям МНС по указке расистов Претории. Это железнодорожная линия между Мапуту и Зимбабве; нефтепровод и железнодорожная линия Бейра-Мутаре (Зимбабве); железные и шоссейные дороги, ведущие от Малави к океанскому побережью, нефтехранилища в Бейре.

Хотя в марте 1984 г. между Мозамбиком и ЮАР было подписано соглашение, по которому ЮАР обязалась прекратить поддержку МНС, ее головорезы продолжали свои преступления против мирных жителей мозамбикских городов и деревень. В мае 1986 г. южноафриканские расисты подвергли нападению столицы Зимбабве, Замбии и Ботсваны. Вслед за бомбардировками с воздуха крупные диверсионно-десантные отряды высадились с вертолетов в различных кварталах и пригородах столиц этих трех стран и открыли стрельбу по мирным жителям.

В конце мая 1986 г., т.е. уже после новой злодейской диверсии против Зимбабве, Замбии и Ботсваны, банды МНС совершили нападение на упоминавшийся выше пригород Мапуту Матолу. Там были убиты мирные, ни в чем неповин-

ные люди, сожжены транспортные средства. Таким образом, горький дым Бейры все еще продолжал стелиться по земле многострадального Мозамбика. Борьба продолжалась.

На сегодняшний день успехи народа Мозамбика были бы более значительными, если бы не трудности, спровоцированные деятельностью вооруженных банд МНС, поддерживавшихся ЮАР и спецслужбами Запада.

Однако народ Мозамбика, несмотря на крайне сложную эволюцию социально-политических преобразований в своей стране на протяжении последних десятилетий, полон решимости отстаивать свои революционные завоевания.

Литература

1. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). – М., 2013.
2. *Асоян Б.Р.* «Дикие гуси» убивают на рассвете. – М., 1984.
3. *Хазанов А.М.* История Мозамбика в Новое и Новейшее время. – М., 2006.
4. Страны Африки. Факты, события, цифры. – М., 1999.

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Т.Л. Дейч

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ В АФРИКЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В течение длительного периода времени китайская экономика демонстрировала исключительно быстрый рост: в среднем 10% в год. Но 2015–2016 гг. стали свидетелями ее замедления. В 2014 г. рост составил 7,3%, а в 2015 – 6,8%. Участились негативные оценки будущего китайской экономики, однако, вопреки прогнозам, 2016 год не стал ни годом «краха», ни годом «жесткой посадки» китайской экономики, Прирост ВВП составил 6,7%, вписавшись в установленную правительством на этот год планку от 6,5 до 7%, а в четвертом квартале даже составил 6,8%, сравнявшись с данными последнего квартала 2015 года [1]. Однако возникло немало проблем. Сокращение внешнего спроса обусловило депрессивное состояние внешней торговли, объем которой в 2016 г. сократился на 6,8%. Продолжился начавшийся в 2015 г. спад экспорта: он сократился на 7,7%, импорт – на 5,5%. Поскольку Китай – второй в мире импортер товаров и коммерческих услуг, нефти и нефтепродуктов, снижение темпов его роста стало фактором снижения цен на эти товары [2]. Девальвация юаня позволила смягчить удар по экспортерам (в юанях их экспорт сократился на 2%), но не привела к кардинальному улучшению ситуации во внешней торговле.

Снижение темпов роста китайской экономики отразилось и на Африке. В последнее десятилетие эксперты нередко связывали беспрецедентный рост ВВП многих африкан-

ских стран (в среднем – 5,5%) с участием Китая в развитии континента. Китай – с 2009 г. – главный торговый партнер и один из ведущих доноров и инвесторов Африки. Поэтому не приходится удивляться, что эффект от китайского «замедления» внес вклад в «замедление» Африки к югу от Сахары. По данным Всемирного банка, ее средний рост упал с 4,6% в 2014 г. до 3,4% в 2015 г. [3] и 1,4% в 2016 г. [4]. Африканские экспортеры столкнулись с тем, что цены на их продукцию снизились и доходы упали. Падение цен на нефть привело к росту госдолга (8% в год), обесценению национальной валюты.

В 2017 г. ожидалось восстановление темпов роста африканских стран, в основном за счет роста цен на нефть и прекращения засухи: по данным МВФ, рост должен составить 2,6%, прогноз на 2018 г. – 3,4%. При этом лидером станет Эфиопия (8,5%), за ней идут Гвинея (6,7%), Сенегал (6,5%), Гана (5,9%) [4].

На саммите Форума китайско-африканского сотрудничества в Йоханнесбурге в декабре 2015 г. Китай как крупнейший торговый партнер Африки пытался заверить ее страны, что не сократит с ними торговлю. Однако, как сообщило Министерство коммерции КНР (МОФКОМ), из-за падения цен на сырье – основной продукт африканского экспорта – объем китайско-африканской торговли, составлявший в 2014 г. 200 млрд дол. [5], сократился в январе-октябре 2015 г. до 147,6 млрд дол. [6], а за весь 2016 г. составил 149,2 млрд дол. [7] По данным китайской Таможенной службы, африканский экспорт в Китай упал в 2015 г. на 40% [8], а по другим данным, – даже на 50% в результате падения цен на главный предмет африканского экспорта – нефть. Так, экспорт нефти из Анголы упал с 41 млрд дол., в 2014 г. до 15 млрд в 2015 г. [9].

Между тем китайская зависимость от африканской нефти достаточно велика. В 2016 г. потребление нефти Китаем составило 12,4 млн баррелей в день, и Африка сыграла в

этом не последнюю роль. Впрочем, согласно данным Министерства коммерции, импорт Китаем африканского минерального сырья и нефтепродуктов, а также сельскохозяйственной продукции не сократился в количественном отношении, а некоторых продуктов даже вырос. В январе-сентябре 2017 г. китайский импорт нефти вырос на 12,2% по сравнению с 2016 г., в том числе из Анголы – на 16% [10]. При этом Ангола, а за ней и Саудовская Аравия обогнали Россию, которая с 2016 г. занимала ведущее место по поставкам нефти в Китай [11].

И нефтью снабжает Китай не одна Ангола. Китайские нефтяные компании имеют доли в таких африканских странах, как Гана, Египет, Нигер, Габон, Эфиопия, Намибия, Республика Конго, а недавно в число таких стран вошли Чад и Кения. Сегодня Китай и Индия являются крупнейшими покупателями кенийской нефти [5].

В 2017 г. снова наблюдался рост китайско-африканской торговли: за первые 6 месяцев импорт Китая из Африки вырос на 46%, составив 38,4 млрд дол., а экспорт в Африку – на 3%, составив 47 млрд дол. Ведущими африканскими торговыми партнерами Китая были ЮАР, Ангола и Нигерия [7]. Некоторые африканские страны перешли на юань в торговле с Китаем: как сообщалось, почти 40% китайско-африканской торговли осуществлялось в китайской валюте. Объемы таких операций во внешней торговле Китая росли в последние годы, но в 2016 г. расчеты в юанях по торговым операциям сократились на 27,7%. Однако в Африке процесс хождения юаня продолжился. Помимо ЮАР и Кении решение торговать за юани приняли банки Ганы; добавило юань в свою валютную корзину Зимбабве [12]. По мнению экспертов, позитивную роль в этом сыграло растущее внимание Китая к африканской инфраструктуре.

Вопреки трудностям в китайской экономике Африка продолжает занимать важное место во внешнеэкономической дипломатии Пекина. В декабре 2015 г. Си Цзиньпин объявил,

что Китай дополнительно внесет 10 млрд дол. в Китайско-африканский Фонд развития (CADF), созданный еще в 2000 г. для поддержки китайских компаний, действующих в Африке. Фонд выразил намерение сделать упор на инфраструктуру, развитие промышленности и производственный сектор. В фокусе внимания Фонда – принятый на саммите Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в декабре 2015 г. Йоханнесбургский план действий (2016–2018). Как заявил глава Фонда, китайские ПИИ в Африку увеличиваются ежегодно на 10%. Всего Фонд инвестировал в 87 проектов в 36 странах. Реализация этих проектов повысит сумму инвестиций в Африку до 17 млрд дол. [13]. Основным источником финансирования в страны Африки является Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк): в 2000–2015 гг. он предоставил займы почти всем африканским странам на 63 млрд дол. [5]. Чайна Девелопмент Бэнк, финансирующий мелкие и средние китайские предприятия (SME), участвующие в развитии Африки, обещал внести 6 млрд дол. Предыдущие финансирования SME шли в основном на сельскохозяйственные проекты. Китай объявил также о создании Китайско-африканского фонда промышленного сотрудничества, что является показателем тренда к переходу от мануфактурного к промышленному производству [14].

В апреле 2016 г. Китайско-африканская исследовательская инициатива (CARI) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса (SAIS) опубликовала результаты исследований о китайских займах Африке в период с 2000 по 2014 г. За этот период китайские банки, компании и правительство предоставили Африке свыше 80 млрд дол. [15]. Самыми крупными получателями были Ангола – 21,2 млрд дол., Эфиопия – 12 млрд дол., далее шли Кения, Судан и ДРК (по 5 млрд дол. каждая) [12]. Как показывает этот перечень, главными получателями финансовых ресурсов становились не обязательно обладающие нефтью и минералами страны: первая в списке – богатая нефтью Ангола, од-

нако следом за ней идет небогатая сырьем Эфиопия. При этом, как было подсчитано, почти 50% займов были предоставлены на финансирование двух крупнейших секторов: транспорта и энергетики, в основном электроэнергетики. Иными словами, китайские займы континенту шли больше на строительство объектов инфраструктуры – дорог, железных дорог, электрификацию и т.д., нежели на добычу углеводородов и минералов.

О том, что Китай уделяет внимание не только крупным и богатым ресурсами странам, свидетельствует опыт отношений его с Гамбией, страной, до 2013 г. сохранявшей дипломатические отношения с Тайванем. В 2016 г. представитель китайского МИДА Лю Кан заявил о намерении Пекина осуществлять с Гамбией взаимовыгодное сотрудничество в сферах сельского хозяйства, рыболовства, инвестиций и торговли, инфраструктуры, а также в развитии человеческих ресурсов, А в июле 2017 г. между странами было подписано соглашение о свободной торговле [5].

Комментируя ставший традиционным первый в году зарубежный визит в Африку министра иностранных дел Ван И в январе 2017 г., целью которого был назван контроль за выполнением решений Йоханнесбургского саммита ФОКАК и принятого им плана на 2016-2018 гг., китайская печать сообщила, что сотрудничество Китая со странами Африки вступило в 2016 г. в новую фазу [16]. 2016-й год стал рекордным: китайские компании инвестировали в Африку 14 млрд дол. Предыдущий рекорд был достигнут в 2008 г., когда Африка получила 9 млрд дол. инвестиций. Нефинансовые ПИ в Африку выросли на 31%. Были заключены 245 соглашений о сотрудничестве более чем на 50 млрд дол. [16].

Что Китай не намерен сокращать сотрудничество с Африкой, показали итоги Экономического форума «Китай-Африка» в августе 2016 г. Китайские компании и банки подписали с африканскими партнерами предварительные соглашения на 17 млрд дол. о сотрудничестве в секторах инфра-

структуры, энергетики и др. С января 2013 г. по июль 2016 г. число китайских проектов в Африке выросло на 112%; количество созданных китайцами рабочих мест – на 413%, число компаний, инвестирующих в страны континента, более чем удвоилось (рост на 108%). Контрактная стоимость проектов, на реализацию которых были подписаны соглашения в январе-ноябре 2016 г., составила 65 млрд дол. [5]. С января по июль 2016 г. Китай реализовал в Африке 36 проектов (для сравнения: за весь 2012 г. было реализовано 38 проектов) [17].

В январе 2015 г. между КНР и Африканским Союзом (АС) был подписан меморандум о взаимопонимании, что позволит реализовать «африканскую мечту»: соединить сетью скоростных железных и шоссейных дорог, а также воздушным сообщением столицы 54 государства континента [18]. В соответствии с китайско-африканским планом железнодорожного строительства на 2016–2020 гг. китайские компании уже вложили большие средства в строительство сети железных дорог, связывающих страны континента.

В июле 2016 г. состоялось торжественное открытие железной дороги Абуджа-Кадуна в Нигерии протяженностью 187 км, строительство которой началось в 2009 г., и должно было закончиться в 2014 г., но затянулось по причине финансовых проблем. Дорога имеет 10 промежуточных станций, максимальная скорость движения – 100 км/ч. Строительство осуществляла Чайна Сивилл Инжиниринг Констракшн Корпорейшн, поставившая также Нигерии вагоны и дизельные локомотивы для проекта [19].

В январе 2017 г. была торжественно открыта построенная с китайской помощью железная дорога, связывающая Эфиопию с Джибути. Выступая на ее открытии, китайский посол в Эфиопии Ла Юфан сказал, что это первая электрифицированная железная дорога, построенная на континенте по китайским стандартам и технологиям, но, разумеется, не последняя. Дорога, протяженностью 756 км, заменила ста-

рую, построенную еще в 1917 г. Скорость движения на ней составит 120 км/ч, а весь путь займет 10–12 часов, в то время как на машине он занимает 2–3 дня. Дорога позволит перевозить ежегодно 5 млн т грузов. Строительство эфиопского отрезка дороги обошлось в 3,4 млрд дол., при этом 70% финансирования предоставил Эксимбанк Китая [20]. Президент Эфиопии Хайлемариам Десалень сравнил дорогу с кровеносными сосудами для страны, поскольку она также «определяет, будем мы живы или нет» (цит. по [21]).

Крупнейшим китайским инфраструктурным проектом в Кении с момента обретения независимости считают железную дорогу стоимостью 3,8 млрд дол., 85% из которых дал китайский Эксимбенк (около 3,1 млрд дол.). Строительство дороги протяженностью в 609 км, которое осуществляла Чайна Родс энд Бридж Корпорейшн (CRBC), началось в октябре 2013 г. Первая фаза строительства, связавшая порт Момбаса со столицей Найроби, была завершена в 2017 г. По плану эта линия станет частью современной железнодорожной системы Северного коридора, которая, продолжившись, свяжет Кению с Угандой, Руандой и Южным Суданом [22].

Перечисленное выше – лишь часть целой серии проектов, в том числе мегапроектов, реализуемых Китаем в Африке. В их числе, например, строительство крупнейшего порта в Восточной Африке в прибрежном городе Багамо в Танзании, который должен превзойти по масштабам порт Момбаса в Кении. Стоимость проекта – 7 млрд дол.; инвесторы – китайская компания Чайна Мерченс Холдинг Интернешнл и Государственный резервный фонд правительства Омана.

В 2014 г. премьер КНР Ли Кэцян в ходе визита в Африку в штаб-квартире Африканского Союза предложил «Китайско-африканский план сотрудничества в региональной авиации». Был подписан меморандум о взаимопонимании с авиационными корпорациями шести африканских стран, а также с ЭКОВАС. Чайна Саузерн Эйрлайнс и Эйр Чайна от-

крыли прямые линии воздушного сообщения из Гуанчжоу в Найроби, из Пекина – в Йоханнесбург и Аддис-Абебу. Воздушный транспорт, связывающий Китай с Африкой, увеличивается ежегодно в среднем на 15% [12].

Диверсифицируются сферы приложения китайских инвестиций. В частности, растут вложения в промышленный сектор, что способствует внедрению новых технологий, передаче знаний и повышению квалификации персонала. Способствует этому и создание Китаем в ряде стран Африки Специальных экономических зон (СЭЗ), притягивающих инвестиции и новые технологии. Согласно некоторым данным, китайские компании работают во многих секторах африканских экономик: 1/3 – в производстве, 1/4 – в секторе услуг, 1/5 – в торговле, строительстве и недвижимости [12].

В Африке действуют более 10 тыс. китайских компаний, при этом большая их часть (по некоторым данным, 90%) – частные. Китайскими фирмами производится 12% африканской промышленной продукции, охвачено 50% африканского рынка инфраструктуры. Сообщают, что в Танзании – 92 частные компании и 8 государственных, в Кении – 80 частных и 20 государственных. Почти половина китайских компаний вносят на местный рынок новые продукты или услуги, более 2/3 – внедряют новые технологии. В ряде случаев компаниям удается снизить цены на свою продукцию и услуги, вплоть до 40%, благодаря новым технологиям и эффективному маркетингу [12].

Важное место в стратегии китайской экономической дипломатии отводится реализации инициативы Нового шелкового пути и Морского шелкового пути – «Один пояс – один путь» (OBOR). Воплощение ее в жизнь предусматривает реализацию долгосрочных инфраструктурных проектов, которые должны охватить все пространство «пояса»; они включают строительство железных и шоссейных дорог, модернизацию авиационного сообщения, автотрассы, проекты в энергетике, промышленные парки. Африке, прежде всего

Северной и Восточной, отводится важная роль в реализации проекта.

Выступая на третьем Форуме средиземноморских диалогов в Риме 3 декабря 2017 г., Председатель Банка Китая Чэнь Сыцин подчеркнул важность Средиземноморского региона, расположенного на перекрестке сухопутного и морского Шелковых путей, заметив, что этот регион должен стать ключевой точкой инфраструктурного взаимодействия Китая со странами бассейна [23]. Не представляется случайным, что сотрудничество Китая со странами Средиземноморья начало особенно активно развиваться именно с 2013 года, когда Си Цзиньпин впервые выступил с инициативой «Один пояс – один путь».

Особенно стремительно расширяются связи КНР с Египтом, который Пекин считает «стратегической осью» и «региональным приоритетом», делая ставку на взаимодействие с Египтом в рамках OBOR – BRI. Китай – главный торговый партнер Египта: объем двусторонней торговли составил в 2016 г. 12 млрд дол. В ходе визита Си Цзиньпина в Египет в январе 2016 г. были подписаны соглашения, касающиеся реализации более 20 проектов в сферах электрификации, транспорта, инфраструктуры. Ожидают, что общий объем инвестиций составит 15 млрд дол. Китай – крупнейший инвестор в создание Специальной экономической зоны Суэцкого канала, которую строит китайская компания TEDA. Подписан меморандум о взаимопонимании в совместной реализации инициативы «Один пояс – один путь» [24].

В фокусе внимания Пекина оказалось и Марокко, популярность которого выросла после визита в 2016 г. в Китай короля Мохаммеда VI и в связи с восстановлением членства этой страны в Африканском Союзе. С 2011 по 2015 г. китайские прямые инвестиции в Марокко выросли на 195%, при этом за один год – с 2014 по 2015 г. – на 93%. В 2016 г. был открыт построенный с китайской помощью мост короля Мо-

хаммеда VI – самый длинный в Африке вантовый мост, соединяющий столицу Рабат с г. Сале и входящий в масштабный инфраструктурный проект по созданию крупнейшей в Марокко сети автомобильных дорог – от средиземноморского города Танжера до финансовой столицы страны Касабланки. В совместных планах – строительство высокоскоростной железной дороги между Марракешем и Агадиром, реализация ряда других проектов [25].

Китайские эксперты видят в инициативе «Один пояс – один путь» два главных преимущества для Африки. Первое – развитие инфраструктуры – позволит Китаю использовать свои возможности в строительной сфере, что принесет пользу странам континента и одновременно стимулирует рост Китая, замедлившийся в последние годы. Второе – это возможность передать Африке промышленные предприятия интенсивного труда, что приведет к росту производства, числа рабочих мест и оплаты труда в африканских странах. Эксперты считают эти два компонента двумя столпами китайско-африканского сотрудничества в предстоящие годы. Министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связала инициативу «Нового шелкового пути» с принятой Африканским Союзом в 2015 г. «Повесткой 2063». Как заявила министр, китайская инициатива, основное направление которой – инфраструктура, перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (PIDA), предусматривающей 30-летнюю стратегию создания континентальной инфраструктуры [26].

В мае 2017 г. в Пекине состоялся саммит «Один пояс – один путь», выступая на котором Си Цзиньпин выразил намерение вложить новые средства в инфраструктурные проекты. Присутствовавший на саммите в числе приглашенных лидеров 29 стран президент Эфиопии Хайлемариам Деселень заявил: «Мы продолжаем рассматривать Китай как успешную экономическую модель и надежного союзника в борьбе с бедностью и в стремлении к процветанию» [27].

Важная особенность китайских проектов: руководство строительством и технический персонал – китайцы, но рабочие, а также часть техников, подготовленных Китаем, – африканцы, что способствует созданию в Африке рабочих мест и опровергает расхожее мнение, что китайцы «отнимают хлеб у местного населения». Пекин, разумеется, не альтруист. Сеть железных дорог и порты в Средиземноморье (Алжир, Греция, Италия, Израиль и др.) и Восточной Африке (Кения, Танзания, Джибути), а также скоростные железные дороги и просторные шоссе крайне важны для китайской торговли. Делая масштабные вложения, Пекин не может рассчитывать на быструю отдачу и идет на определенные финансовые риски. Однако африканские страны получают конкретную выгоду от реализованных с китайской помощью проектов.

Все вышеизложенное свидетельствует, что, вопреки прогнозам экспертов, считающих, что спад в экономике Китая окажет резко негативное влияние на его экономическое сотрудничество со странами Африки, этого не произошло. Африка по-прежнему занимает важное место во внешнеэкономической политике и экономической дипломатии Китая.

Литература

1. Цыплаков С. Нестабильная стабильность: экономические итоги Китая в 2016 г. // Война и мир. – 16.02.2017.
2. China's Economy grows 6,7% in 2016 // BBC News. 20 January 2017. – URL: www.bbc.com/news/business.38686568
3. Mwiti, Leo. 10 things you need to know about Africa's economy in 2016, from new flagship study. 10 Jan. 2016 // Mail & Guardian. URL: mgafrica.com/article/2016/2016/01/07-things-about-africas-economy-this-year
4. Кудобин А., Маючая А. Африканский парадокс: почему рост экономики региона не повлияет на доходы населения и уровень госдолга. 6 ноября 2017. – URL: <https://russian.rt.com/business/article/446890-africa-ecomomika-gosdolg>

5. Pant Harsh V., Haidar Ava M. ORF Issue Brief // China's Expanding Military Footprint in Africa. Issue № 195. Sept. 2017.
6. Ministry of Commerce People's Republic of China. 2015 // Business Review XII: China-Africa Trade and Economic Cooperation Starts. January 25, 2016. MOFCOM. – URL: mofcom.gov.cn/articles/zt.businessview/2015/news/2016_02/201602012613
7. Mo Yelin. China Boosts Trade, Direct Investment with Africa. Caixin, Fug. 08, 2017. – URL: www.caixinglobal.com/2017-08-08/101127308.html
8. China-Africa exports fall by 40% after China slowdown // BBC News. 13 Jan. 2016. – URL: www.bbc.com/news/world-afra-35303981
9. Tralac/Trade law centre. China-Africa Trading Relationship. – URL: <https://www.tralac.org/images/docs/9174/china-africa-trading-relationship-synopsis>
10. Китай в январе-сентябре увеличил импорт нефти на 12,2% // Нефть капитал. 07.11.2017. – URL: <https://oil.capital.ru/news/markets/07-11-2017/kitay-v-yanvare-sentjabre-uvlichil-import-nefti-na-12,2%>
11. Neftegaz.RU. 28 февраля 2017 г. – URL: https://neftegaz.ru/news/view/158712_saudovskaya_araviya_i_Angola.
12. Dollar, David. China's Engagement with Africa. From National Resources to Human Resources. Wash. Brookings. 2016. – URL: https://www.brookings.edu/wp-contact/uploads/2016/07/china's_engagement
13. Trade-Watch Africa. Issue 63. August 2016.
14. Kuo Mercy A., Tang Angelica O. China's Africa Strategy: Going global with Infrastructure Investment // The Diplomat. Jan. 13.2016. – URL: thediplomat.com/2016/01/china's-africa-strategy-going-global-with-infrastructure-investment
15. Albert E. China in Africa // Council on Foreign Relations. July 12, 2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa>.
16. Yao Nian. FM to visit five African countries in first overseas trip of 2017. CGTN. 2017-01-04. – URL: https://news.cgtn.com/news/3d49544d3359544d/share_p.html
17. Curtis S. Chinese Investment into Africa Soars in 2016 // The Banker. 27/09/2016. – URL: www.f.din-intelligence.com/Locations/Middle-east-Africa/Chinese-investment-into-Africa-soars-in-2016

18. AU, China agree big infrastructure deal. 2015 – 01–27 Chinese Investment Key to Improving Infrastructure in Africa // The Editors, Febr. 4, 2015.

19. President inaugurates Abuja-Kaduna railway // Railway Gazette. 26 July 2016. – URL: www.railwaygazette.com/news/infrastructure/single-view/president-inugurates.

20. Ethiopia–Djibouti railway inaugurated // Railway Gazette. 05 October. 2016. – URL: www.railwaygazette.com/news/infrastructure/Ethiopia-Djibouti-railway-inaugurated

21. Solomon S., Iman F. New African Railways Ride on Chinese Loans // VOA News. Jan 24. 2017. – URL: www.voanews.com/a-new-african-railways-ride-chinese-loans/3690287.html

22. How Africa // The Rise of Africa. March 17. 2016. – URL: howafrica.com/10-mega-infrastructure-projects-africa-funded-china

23. Председатель Банка Китая: Средиземноморский регион занимает важное место в строительстве «Пояса и пути». Синьхуа. Новости. 2017-12-03. Russian News.cn. – URL: <https://russian.news.cn/2017-12-03.c>.

24. Си Цзиньпин предложил превратить Египет в точку опоры «Одного пояса – Одного пути». 22.01.2016. – URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2016/0122/c31529-9007771.html>

25. Under the Radar. What's behind China's love affair with Morocco // Global Risk Insights. March 26, 2017. – URL: <https://globalrisksinsights.com/2017/03/chinas-love-affair-with-morocco>

26. Nkoana-Mashabane, Maite, Minister of International Relations and Cooperation. A win-win synergy: Africa's Agenda 2063 and China's One Belt and One Road Initiative. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. Dec. 2015. – P. 2.

27. African leaders attend China's Belt and Road Summit // Africa in Focus. Brookings. May 19, 2017. – URL: www.brookings.edu/blog/africa-in-focus

*С.В. Пичугин,
главный геолог ООО «ОЗГЕО»*

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ И МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ МАВРИТАНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

1. Геологическое строение

Преобладающая часть Мавритании располагается в пределах Африканской платформы и состоит из нескольких крупных тектонических структур, а именно Регибатского щита, синеклиз Тиндуф и Тауденни, Мавританского складчатого пояса. На западе страны расположен Мавритано-Сенегальский приатлантический перикратонный прогиб (см. рис. 1).

Наиболее древние архейские комплексы обнажаются на юго-западе Регибатского щита. Породы в этой части Регибатского щита относятся к раннеархейскому гранулитогнейсовому комплексу (серии Амсага, Тазиаст и Галламан) и позднеархейским зеленокаменным поясам (серия Кедиа-Иджиль). Гранулитогнейсовый комплекс представлен гнейсами амфиболитовой и гранулитовой фаций метаморфизма, лептинитами с амфиболовыми и гранатовыми сланцами, чарнокитами (2,8 млрд лет). На раннеархейских гнейсах несогласно залегают породы, относящиеся к зеленокаменным поясам, представленные магнетитовыми кварцитами, слюдяными сланцами, слюдяными кварцитами, джеспилитами, амфиболитами (метабазальты), карбонатными породами.

В восточной части щита залегают комплексы зеленокаменных поясов середины раннего протерозоя серии Небкха и вулканоплутонические комплексы второй половины раннего протерозоя серии Аюб-эль-Малек. Породы серии Небкха являются вулканогенно-осадочными и включают серицитовые сланцы, кварциты, яшмы, мраморы и метариолиты, в нижней части среди сланцев залегают аркозы. Вулканоплутонические комплексы представлены кислыми метавулканитами с конгломератами, аркозами, кварцитами и туфами. Верхняя часть докембрийского разреза восточной части щита сложена континентальными аркозами и покровами риолитов в основании общей мощностью до 800 метров. Вышеуказанные в различной степени дислоцированные метаморфические породы резко несогласно перекрыты субгоризонтально залегающими верхнепротерозойскими отложениями платформенного чехла.

Магматические образования Регибатского щита представлены архейскими и нижнепротерозойскими синтетектоническими гранитоидами. Преимущественно в восточной части широко развиты нижнерифейские долериты и диабазы, в западной его части имеются рифейские щелочные комплексы.

В юго-западной части Регибатского щита в пределах террейна Tijirit известна Великая Дайка Мавритании (Ahmeyim Great Dyke). Дайка имеет ширину около 1,5 км и простирается более чем на 150 км на северо-северо-восток (NNE / SSW). В составе дайкового комплекса присутствуют интрузивные породы – габброиды и вулканические породы толеит-коматиитовой серии (рис. 2). В пределах архейских толеитовых-коматиитовых зеленокаменных поясов в Западно-Африканском Кратоне характерно присутствие никель-медно-сульфидного оруденения, а иногда и платиновой минерализации.

Рис. 1. Геологическая карта Мавритании

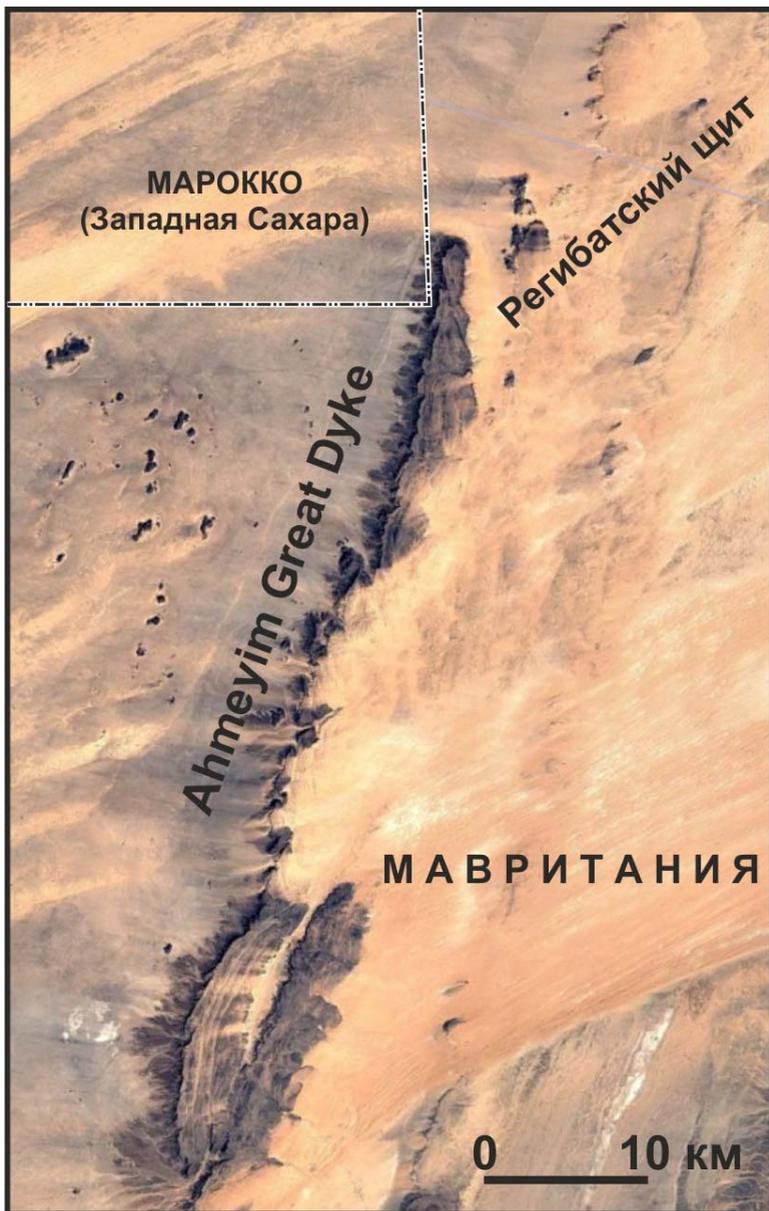
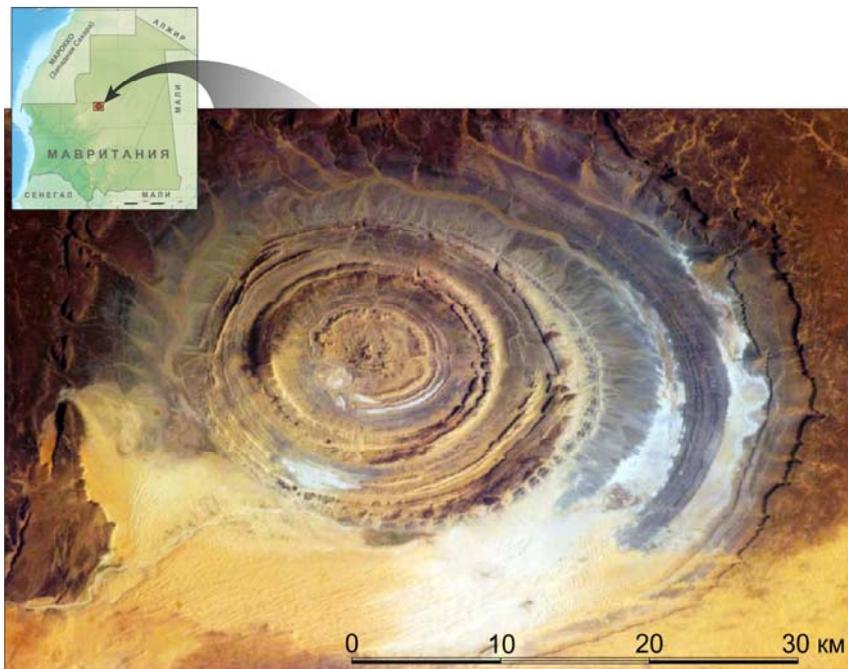

Рис. 2. Великая Дайка Мавритании

Отложения синеклиз Тиндуф и Тауденни относятся к верхнепротерозойскому и палеозойскому возрасту. Внутри синеклизы Таудени рядом с поселением Уадан имеется кольцевая структура Ришат (Гальб-Эр-Ришат, известная также как «Глаз Сахары»). Диаметр структуры составляет около 50 км (рис. 3).

Рис. 3. Кольцевая структура Ришат

Центр структуры Ришат состоит из кремниевых брекчий и охватывает территорию, диаметр которой достигает, по меньшей мере, 3 километров. В геологическом плане структура сложена интрузивными, вулканическими и осадочными породами (риолиты, габбро, карбонатиты, кимберлиты, известняки, доломиты и др.). Дайки габброидов имеют кольцеобразные формы. Внутреннее кольцо дайки габброидов имеет ширину около 20 метров и находится на расстоя-

нии 3 километров от центра структуры. Внешнее кольцо дайки габброидов составляет 50 метров в ширину и лежит в 7–8 километрах от центра. Карбонатные породы структуры Ришат имеют возраст 94–104 млн лет, кимберлитовые – 99 млн лет. В целом получается интересная история формирования структуры Ришат. Центр и каждый последующий пояс складывается из разных пород.

В строении Мавританского складчатого пояса принимают участие мощные толщи осадочных и вулканических пород от вендского до девонского возраста включительно, измененных в условиях зеленосланцевой фации метаморфизма. Породы сложены глинистыми сланцами, песчаниками, микститами, пластами базальтов, андезитов, основными интрузивными породами и ультрабазитами. Вулканогенные породы локализованы преимущественно вдоль надвигов, разделяющих разрез на ряд тектонических пластин.

Сенегало-Мавританский прогиб в нижней части состоит из терригенно-соленосных отложений пермь-триасового возраста мощностью 500-1000 м. Далее выше по разрезу залегают карбонатные юрские и карбонатно-терригенные меловые отложения общей мощностью до 6 км. Кайнозойский разрез сложен глинистыми и органогенными известняками палеоцен-эоцена (мощностью до 200-500 м) и вышележащими песчано-глинистыми континентальными и прибрежно-морскими породами олигоцен-четверичного возраста (мощностью до 1 км).

2. Минерально-сырьевая база

Основу горнорудной промышленности Мавритании составляет производство меди, золота и железа. Страна входит в мире в топ-15 стран-экспортеров железной руды, а в Африке является 3-м производителем и экспортером железной руды после Южной Африки и Сьерра-Леоне. Кроме того, Мавритания в небольших количествах производит цемент, нефть,

гипс, кварц, соль. Основные месторождения и проявления полезных ископаемых представлены на рис. 4.

Месторождения		Проявления	Полезные ископаемые
Средние	Мелкие		
А	А	●	Нефть
		●	Газ
O.S	—	—	Горючие сланцы
★	★	★	Уран
■	■	■	Железо
■	■	■	Хром
○	○	○	Марганец
●	●	●	Кобальт и никель
●	●	●	Медь
●	●	●	Свинец, цинк

Месторождения		Проявления	Полезные ископаемые
Средние	Мелкие		
●	●	●	Вольфрам, олово
		●	Молибден
		○	Бериллий
●	●	●	Редкие земли
●	●	●	Золото
▼	▼	▼	Фосфаты
		○	Барит
		○	Флюорит
—	—	—	Черные пески
▼	▼	▼	Гипс

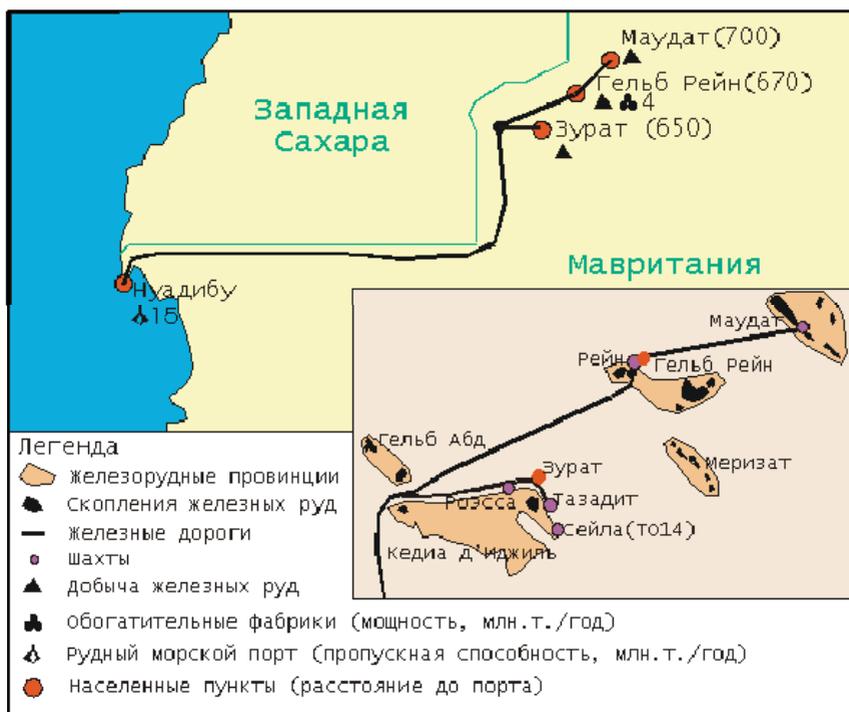

Средние месторождения	Полезные ископаемые
▼	Каменная соль

Рис. 4. Карта полезных ископаемых Мавритании

Железные руды. Доказанные запасы железной руды (proved reserves) составляют 1100 млн т при среднем содержании железа – 57%, ресурсный потенциал оценивается гораздо больше – в 5960 млн т (на 2013 год). Месторождения железных руд связаны в основном с архейскими железистыми кварцитами, залегающими в пределах Западно-Регибатского ортократона. Рядом с г. Фдерик имеется три железорудные зоны, охватывающие площадь длиной 25 км с востока на запад с шириной около 10 км.

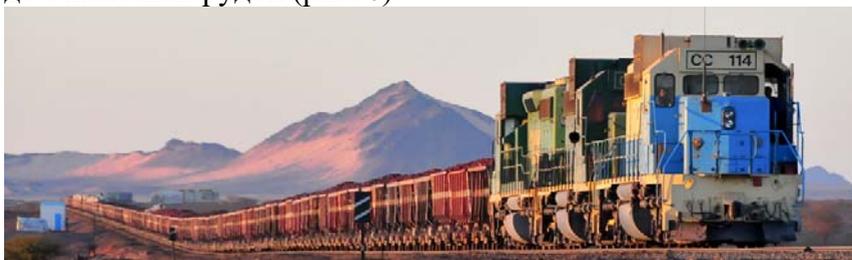

Рис. 5. Железорудные карьеры Мавритании

В 70-е гг. XX в. добыча железной руды велась на месторождении Кедиа д'Иджиль. В 1974 году компания MIFERMA (Mauritanian Company of Iron Mines), ведущая эксплуатацию железорудного месторождения, была нацио-

нализирована и переименована в SNIM (Société Nationale Industrielle et Minière). Около 20% уставного капитала в ней принадлежит арабским инвесторам. В 1984 году началась промышленная разработка месторождения Гельб Рейн. Несмотря на то что среднее содержание железа в рудах этого месторождения составляло около 38%, его эксплуатация была признана рентабельной. Был построен завод по обогащению руды и производству концентрата с содержанием железа 66%. Следующим важным этапом стала разработка в 1994 г. месторождения Маудат (содержание железа около 66%), обнаруженного в 1987 г., что позволило компании поддерживать производство и экспорт железорудного концентрата на уровне 11–12 млн т в год. Вся произведенная железная руда отправляется на экспорт.

На сегодняшний день компании SNIM принадлежит 5 железорудных шахт (Сеяла, Роэсса и Тазадит – на месторождении Кедиа д'Иджиль, Рейн – месторождение Гельб Рейн и Маудат на одноименном месторождении). На четырех шахтах имеются заводы по первичному измельчению железной руды. В Рейне также существует обогатительная фабрика мощностью 6 млн т. Также компания SNIM разрабатывает проект строительства в Рейне фабрики окатышей. Месторождения компании связаны с рудным портом в Нуадибу единственной в стране железной дорогой пропускной способностью около 15 млн т в год. Эта железная дорога знаменита тем, что по ней курсируют самые длинные в мире поезда с железной рудой (рис. 6).

Рис. 6. Поезд с железной рудой по дороге в порт Нуадибу

Особенностью Мавритании является то, что железорудная отрасль в этой стране не получила бурного развития, несмотря на то что эта страна вполне могла бы претендовать на роль второй «домашней шахты» Европы. Тем не менее экспорт железной руды имеет для Мавритании крайне важное значение, формируя в отдельные годы до 40% доходов национального бюджета. В 2014 г. на экспорт было поставлено 14 млн т железной руды. Основными потребителями мавританской железной руды являются Италия и Франция (примерно по 27%), Бельгия – 15%, Германия – 10% и Великобритания – 8%. На другие страны (США, Япония, Тунис, Финляндия, Нидерланды) приходится около 5% экспортных поставок компании.

Кроме основного железорудного района (Кедиад’Иджиль – Гельб Рейн и Маудат) ещё имеется железорудное месторождение Леглейтат-эль-Хадер, расположенное в 20 км от Акжужта, с достоверными и вероятными запасами в 15 млн т. Месторождение приурочено к горизонту железистых кварцитов.

Медь. На начало 2013 г. подтвержденные запасы меди в Мавритании оценивались в 428 тыс. т, а ресурсы в 2300 тыс. т, при среднем содержании меди в руде – 1,6%. В Мавританидах среди пород позднего протерозоя и рифея имеется медноколчеданное золотосодержащее месторождение Guelb Moghreïn, кроме этого присутствуют меднорудные жильные рудопроявления, связанные с гранитоидами и вулканитами протерозоя.

Месторождение Guelb Moghreïn (см. рис. 4) расположено в регионе Inchiri около города Akjoujt, приблизительно в 250 км к северо-востоку от Нуакшота. Общие запасы меди составляют 2,25 млн т, в том числе доказанные 428 тыс. т, таким образом, месторождение по запасам относится к среднему. Имеются окисленные и сульфидные руды, в окисленных рудах содержание меди 2,9%, золота 3 г/т, в сульфидных

рудах содержание меди 1,5%, золота 1 г/т. Месторождение залегает в кварцевых сланцах.

Канадская компания First Quantum Minerals (FQM), располагающая 80-процентной долей в медно-золотом руднике Гельб-Могрейн (Guelb Moghrein) в Мавритании, на севере Африки, начала эксплуатацию рудника с 2005 г. Проектная мощность рудника – 30 тыс. т меди и 50 тыс. унций золота в медно-золотом концентрате в год. Концентрат транспортируется в порт Нуакшотт (Nouakchott) и поставляется на медеплавильные заводы Европы и Азии. В 2014 г. на руднике получено 33,1 тыс. т медно-золотого концентрата, что немного меньше, чем в 2012 (37,7 тыс. т) и 2013 (37,9 тыс. т) годах.

Золото. В стране известны месторождения и рудопроявления золота, связанные с кварцевыми жилами, залегающими в протерозойских гранитоидах и вулканитах. Они относятся к золотокварцевому малосульфидному типу. Кроме этого имеется золотосодержащее медноколчеданное месторождение, описанное выше (см. рис. 4).

Доказанные запасы золота по стране составляют 30 т, большая часть которых относится к золотосодержащему медноколчеданному месторождению Гельб-Могрейн. Также имеется месторождение Тазиаст (Tasiast) с ресурсами золота 12 т и содержанием золота в руде 2,7 г/т.

Объем производства золота в Мавритании немного увеличился в 2014 г. по сравнению с 2013 г. На руднике Гельб-Могрейн в 2014 г. компанией MCM (Mauritanian Copper Mines S.A.) произведено 1,5 т золота, что на 16% меньше, чем в 2013 г. (1,8 т золота).

За золотом руднике Тазиаст компания Tasiast Mauritanie Ltd. S.A., дочерняя компания корпорации «Кинросс» (Kinross Gold Corp.), в 2014 г. добыла 8,1 т золота, что на 5% больше, чем в 2013 г. (7,7 т золота).

По состоянию на конец 2014 г., по оценкам корпорации «Кинросс» вероятные запасы золота на месторождении Та-

сиаст оценивались в 161,8 тыс. т руды, при среднем содержании золота – 1,77 г/т, что составляет 286 т золота. Измеренные ресурсы, по оценкам тех же экспертов, составляли 85,6 тыс. т при содержании золота – 1,14 г/т, что соответствует 97,6 т золота. Однако оценка этих запасов вызывает сомнение из-за крайне низких содержаний золота, что вряд ли позволит их рентабельно отработать.

Косвенно это подтверждается политикой корпорации «Кинросс» по сокращению в 2015 году расходов своего золотого рудника примерно на 41% от 2,7 млрд дол. до 1,6 млрд дол. в год. Корпорация «Кинросс» намерена выждать повышения биржевых цен на золото, чтобы планировать дальнейшее производство.

Австралийская компания «Грифон Минералс» (Gryphon Minerals Ltd.) в 2014 г. проводила геологоразведочные работы на золото на перспективном блоке Тиджирит (Tijirit) на площади 1400 км², включающем выявленное месторождение золота. По данным экспертов Грифон Минералс (Report Gryphon Minerals Ltd., 2015), месторождение золота вероятные запасы золота в объеме 9,6 млн унций (297 т) золота (технический отчет Tasiast от 31 марта 2014, Веб-сайт Kinross). Однако квалифицированные эксперты не в состоянии проверить эту информацию, которая необязательно свидетельствует о минерализации золота на блоке Тиджирит. В марте 2016 г. компания Gryphon Minerals Ltd. продала лицензии по блоку Тиджирит и Акжужт (permit numbers EL447, EL1117 and EL448) компании Kanosak Barbados Inc. на общую площадь 2200 км².

В 2014 г. австралийская Drake Resources Ltd. продолжала геологоразведочные работы на золото южнее месторождения Тазиаст. В ходе буровых работ выявлена рудная зона мощностью 6 м с содержанием золота 17,63 г/т.

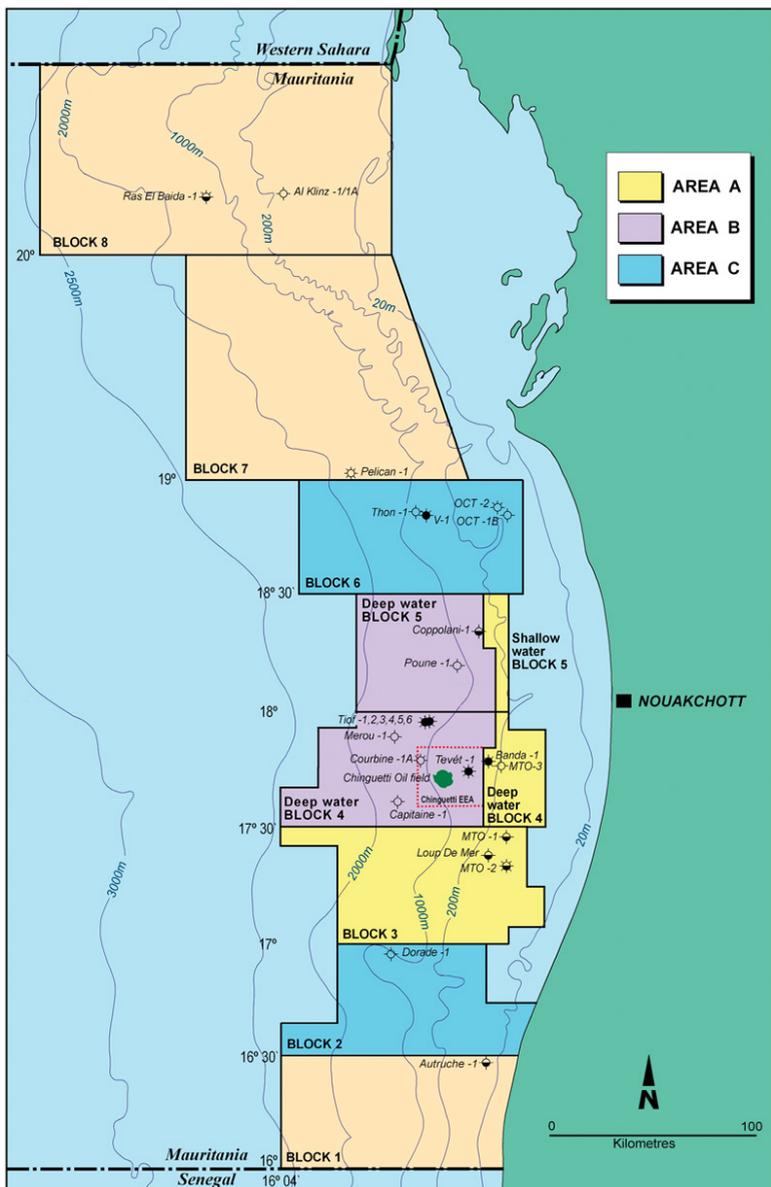

Рис. 7. Месторождение Шингетти и проявления нефти, выявленные на шельфе Мавритании

Нефть. Единственное месторождение нефти Шингетти (Chinguetti) выявлено на шельфе в Мавританско-Сенегальском осадочном бассейне. Нефтяное месторождение открыто в 2001 г. Его разработка началась в 2006 г. Плотность нефти 0,87–0,89 г/см³, или 28° API. Добыча нефти в 2006 г. составила 2 млн тонн. К 2014 г. добыча сократилась до 286 тыс. т (или 2200 тыс. бар.) в год (рис. 7).

Добытая на месторождении Шингетти нефть загружается на танкеры и отправляется в Европу. Оператором месторождения является Вудсайт Петролеум (Woodside Petroleum) – 35% от пакета акций, другие партнеры: итальянская Eni – 35%, Hardman Resources Ltd. – 21,6%, Fusion – 6%, Roc Oil (Mauritania) Company – 2,4%.

В 2007 году Компания Woodside переоценила в сторону уменьшения промышленные запасы нефти на морском месторождении Шингетти (Chinguetti) в Мавритании. По её данным, доказанные и вероятные (proved and probable) запасы нефти месторождения составляют 7,25 млн т, в то время как ранее они оценивались в 17 млн т.

Гипс. Основное месторождение гипса находится в 57 км севернее Нуакшота, в районе Себха Драхамша (Sebkha N'dramcha), и имеет то же наименование. Запасы гипса оцениваются в 400 млн т при содержании кальцевого гидросульфата от 85 до 90% (поэтому месторождение считается одним из крупнейших в мире). С 1984 г. компания SAMIA (Société Arabe des Industries Métallurgiques), в которой 51% акций принадлежит мавританскому правительству, а 49% инвесторам из Кувейта, ведет разработку гипсового месторождения Себха Драхамша. В 1986 г. на базе этого месторождения был построен завод по переработке гипса мощностью 100 тыс. т. в год. Производство составляет 65–75 тыс. т. ежегодно, в 2014 г. произведено 65 тыс. т гипса.

Цемент. Производство цемента в стране постоянно нарастает с 552 тыс. т в 2010 г. до 770 тыс. т в 2014 г. Мавританская компания Ciment de Mauritanie S.A, национальный

лидер и главный поставщик цемента в стране для любых видов промышленных и инфраструктурных объектов, таких как строительство дорог, аэропорты, плотины, городские комплексы, водонапорные башни. Основное производство располагается в г. Нуакшоте. Мощности цементного комплекса позволяют производить до 900 тыс. т цемента.

Второе место по производству цемента занимает совместное мавритано-французское предприятие (Mauritano-Française des Ciments S.A.), располагающееся в Нуакшоте с мощностью завода до 450 тыс. т цемента различных марок.

Фосфориты. В 2010 г. правительство Мавритании выдало лицензию на строительство фосфоритного рудника компании Bofal Indo Mining Co. Рудник расположен в юго-западной части фосфатоносного района Бофаль-Лубейра (Bofal-Loubeira). В его составе планировалось сооружение фабрики по производству фосфорной кислоты. Строительство планировалось завершить в течение трех лет.

Ожидалось, что компания будет производить 1 млн т фосфоритной руды в год к концу 2013 г., но проект из-за низкого качества руды остался не завершен. В Мавритании вероятные запасы фосфоритов оцениваются в 100 млн т, включая 70 млн т руды с содержанием P_2O_5 – 21% на месторождении Bofal и 29 млн т руды с содержанием P_2O_5 – 19% на месторождении Loubboira. На обоих месторождениях выходы фосфоритов эоценового возраста прослеживаются вдоль северного берега реки Сенегал на юге Мавритании в 300 км к востоку от Атлантического побережья.

Кварц. Компания «Мавритания Минералс» (Mauritania Minerals Co. S.A.) начала производство высокочистого кварца (99,9%) на своем открытом карьере Ум Агенейна (Oum Ageneina), который расположен в 130 км к востоку от порта Нуадибу. Компания имеет 30-летнюю лицензию на блок площадью 577 км². Запасы месторождения Ум Агенейна содержат 70 млн т кварца. Кварцевый рудник имеет потенциал

производства от 100 до 500 тыс. т/год кварца (Hughes, 2013, р. 24; Мавритания Минералы Совместно. С. А., 2014).

Дополнительно по полезным ископаемым имеются следующие сведения. В пределах выходов архейских пород присутствуют рудопоявления хромитов, никеля и асбеста, связанные с ультраметаморфическими породами. С гранитными пегматитами связаны проявления лития, бериллия, тантала, ниобия и урана. С гранитоидами и вулканитами протерозоя ассоциированы рудопоявления полиметаллов, марганца, молибдена и олова.

В Мавританидах среди пород позднего протерозоя и рифея присутствуют месторождения марганцовистых кварцитов, месторождение вольфрама, в нефелиновых сиенитах рудопоявления редких земель, тория и флюорита, в ультрамафитах – проявления хромитов.

С вендскими отложениями платформенного чехла синеклизы Тауденни связаны проявления медистых песчаников, свинца, цинка, барита и фосфоритов, с палеозойскими – литифицированных черных песков с тантало-ниобатами и радиоактивными минералами.

В Мавритано-Сенегальском прогибе в эоценовых отложениях выявлены месторождения фосфоритов, в четвертичных – урана, поваренной соли (основные запасы сосредоточены в районах Себха Иджиль, Антрарет, Себха Тахцима) и самородной серы.

На побережье среди четвертичных пляжных и дюнных отложений разведаны черные пески с титаномагнетитом, ильменитом и цирконом.

В стране в связи с её недоизученным минеральным потенциалом в течение последних трех лет было выдано 19 лицензий на поиски и разведку золота и базовых металлов, 19 лицензий на поиски алмазов и 7 лицензий на изыскания железа, гипса, соли, фосфатов и фарфоровой глины. Для добычи золота в районах Акжужт, Тазиаст и Тиджирит выдано

12 лицензий. Кроме того, выданы лицензии на поиски и разведку нефти и газа.

3. Возможные направления двустороннего сотрудничества

Специалисты компании ОЗГЕО работали в составе групп советских геологов на геологосъёмочных работах, на предварительной оценке медно-золотого месторождения Guelb Moghreïn и на оценке золотоносных площадей Sfarïat, Akjujt, Aumeuim в 70-х, 80-х гг. прошлого века и 2011 г. Кроме того, производилась оценка ураноносных площадей в пределах Мавританид.

В ходе указанных работ собран огромный массив геолого-геофизических данных по геологии и полезным ископаемым Мавритании в виде отчетов, карт и аналитических заключений. Опираясь на этот материал, эксперты ОЗГЕО считают перспективными работы по следующим направлениям:

1. Проведение дистанционных исследований по современным российским и американским технологиям на драгоценные (Au, Ag, Pt), цветные (Cu, Pb-Zn), редкие (Li, Be, Mo, W, Ta, Nb), радиоактивные металлы (U), редкоземельные элементы (REE – Y) и алмазы (Dia) в пределах Регибатского щита и Мавританид.

2. Проведение дистанционных исследований по технологии CRS (русская технология, разработанная в компании ОЗГЕО) на природный газ во впадине Таудени.

3. Проведение дальнейших поисково-оценочных работ на золото, серебро, медь, свинец, цинк, карбонатиты, редкие металлы и платину.

4. Анализ фондовых геофизических материалов по Мавритании с целью выделения перспективных площадей на рудные полезные ископаемые.

На территории Регибатского щита в пределах Мавритании уже выявлены месторождения и проявления железа, зо-

лота, проявления урана, меди и полиметаллов, кобальта, никеля, олова, вольфрама, молибдена, бериллия, хрома и марганца, редких земель и алмазов. Планируемые исследования позволят выявить ряд новых рудных объектов, чей рудный потенциал позволит рентабельно их обрабатывать в сложных климатических условиях Мавритании.

Литература

1. *Бежанова М.П., Стругова Л.И.* Ресурсы, запасы, добыча и потребление важнейших видов полезных ископаемых мира, ОАО «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ». – М., 2013.
2. Горная энциклопедия. – URL: <http://www.mining-enc.ru/z/zuerat>
3. На месторождении Тасиаст (Мавритания) получено первое золото. – URL: <http://www.mineral.ru/News/29118.html>
4. Канадская компания Red Back Mining Inc. построила рудник на месторождении Тасиаст (Tasiast). – URL: <http://www.miningexpo.ru/news/4503>
5. Краткий геологический очерк и полезные ископаемые. – URL: <http://www.shirkunov.org/mauritania.html>
6. Xstrata покупает железорудные проекты в Мавритании. – URL: <http://www.mineral.ru/News/41978.html>
7. Мавритания. Металлургия, горнодобыча. – URL: metalbulletin.ru, 19 сентября 2014. – № 1200417.
8. Мавритания. Металлургия, горнодобыча. – URL: metalbulletin.ru, 7 декабря 2016. – № 1996184.
9. 2014 Minerals Yearbook MAURITANIA. U.S. Department of the Interior. U.S. Geological Survey. November 2017. – URL: <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/country/2014/myb3-2014-mr.pdf>

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Л.Я. Прокопенко

ИНОНГЕ МБИКУСИТА-ЛЕВАНИКА – ЗАМБИЙСКИЙ ПОЛИТИК, ДИПЛОМАТ И ПОБОРНИК ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Инонге Мбикусита-Леваника (р. 10.07.1943)

URL: <file:///C:/Users/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80/Desktop/Inonge%20Mbikusita-Lewanika%20detail,%20ABr%2060047%20-%20Inonge%20Mbikusita-Lewanika%20-%20Wikipedia.html>

2018 г. для Инонге Мбикусита-Леваника юбилейный – ей исполняется 75 лет. На своей странице в Facebook она называет себя дипломатом, политиком, педагогом, просвети-

телем, служащим международных организаций, активистом НПО, поборником мира и евангелистом [17]. Деятельность этой известной африканки, внесшей большой вклад в развитие образования и становление гендерного равенства, действительно многосторонняя и может служить примером для женщин Замбии и континента.

И. Мбикусита-Леваника родилась 10 июля 1943 г. в г. Сенанга (Северная Родезия). Она принадлежит к королевскому роду народа лози, является дочерью короля Баротселенда в 1968–1977 гг. и Мбикуситы Леваники [9]. (Королевство Баротселенд, созданное в XVIII в. и ставшее в 1891 г. протекторатом Британии, вошло в состав независимой Республики Замбия в 1964 г. по условиям договора о его особом статусе. Сейчас это Западная провинция страны). Мбикусита-Леваника – потомственный политик. Ее отец был одним из основателей в 1948 г. и лидером (1948–1951 гг.) первой политической партии коренного населения Замбии – Африканского конгресса Северной Родезии, а ее брат Акашамбатва Мбикусита-Леваника – политический и государственный деятель Замбии, бизнесмен, был одним из основателей партии Движение за многопартийную демократию (ДМД) в 1990 г. Мать будущего политика и дипломата Намайя Леваника была учительницей, занималась общественной работой, связанной с развитием системы школьного и вузовского образования и улучшением положения женщин. Она была первой женщиной в Замбии, зарегистрировавшейся и проголосовавшей на выборах, и стала хорошим примером для дочери.

Начальное и среднее образование Мбикусита-Леваника получила на родине. Родители много занимались образованием детей дома. Вспоминая детство, она благодарила за это родителей: «Мои родители создали благоприятную среду в семье и отправили всех нас (как мальчиков, так и девочек) в школу» [6]. Девочка могла сосредоточиться исключительно на учебе в отличие от многих своих сверстниц, вынужденных сочетать занятия в школе с домашними обязанностями.

Высшее образование девушка получила в США в Калифорнийском государственном университете (филиал в г. Сан-Луис-Обиспо): в 1964 г. она получила степень бакалавра экономики, а в 1965 г. – магистра гуманитарных наук в области образования и психологии [8].

После окончания университета девушка вернулась на родину и начала преподавать в колледже дополнительного образования Evelyn Hone College, педагогическом колледже в г. Монгу, а позже готовила учителей в Университете Замбии. Параллельно она активно работала в местном отделении Красного Креста и в Замбийской ассоциации дошкольного образования.

В 1980–1991 гг. Мбикусита-Леваника сотрудничала с Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ): сначала она была региональным советником этой организации по Восточной и Южной Африке, а позже в том же качестве по Западной и Центральной Африке. Везде она проявила себя профессионалом, хорошо разбирающимся в африканской специфике. Тогдашний председатель ЮНИСЕФ Джим Грант даже назвал ее однажды «самым знающим человеком о детях Африки» [4].

Ее политическая карьера началась в начале 1990-х годов. В 1990 г. она вместе со своим братом Акашамбатвой Мбикуситой-Леваникой стала членом партии «Движение за многопартийную демократию» (ДМД), которая выступала за установление многопартийности и демократические изменения в стране. После победы этой партии на всеобщих выборах в октябре 1991 г. Мбикусита-Леваника была избрана депутатом парламента. Ее депутатская карьера длилась десять лет (до 2001 г.). Она была также председателем группы замбийских женщин-парламентариев.

В этот период Мбикусита-Леваника была широко вовлечена в дело борьбы за мир и безопасность на африканском континенте. Она стояла у истоков основания Федерации африканских женских организаций за мир (Federation of African Women's Peace Network, FERFAP) – сети по предот-

вращению конфликтов и постконфликтному восстановлению в Африке. В 1994 г. возглавляла миротворческую миссию FERFAP солидарности с женщинами в Руанде и Бурунди. В 1997 г. ее избрали председателем Федерации (в этом качестве она работала до 2002 г.). Кстати, от имени Федерации она предупреждала Организацию африканского единства (ОАЕ) и другие региональные организации об опасной ситуации, сложившейся в Заире (ныне Демократическая Республика Конго (ДРК)), но этим предупреждениям не было уделено должного внимания. Выступая на брифинге в марте 1998 г., активистка заявляла, что «...в каждой раздираемой конфликтом стране Африки женщины стали спонтанно вставать на путь посредничества, разрешать конфликт, восстанавливать и строить мир, но их усилия и инициативы не попадали в поле зрения глаза международного сообщества» [13]. Она также участвовала в подготовке материалов для Совета Безопасности ООН, которые легли в основу резолюции ООН № 1325 (2000 г.), которая закрепила равное участие женщин в предотвращении и разрешении конфликтов, поддержке мира и миростроительстве.

Из-за разногласий с политикой президента страны Фредерика Чилубы, который усиливал президентскую власть и отказывался от данных правящей партией ДМД в ходе предвыборной кампании 1991 г. обещаний решить вопрос автономии Баротселенда (Западная провинция) [1, с. 208], после всеобщих выборов в ноябре 1996 г. сестра и брат Мбикусита-Леваника вышли из нее и создали новую партию под названием «Повестка дня Замбии». Эта политическая организация во многом выражала интересы народа лози и стала одной из самых влиятельных среди оппозиционных партий.

Однако выход из правящей партии ДМД не повлиял негативно на парламентскую деятельность нашей героини. Работу в международных организациях она продолжала успешно совмещать с депутатскими обязанностями. В 1998 г. в качестве депутата парламента она принимала активное уча-

стие в создании AMANI Forum – континентальной организации со штаб-квартирой в Найроби (Кения), целью которой является содействие миру и демократии, а также смягчение конфликтов в районе африканских Великих озер.

Незадолго до очередных президентских выборов в 2001 г. президента Ф. Чилубу избрали председателем Организации Африканского Единства (ОАЕ), и своим послом по особым поручениям он назначил именно И. Мбикусита-Леваника, уже имевшую на тот момент международный авторитет.

И. Мбикусита-Леваника относится к немногочисленной группе африканок, баллотировавшихся на пост главы государства. На президентских выборах в 2001 г. она была в числе одиннадцати кандидатов на пост президента, и это первый случай в истории Замбии. Ее авторитет в рядах оппозиции был настолько высоким, что в создавшейся критической ситуации накануне выборов, когда Ф. Чилуба пытался в нарушение конституции остаться у власти, именно ей доверили возглавить комитет по кризису Альянса оппозиционных политических партий страны. Несмотря на то что на выборах она получила всего 0,56% голосов избирателей [12], это стало важной вехой в становлении гендерного равенства в Замбии.

Профессионализм, работоспособность и навыки в сфере политических коммуникаций этой женщины-политика привлек внимание президента Леви Мванавасы (партия ДМД), который победил на выборах в 2001 г. В феврале 2003 г. он назначил Мбикусита-Леваника послом Замбии в США. Для этого имелись также основания политического характера, так как в 2002 г. партия «Повестка дня Замбии», видным членом которой была Мбикусита-Леваника, объединилась с правящей партией ДМД. Она не принадлежала к числу карьерных дипломатов и не имела специального образования, но подобная ситуация не редкость для дипломатического корпуса африканских стран.

Необходимо отметить, что в 2000-е гг. в странах Юга Африки назначение послами женщин стало своеобразным трендом. Например, в числе восьми африканских посольств в США, которые возглавляли женщины, были посольства пяти стран Южноафриканского региона – ЮАР, Замбии, Анголы, Лесото и Свазиленда.

За годы работы послом Замбии в США (2003–2010 гг.) ей удалось многое сделать, и отношения между этими странами в политической и экономической сфере заметно укрепились. В 2003 г. И. Мбикусита-Леваника поддержала инициативу активистов из США и других западных стран, выразивших желание оказать помощь бедным слоям замбийского населения, и благодаря ее поддержке было создано сообщество Friends of Zambia, которое действует до сих пор. В мае 2007 г. журнал Washington Life Magazin назвал ее в числе двенадцати иностранных послов в США, имеющих наибольшее международное влияние [18] (Кстати, в этом списке было только две женщины, вторая из них – посол Колумбии Каролина Барко). Тот же журнал назвал ее тогда образцом для подражания для африканских женщин.

Она оставалась послом и после смены власти в Замбии в 2008 г., когда после кончины 19 августа Л. Мванавасы, согласно Конституции, президентом стал вице-президент Рупиа Банда. В 2009 г. она стала дуайеном дипломатического корпуса Замбии (и оставалась им до 2012 г.).

После возвращения на родину из США Мбикусита-Леваника продолжила дипломатическую карьеру – в 2010 г. она получила назначение послом Замбии в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге (2010–2012 гг.). Это было признанием ее заслуг перед родиной, которые по достоинству смог оценить новый президент страны Р. Банда – бывший посол Замбии в США и Египте. Возможно, ее успешная деятельность в должности посла в США убедила президента Замбии доверить пост посла в этой стране снова женщине – Шейле Сивела. За время своего пребывания в должности посла Замбии в

странах Европы Мбикусита-Леваника удалось организовать в 2011 г. миссию в Замбию крупных европейских инвесторов, она способствовала проведению встреч депутатов замбийского парламента с их европейскими коллегами в феврале 2012 г., а также реализации проектов по совершенствованию авиасообщения между Замбией и странами Европы.

В апреле 2011 г. она вместе с некоторыми действующими женщинами-дипломатами страны оказала финансовую поддержку предвыборной кампании президента Р. Банды, который баллотировался от партии ДМД [14], однако на выборах, состоявшихся в сентябре 2011 г., победил лидер оппозиционной партии «Патриотический фронт» (ПФ) Майкл Сата.

Работа в должности посла требовала многосторонних знаний и выдержки. Знание восьми языков, в том числе европейских, значительно помогали Мбикусита-Леваника. Женщины-дипломаты в своей работе вынуждены учитывать существующую в африканских странах систему неформальных отношений в политике (этнические, родственные, клановые связи), ведь посольство – это часть страны за рубежом. В период работы в посольстве ей, как и ряду ее африканских женщин-коллег, приходилось сталкиваться с явным или завуалированным сопротивлением коллег-мужчин. Поэтому иногда Мбикусита-Леваника была вынуждена проявлять качества, которые принято считать мужскими – жесткость, воля, бескомпромиссность.

В повседневной работе за рубежом африканские послы сталкиваются с определенными трудностями, связанными с различиями между западной и местной политической культурой, которые довольно сильно отличаются друг от друга. К женщинам-послам к тому же часто проявляют повышенное внимание СМИ. Поэтому не всегда проводимые послами мероприятия воспринимаются однозначно. В 2011 г. Мбикусита-Леваника в рамках мероприятий, проводимых посольством по поводу очередного женского праздника 8-е Марта, организовала благотворительную акцию по раздаче еды без-

домным на Северном и Центральном вокзалах Брюсселя. Она и жены замбийских дипломатов приготовили еду собственноручно у себя дома и сами же ее и раздавали на вокзалах на специально оборудованной площадке [16]. С одной стороны, помощь бездомным в центре Европы от представителей африканской страны, получающей помощь МВФ по программе НРС (Heavily Indebted Poor Countries), которая предоставляется беднейшим государствам, выглядела несколько неожиданной и странной. Но с другой стороны, это было гуманно, очень по-женски и по-матерински, и могло вызвать сочувствие к африканцам-эмигрантам, которые наводнили Европу.

Как и многие активисты, которые пытаются улучшить жизнь африканских женщин, Мбикусита-Леваника рассматривает образование как ключ к решению многих женских проблем. На разных площадках она часто говорит о многочисленных выгодах обучения девочек, например, повышении возраста вступления в брак, снижении рождаемости, решении проблем здравоохранения и экономики. Она даже предлагала ввести лозунг «Отправить девочек в школу в каждой деревне» [10]. Во время нахождения на дипломатической работе и после ухода в отставку эта женщина была членом и консультантов нескольких советов и благотворительных фондов, в том числе международных, занимающихся проблемами детей и молодежи. Она также является членом консультативного совета замбийской благотворительной организации «Фонтан надежды» (Fountain of Hope). В 2007 г. организация в рамках проекта Lubuto Library открыла в столице страны Лусаке первую общественную библиотеку для беспризорных детей и молодежи. Выступая в 2017 г. на мероприятии, посвященном ее десятилетию, Мбикусита-Леваника отметила успехи просветительской деятельности сотрудников библиотеки и говорила о необходимости создания сети подобных библиотек по всей стране: «Взрослые должны вместе помочь беспризорным детям» [5].

Обширный опыт и знания в сфере образования, а также авторитет этой африканки стали основой того, что в 2010 г. ей предложили стать канцлером частного женского университета, который находится в Марондере (в 80 км от столицы Зимбабве г. Хараре) [15]. Университет создан в 2002 г., имеет филиалы в Анголе, Кении, Мали, ЮАР, Намибии и Свазиленде. Этот вуз направлен на решение проблемы гендерного неравенства и поощрение равенства в доступе женщин к высшему образованию. В этом вузе женщины получают знания и навыки в областях, имеющих для них жизненно важное значение. Специфика университета состоит в том, что женщины получают здесь образование по гибкому графику, и это позволяет им совмещать учебу с воспитанием детей. Мбикусита-Леваника заботится и об интересах Замбии: там намечено открытие студенческого кампуса университета. За годы работы канцлером университета ей удалось наладить его сотрудничество с другими вузами африканских стран и различными организациями как на континенте, так и в мире. Собрана достойная библиотека университета, в том числе за счет пожертвований.

Общественную деятельность И. Мбикусита-Леваника часто освещали местные СМИ, она пользовалась уважением властей. Когда в феврале 2012 г. умерла ее мать Намайя Леваника, тогдашний президент страны Майкл Сата официально выразил ей соболезнования [11].

Деятельность Мбикусита-Леваника отмечена многими наградами, в том числе ЮНИСЕФ за выдающиеся заслуги в деле защиты детей (1990 г.), премией Говардского университета (США) «Африканская женщина Десятилетия» (2006 г.), наградой Нью-Йоркского университета за постоянные усилия по информированию международной общественности по вопросам развития Замбии и Африки (2009 г.). Она является почетным доктором юридических наук ее альма-матер Калифорнийского государственного университета (2009 г.).

В браке с ныне покойным Кабукой Ньирендой (государственный деятель и сотрудник дипломатического корпуса Замбии) у Мбикусита-Леваника родились две дочери. Одна из них, Мвакаваза Ньиренда Твагирайсу (1968 г. рождения), получив юридическое образование в Великобритании, стала евангелическим проповедником и, переехав с супругом-руандийцем Дариусом Твагирайсу в США, основала церковь Fresh Aroma Ministries. Теперь ее называют пророчицей Мвака. Последние годы они приезжают с проповедями в Замбию и другие африканские страны.

И. Мбикусита-Леваника также принадлежит к евангелической церкви и считает любовь к богу главным в жизни человека. Во многом в повседневной жизни она практикует то, что проповедует ее дочь Мвакаваза. Та восхищается матерью, называя ее очень мужественной и патриотом Замбии: «...всюду, где она служила, она отдавала делу все силы, стараясь делать все возможное» [3]. И. Мбикусита-Леваника счастливая бабушка – у нее восемь внуков.

Она принадлежит к числу тех африканок-послов и африканок-политиков, которые хорошо разбираются в тонкостях габитарного имиджа, который в имидже политика и дипломата играет, безусловно, значительную роль. На государственных приемах и светских раутах в годы дипломатической работы она часто появлялась в национальной одежде своей страны. По-видимому, она понимает, что такую одежду как часть национальной культуры можно рассматривать как дополнительный элемент коммуникации, который способствует идентификации и положительному восприятию народа.

Еще несколько значимых штрихов к портрету нашей героини – она внимательно следит за событиями в мире, много читает, путешествует и очень коммуникабельна.

Жизнь И. Мбикусита-Леваника – это история постоянной и активной работы, самоотверженности, настойчивости, выносливости, успешной карьеры, которые могут послужить примером для ее соотечественниц и африканок других стран. Она продолжает быть активистом в продвижении женского лидерства в Замбии, выступает с лекциями, в которых открыто говорит об объективных и субъективных препятствиях на пути гендерного равноправия в политике. Накануне всеобщих выборов в 2016 г. Мбикусита-Леваника выступила с критикой принятых завышенных требований к кандидатам в депутаты парламента (имеется в виду уровень их образования), считая это серьезной преградой для женщин на пути баллотирования. Африканка справедливо отмечает, что работа женщин в органах власти затруднена из-за роли, которые они традиционно играют в обществе. Женщина (одновременно мать и жена), выдвигающая свою кандидатуру в депутаты парламента, но которую не поддерживает в этом муж, сталкивается с серьезными, иногда непреодолимыми трудностями: «Когда у вас есть маленькие дети, вы должны спешить домой, пока ваши коллеги-мужчины продолжают вести дискуссии в барах или в палатах парламента» [6]. Ее гражданская позиция и сейчас остается смелой и твердой. В августе 2017 г., выступая на частной радиостанции Radio Phoenix, она выступила с критикой правительства президента Эдгара Лунгу (партия «Патриотический фронт») за ограничение свободы слова и избирательную продажу земель по заниженным ценам. Она заявила, что «...удушающая свобода слова может заставить граждан использовать незаконные средства для самовыражения» [2].

Судьба и карьера Инонге Мбикусита-Леваника скорее в числе исключений, а не правил для Замбии. Но именно на преодоление сложившейся ситуации и направлена ее активная многолетняя деятельность.

Литература

1. *Прокопенко Л.Я.* Новые политические элиты в государствах Юга Африки. – М.: Институт Африки РАН, 2011.
2. Allow Zambians to freely express themselves – Dr Inonge Mbikusita Lewanika. – URL: <https://www.lusakatimes.com/2017/08/15/allow-zambians-freely-express-dr-inonge-mbikusita-lewanika>
3. *Chisha C.* *Mwakawaza: Woman of faith.* – URL: <https://www.daily-mail.co.zm/mwakawaza-woman-of-faith>
4. *Cromwell T.* Zambia: “Zambians love to vote”. – URL: http://www.diplomatictraffic.com/highlights_archives.asp?ID=166
5. Fountain of Hope (2007–2017). URL: <https://www.lubuto.org/fountain-of-hope>
6. *Gumisai Mutume.* African women are ready to lead. – URL: <http://www.un.org/africarenewal/magazine/july-2006/african-women-are-ready-lead>
7. Heavily Indebted Poor Countries. – URL: <http://www.imf.org/external/np/exr/facts/hipc.html&prev=/search%253Fq%253Dzambia>
8. Inonge Mbikusita-Lewanika. – URL: <https://www2.calstate.edu/impact-of-the-csu/alumni/Honorary-Degrees/Pages/Inonge-Mbikusita-Lewanika.aspx>
9. Lozi (Barotseland). Genealogy. – URL: <http://www.royalark.net/Zambia/lozi4.htm>
10. *Nitschke L.* Aid for Girls Going Beyond Schoolhouse. – URL: <https://womensenews.org/2003/10/aid-girls-going-beyond-schoolhouse>
11. President Sata mourns mother to Inonge and Akashambatwa. URL: <https://www.lusakatimes.com/2012/02/29/president-sata-mourns-mother-inonge-akashambatwa>
12. Presidential Election 2001 – Provisional Results. – URL: http://www.elections.org.zm/media/presidential_results_2001.pdf
13. Press Briefing by Federation of African Women’ Peace Network, Sponsored by UNIFEM. – URL: <http://www.un.org/press/en/1998/19980306.UNIFEM2.html>
14. Rupiah asks for campaign funds from Zambian diplomats. – URL: http://www.postzambia.com/post-read_article.php?articleId=19819
15. *Siwawa S.* From ambassador to university chancellor. – URL: <https://www.daily-mail.co.zm/ambassador-university-chancellor>

16. Zambia: Diplomatic Spouses Feed Needy in Belgium. –
URL: <http://www.allafrica.com/stories/201103100324.html>
17. URL: https://www.facebook.com/pg/Her-Excellency-Dr-Inonge-Lewanika-Mbikusita-489285041086135/posts/?ref=page_internal
18. URL: <http://www.washingtonlife.com/issues/may-2007/power-diplomats>

*А.Д. Саватеев,
Л.В. Грекова*

ДЖИХАД ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ? (АНТИБРИТАНСКОЕ ВОССТАНИЕ ДЕРВИШЕЙ В СОМАЛИ)

Введение

Сомалийский поэт, создавший и возглавивший исламское движение за национальную независимость своей страны, Саид Мухаммад бин Абдулла Хасан остается общепризнанным выдающимся деятелем, героем-объединителем Сомали, несмотря на распад сомалийского государства в последние три десятилетия. В сложнейших условиях этнической разобщенности и религиозных различий местных племен, кланов и подкланов, своекорыстия и заносчивости их верхушки, он, провозгласив себя пророком, призвал народ к объединению на исламской духовно-религиозной основе. Борьба с эгоизмом аристократии ряда племен дополнилась сопротивлением европейским захватам, которое приобрело межцивилизационный, национальный характер. Его дела, борьба и поэзия и ныне символизируют национальную гордость и единство и вдохновляют на будущее восстановление разрушенной страны и раздробленного общества.

В Восточной Африке ислам не дал таких ярких массовых движений, как в Западной и Северной Африке. Исключение – джихад под духовно-религиозным и военно-политическим руководством Саида Мухаммада бин Абдаллаха Хасана. По целям, интенсивности, упорству участников

это движение сопоставимо с движением суданского Махди – Мухаммада Ахмеда.

Мухаммад Абдаллах Хасан близок предводителю суданского движения масштабами и цельностью личности, целеустремленностью, талантом политическим и дипломатическим, поэтическим даром, мощью рационального анализа, естественно соединявшегося с религиозным проникновением в суть событий, интуицией истинного пророка. При этом поднять народ на массовую борьбу за веру и национальную независимость в условиях Сомали с ее племенной и клановой разобщенностью, постоянным соперничеством, нередко переходящим в столкновения по разным поводам, было, пожалуй, задачей не менее сложной, чем объединение народов Судана. Вторая особенность «движения дервишей», как нередко его именуют в публицистической и научной литературе, определяется тем фактом, что оно практически с момента зарождения приобрело антизападный, антиколониальный характер. Война с европейскими захватчиками, обладавшими неизмеримо большими военно-техническими возможностями, поставила Мухаммада Абдаллаха Хасана перед жесткой необходимостью не допускать просчетов, действовать наверняка перед лицом заведомо превосходящего противника. Третья характерная черта – неразрывное сопряжение религиозных и военно-политических целей и методов их достижения.

Сомали: страна, народ, обычаи

Сомали (рис. 1) населена практически одним народом – сомали, говорящим на одном языке. Этот факт, казалось бы, дает основание говорить о национальном единстве и взаимопонимании в сомалийском обществе. Но что представляли собой в религиозном смысле сомалийцы тех лет, когда к ним в последние годы XIX в. обратился с проповедью ставший

потом легендарным в этой стране и Африке Мухаммад Абдаллах Хасан?

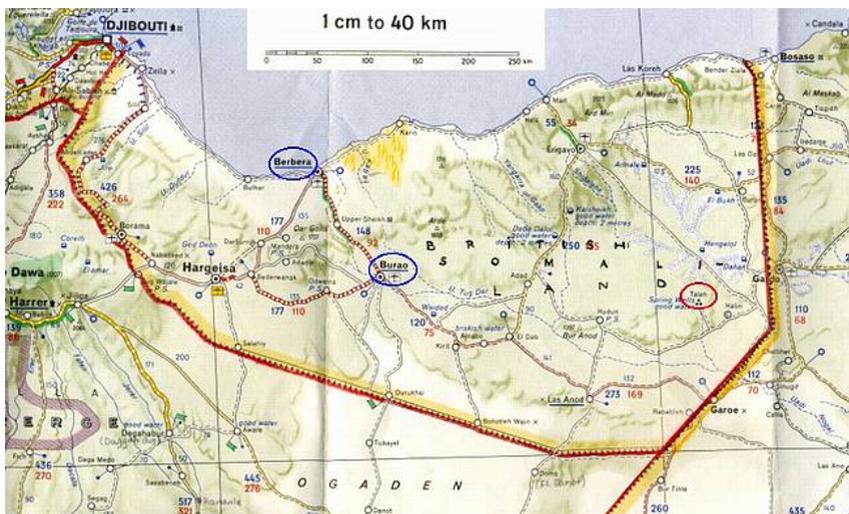

Рис. 1. Карта Сомали

Определенный ответ можно найти в записках русских путешественников, оказавшихся в Сомали на рубеже XIX–XX вв. «По религии они считают себя магометанами, некоторые побывали в Мекке, в знак чего украшают себя особыми повязками на голове. <...> Вообще же сомалийцы – плохие поклонники ислама: намаза не совершают, многие не прочь отведать ветчины или жареного кабанчика, правда, секретно от других. Ненависть к абиссинцам вызвана всего менее религиозной нетерпимостью. <...> Нередко сомалийцы и между собой ведут кровавые распри. Так, *исса* ненавидит *габерауль* и наоборот» [1, с. 96]. «Сомалийские племена сильно враждуют между собой. Сомали никогда не будет спать спокойно возле абиссинца и наоборот» [1, с. 99] – таковы оценки сомалийцев, сделанные русскими врачами Л. Перфильевым и К. Кречунеско во время проезда через территорию Сомали в Эфиопию в конце 1890-х гг. Не отли-

чаются характеристиками в адрес этого народа и британские подданные (период тот же самый): «Все сомали», – пишет в своих заметках британский капитан Ф.Б. Пирс, – «разделяются на кланы, затем на подкланы и т.д., которые постоянно враждуют между собой. Но не стоит думать, что во время этих войн происходит что-либо серьезное...». «Ошибочно мнение о том, что *мидган*, *йибир* и *томал* – ветви одного клана», – это уже другой англичанин, Кирк Джон. – «На самом деле они сильно отличаются друг от друга... *Йибир*, называя себя мусульманами, строго соблюдают религиозные запреты... *мидган* же, будучи также мусульманами, могут употреблять в пищу мясо животного, убитого не по мусульманским правилам, и могут прикасаться к нечистым животным, таким как собаки и свиньи» [1, с. 97, 100].

Вот что пишет полковник британской армии Свейн о возможностях сомалийцев в условиях военных походов: «Они могли хорошо маршировать и, будучи привыкшими к межплеменным стычкам, быстро приспособивались к нашей тактике. Они умеют заботиться и нагружать транспортных животных, могут жить на одном мясе и легко могут пройти два дня, держась только на воде, которую сами несут» [1, с. 108].

К этой характеристике сомалийцев весьма близко их описание, которое сделал другой английский офицер Мак Нейл: «Сомалийцы, несомненно, отличные ходоки, и их способность проходить огромные расстояния без воды и с небольшим количеством пищи – отличительна, и я уверен, что никто другой, кроме сомали, не сможет повторить то, что делали наши рекруты, больше одного раза. Они хороши как в холмистой местности, так и на равнине. Единственное, в чем сомалийцы значительно уступают индийским кули, так это в способности переносить грузы.

Как солдаты они – прекрасные ходоки, которые могут обходиться небольшим количеством транспорта и способны долго переносить усталость. Сомалиец смел, жизнерадостен

и легко следует за любым сахибом, к которому он испытывает расположение. Он уважает белых и послушен им. У него хороший характер, его легко развеселить и поддерживать в хорошем расположении духа.

Он также честен до тех пор, пока это соответствует его представлению о честности. ...Любого верблюда, который не принадлежит ему, сомалиец рассматривает как потенциальную добычу. Он считает, что если сможет украсть верблюда, не будучи уличенным, он поступит правильно. Верблюды – это его фетиш, его бог, получить их – главная цель в жизни сомалийца.

Главный недостаток сомалийцев – их необузданное тщеславие, жадность и непомерная возбудимость. Самый серьезный недостаток сомалийцев с военной точки зрения – это их непомерная возбудимость. Во время боя у Фирдиддин многие сомалийцы просто сходили с ума от возбуждения и стреляли в воздух – ничто не могло заставить их подчиняться приказам. Вместе с тем сомалийцы очень быстро обучаются и хорошо проявляют себя во время учения. ...Как солдат регулярной службы, хорошо одетый, безупречно вымуштрованный и готовый к выполнению рутинной работы, сомалиец, по моему мнению, не подходит. Однако как солдата нерегулярной службы, сидящего верхом на верблюде или на пони в роли разведчика, наблюдателя и нападающего, сомалийца можно назвать лучшим нерегулярным солдатом в мире» [1, с. 108–109].

На фоне этого, раздираемого постоянной межплеменной и межклановой борьбой общества, которое с трудом можно было отнести к исламскому, появляется фигура, которая своим вдохновенным поэтическим словом и религиозно-политическими наставлениями, обращением к чести, совести и долгу, сумела объединить большую часть сомалийцев, поднять их на борьбу не только за веру, но и против гораздо более могучего врага — европейских колонизаторов. Воодушевив их на борьбу, не имея при этом каких-либо серьез-

ных материальных аргументов, способных подкупить или хотя бы стимулировать (подберем такое слово для характеристики привыкших к вольнице кочевников) соплеменников. Восстание Мухаммада Абдаллаха Хасана против английских и итальянских колонизаторов, вспыхнувшее в начале XX в., стало одной из наиболее ярких страниц в истории движений пророческого характера в Африке южнее Сахары. На протяжении 20 лет (1899-1920 гг.) оно потрясло Африканский Рог, заставляло европейское общество негодовать по поводу действий «ужасных сомали» или восхищаться их упорным сопротивлением.

Исламский пророк Саид Мухаммад Абдаллах Хасан: поэт или воин? или строитель цивилизации?

Саид Мухаммад Абдаллах Хасан, по общему признанию, включая его европейских смертельных недругов, был в высшей степени незаурядной личностью. И англичане, и итальянцы, и лидеры враждовавших с ним тарикатов и племен отдавали должное его выдающимся политическим качествам, талантам военачальника, высоко оценивая способности дипломата, считали – не без оснований – блестящим поэтом [19, р. 3–4] и прозаиком, незаурядным мыслителем. Однако все эти высокие качества, по нашему мнению, вытекали прежде всего из необычайно развитого религиозного чувства и понимания себя в этом мире как призванного свершить высокий духовно-религиозный долг. Именно глубочайшая вера, непримиримость к любым отклонениям от исламских религиозных, а значит, и социальных, моральных, политических норм и ценностей определяли его жизненные цели, пристрастия, политические и другие деяния, наконец, смысл бытия. И то прозвище, которое ему якобы дали англичане за исключительное упорство сопротивления, стиль ураганных, внезапных нападений – «бешеный мулла» (не исключено, что это дело пера ловких репортеров, вбросивших эпатажное

словечко, а может быть, и ученых, тоже поражавшихся его энергией сопротивления), тем не менее, справедливо характеризует этого одаренного духовно-религиозного лидера. Однако это крупнейшее движение религиозного и антиколониального сопротивления в Восточной Африке, оставившее неизгладимый след в истории как Сомали, так и африканского континента в целом, еще не получило должного освещения в исторической литературе.

О нём писали в первую очередь непосредственные участники его подавления, а также ученые – современники событий: Мак Нейл, Дженнингс и Эдисон, Джардин, А. Гамильтон – итальянцы и британцы. В работах большинства английских авторов антиколониальное движение в Сомали обычно приобретало негативный характер, поскольку защита британской колониальной политики лежала в основе их взглядов. В 1964 г. египтянин Абди Сабур Марзук опубликовал книгу о восстании в Сомали, написанную на основе материалов, предоставленных родственниками Мухаммада Абдаллаха [2]. Не остались незамеченными в иностранной африканистике монографические исследования Д. Аббинка, Г. Николози, Р.Л. Хесса, которые практически неизвестны в отечественной научной среде.

Некоторые сведения о восстании Мухаммада Абдиле Хассана содержатся в книге В.П. Городнова и А.В. Никифорова [3], участников советско-сомалийской научной экспедиции 1971 г. в Сомали, а также в статье В.П. Городнова, опубликованной в «Ученых записках» той же экспедиции [4]. Но из российских ученых наибольший вклад в исследование мало изученной истории начального этапа движения Мухаммада Абдаллаха Хасана внес известный российский африканист А.М. Хазанов [5; 6; 7]. В своей работе [7], посвященной этим событиям, он опирается на впервые вводимые в научный оборот документы британского Форин офиса (Foreign Office), переснятые в свое время проф. Г.Л. Бондаревским в Нацио-

нальном Архиве Индии и хранящиеся ныне в архиве внешней политики России.

Мухаммад Абдаллах¹ родился, судя по устным свидетельствам (а других и не было), в 1856 или 1857 г. [4, с. 22; 6, с. 30]² в семье бедного кочевника в оазисе Самлегхо, примерно в 170 милях от прибрежного города Берберы. Его семья принадлежала к одному из огаденских племен под названием *хабр сулейман*. Мальчиком служил у одного англичанина в Бербере и, возможно, уже тогда белый господин посеял зерна ненависти к завоевателям в его сердце. Вместе с тем современник Мухаммада англичанин А. Гамильтон подвергает критике это предположение: «Не подлежит сомнению, что когда этот незаурядный человек, будучи юношей, сидел в ногах у Мухаммада Салиха³, у него и в мыслях не было планировать изгнание неверных из Сомалиленда... До 1896 г. он был обычным учеником, слушавшим проповеди старцев... Сомнительно, чтобы он чувствовал какой-либо “призыв”, и несомненно, что до его первого паломничества в Мекку ничто не предвещало в его поведении столь яростный ответ на требования веры» [8].

Мухаммад Абдаллах получил традиционное религиозное образование. Уже в юношеские годы его отличали необычное религиозное рвение и склонность к аскетизму. Не удовлетворяясь полученным кораническим образованием, в котором он чрезвычайно преуспел, Мухаммад стремится пе-

---

¹ В литературе можно найти несколько вариантов написания его имени, обычно в сомалийском произношении: Махаммед Абдилле Хасан, Махамед Абдулле Хассан и т.д. Здесь будет использоваться форма написания, приближенная к арабской.

² Эту дату рождения приводит, в частности, В.П. Городнов, опираясь на свидетельства сомалийских историков и устные сообщения сомалийцев [4]; А.М. Хазанов, в свою очередь, настаивает на дате «около 1860 г.» [7]. Зарубежные исследователи, как правило, указывают 1956-й г.

³ Мекканский шейх, основатель духовно-религиозного тариката Салихийя.

рента знания у религиозных наставников, в поисках которых он много путешествовал: бывал в Хараре, Могадишо и, как утверждают отдельные источники, в Судане. Вполне вероятно, что именно тот духовно-религиозный подъем, который он мог наблюдать в соседней стране, изменил его сознание, подтолкнув его к пророчеству.

Позже, в 1894 г., Мухаммад Абдаллах Хасан совершил хадж в Мекку, где освоил психотехническую практику тариката *Салихийя*, основанного Мухаммадом Салихом. «Однако это путешествие в Мекку произвело странную перемену в характере и темпераменте этого человека. Учение Мухаммада Салиха затронуло его душу и мулла вернулся в свою страну с намерением возродить религиозный дух народа» [8, р. 48–49], такой вывод делает А. Гамильтон.

В Сомали Мухаммад, которому было уже под сорок (напомним, что суданский махди Мухаммад Ахмед в этом возрасте уже сокрушал все религиозные авторитеты и своих британских недругов), начал проповедовать духовный метод *Рашидийя* – *Салихийя* своим землякам [9, р. 500–501], поскольку ему был вручен *вирд* этого направления. И, как пишет тот же А. Гамильтон, «чем теснее он идентифицировал себя с учением своего учителя, тем больше приобретал репутацию и влияние святого человека. Будучи “хаджи” по причине своего паломничества в Мекку, он разъяснял законы и Коран с огромной убежденностью и бесстрашным неуважением к интересам могущественной державы» [8, р. 49].

В своих проповедях Мухаммад Абдаллах пошел значительно дальше своего учителя. Его деятельность в Сомали с самого начала вышла за пределы религиозной, приобретая всеобъемлющий, системный характер. Слабое знание исламских законов, истории, культуры, которые демонстрировали местные религиозные авторитеты, расхождение между проповедуемым и реальностью, несправедливость в обществе, мздоимство – все это становилось предметом его обращений к верующим. Это вызывало раздражение шейхов наиболее

влиятельного в стране тариката *Кадирийа*, усмотревших (и не без оснований) в ней посягательство на свои духовно-религиозные позиции.

Подозрения зародились и у британских колониальных властей, которые контролировали западную часть побережья Сомали. Естественным образом политическое значение проповеднической деятельности шейха выдвинулось на первый план. Скоро его стали именовать уважительно – мулла, так называют исламского учителя, но с особым пиететом, что точнее передается понятием «вероучитель».

Тем временем религиозная миссия Мухаммада Абдаллаха, который неукоснительно следовал своему духовному предназначению распространителя веры, приносила свои плоды: люди стали видеть в нем искреннего борца за соблюдением закона шариата, бескорыстного и последовательного приверженца принципов справедливости. Страстный проповедник и вдохновенный поэт, он начал быстро наращивать влияние среди сомалийских племен, стремясь объединить их, невзирая на племенные и клановые различия, раздиравшие сомалийцев. Создавая новые альянсы, заключая договоры, он использовал традиционные этнические и брачные связи. Так, он женился на девушке из племени *алигери*, входившего в состав племен *дольбаханта*. Это племя первым стало на сторону муллы, затем к ним присоединились еще два – также огаденских племени – *рер ибрахим* и *ба хавадле*. Затем последовали еще три брака, а кроме того, он брал в наложницы девушек из других племен. Все это помогало укрепить связи с племенами и кланами, которые даже в сомалийском контексте выделялись своенравием.

Понимая, какую опасность таит в себе племенной сепаратизм, он стремился сломать родоплеменные связи и традиции, способствовать детрибализации сомалийцев. «Разве я не расстилаю свой молитвенный коврик на полу, чтобы молиться вместе с другими мусульманами, хотя они и не приходятся мне родными братьями?» – спрашивает он в одном из сво-

их *гэбэев*⁴. Мухаммад Абдаллах требовал и запрещал в дальнейшем повстанцам именовать себя по названиям своих племен и иметь какие-либо внешние отличия, свидетельствующие об их племенной принадлежности.

Мухаммад Абдаллах боролся против традиционного обычного права сомалийских племен, стремясь, по выражению авторитетного британского африканиста А. Льюиса, «заменить традиционную клановую лояльность преданностью своему делу» [10, р. 25]. Что имел в виду британский африканист-исламовед? Он подразумевал строгое соблюдение всех предписаний ислама, к которому взывал лидер движения и которое создавало единую систему представлений и смыслов, отменявших племенные религиозные различия, сосредоточивал внимание на строгом соблюдении заповедей религиозных: морального, поведенческого, политического и, можно сказать, светского порядка. Виновным в их нарушении грозила смертная казнь.

Постепенно его религиозное влияние распространилось от границ с Эфиопией на западе до границ итальянского Сомали на востоке. Местные племена стали считать его самым авторитетным судьей в своих межплеменных спорах, поскольку он, благодаря своим общепризнанным познаниям в области шариата и мусульманского права, личному благочестию, сумел подняться над соперничающими кланами, и поэтому объявленный им запрет на грабительские рейды племен друг против друга был воспринят с известным пониманием.

В августе 1899 г. он собрал своих сторонников в Бурао и, провозгласив себя «махди», объявил джихад против неверных и призвал мусульман к единству, чтобы покончить с

---

⁴ Гэбей – одна из трех и оригинальных форм стиха в языке сомали, которой придавал особое внимание лидер джихада. Как правило, включает от 30 до 150 строк; стала важным средством политической пропаганды [19, р. 47–48].

клановым разделением сомалийцев. Мухаммад Абдулла Хасан назвал себя аль-Хашими⁵, а своих последователей – дервишами [30, с. 155], придавая этому персидско-турецкому термину смысл добровольной бедности и принадлежности к единому мистическому братству во главе с наставником-шейхом [31, с. 56].

В то время населенные сомалийцами регионы были оккупированы и разделены на зоны под британским, эфиопским, французским и итальянским правлением. Призыв Мухаммада Абдуллы Хасана к джихаду первоначально был направлен против Эфиопии, которая занимала районы Огаден и Хауд, но в конечном итоге призыв к дервишам распространялся на британцев, итальянцев, а самое главное, – на кланы, которые находились под защитой колониальных властей. Последнее противоречило первоначальному стремлению Мухаммада Абдуллы преодолеть разногласия между кланами в пользу мусульманского братства, сообщает итальянская исследовательница А. Урбано [29, р. 9]. Однако к тому времени он, очевидно, уже имел основания убедиться в продажности пробританской верхушки отдельных племен. Таким образом, предстоящий джихад дервишей только внешне противоречил ее объединительной задаче.

Во главе полутора тысяч последователей он двинулся на юг, чтобы собрать под свои знамена кочевые племена в районе небольшого городка Одвейн. Первым плацдармом, с которого мулла начал военные действия, была земля племен *исаак*.

---

⁵ Хашими (хашимиты) – представители одного из влиятельных мекканских кланов, из которого происходил пророк Мухаммад. Тем самым Мухаммад Абдаллах подчеркнул свою религиозную связь с самим пророком Мухаммадом и поднял свой авторитет на невероятно высокий уровень.

Начало борьбы за веру

В Россию первые сведения о восстании Мухаммада Абдаллаха поступили уже осенью 1899 г. Несколько донесений дипломатического представителя в Аддис-Абебе П.М. Власова министру иностранных дел М.Н. Муравьеву позволяют достаточно полно представить причины, ход восстания и отношение к нему европейских государств. Вот что он пишет в донесении от 12 октября 1899 г.: «Движение среди сомалийцев английского протектората возникло, как выясняется ныне, еще около 1,5 года тому назад, и распространению оно не могли помешать англичане, хотя им было известно это и они употребляли все усилия остановить такое с помощью преданных им сомалийских *абан* (начальников). Сказанное движение имеет религиозный характер, хотя главной задачей и целью такового является борьба против европейцев вообще, занявших их земли, сомалийцев, и распоряджающихся оными по своему усмотрению, и отсюда попытки избавиться от них. Движение охватывает всю полосу Сомалийского побережья и весь Угаден⁶, всякие торговые сношения с Берберой прекратились, прокламации шейха Абдуллы появились уже среди сомалийцев Французского протектората и достигают итальянской колонии Бенадира, равно среди сомалийцев, входящих в сферу влияния Эфиопии, и среди данакилей; они призывают их всех, как мусульман, подняться против христиан и, соединившись вместе для действий, дать последний решительный отпор, почему это движение внушает тревогу не одним англичанам, но и французам и итальянцам, равно и абиссинцам».

В самом начале восстание муллы не вызвало сколько-нибудь серьезных опасений у английских колониальных вла-

---

⁶ В современной орфографии – *Огаден*, область на востоке Эфиопии, на которой живут сомалийцы и которая неоднократно становилась предметом спора и вооруженных конфликтов между Эфиопией и Сомали.

стей. Так, генеральный консул Великобритании в Сомали Садлер в письмах к лорду Солсбери высказывал мнение, что справиться с ним можно будет при помощи небольшой военной силы: хватит 100 кавалеристов и 300 пехотинцев [12]. Однако вскоре тон писем Садлера резко изменился. Антибританское движение стало принимать столь широкие размеры, что напомнило колониальным властям о страшном для них, подавленном всего за год до этого восстании махдистов в Судане. Позже англичане горько пожалели, что слишком поздно обратили внимание на растущее влияние муллы и его проповедей.

Один из английских авторов, оправдывая действия британских захватчиков, действовавших якобы в соответствии с принципом целесообразности, писал позднее: «Ошибка состояла в том, что мы предоставили ему полную свободу выступать с проповедями, и тот факт, что он пользовался уникальным иммунитетом от всяких преследований, увеличил его влияние и добавил ему власть среди племен хинтерланда» [8, p. 49].

О характере Священной войны

Английская историография обычно рассматривает выступление муллы Мухаммада против англичан как явление случайное и неожиданное. Одни авторы, говоря о причинах восстания, выдвигают на первый план религиозные мотивы [13, с. 48], другие пытаются доказать, что восстание началось как обычная межплеменная война. Что же касается многочисленных военных экспедиций, направленных колониальными властями для подавления восстания, то это до сих пор объясняется стремлением «гуманного» английского правительства не допустить «беспорядков» и «грабежей» на территории, находящейся под его протекторатом [13, p. 49].

Все эти утверждения не соответствуют исторической действительности. На самом деле это восстание было ре-

акцией сомалийского народа на колониальное завоевание страны и являлось для сомалийцев единственно возможным в тех условиях радикальным средством самообороны и сохранения независимости. Религиозная форма борьбы наполнялась совершенно определенным социально-политическим содержанием. Характерно, например, что, по свидетельству современников, «неверными» повстанцы называли не только европейцев, но и помогавших им сомалийцев, что придавало этому термину не столько религиозное, сколько социально-политическое значение.

Хотя и с опозданием, но англичане увидели в проповеднической деятельности Мухаммада Абдаллаха реальную угрозу своему господству. Британский вице-консул попытался было войти в контакт с Мухаммадом, но этот, как называли его англичане, «безумный мулла», предпочел разговаривать с колонизаторами языком оружия. Действительно, религиозных фанатиков, особенно на Востоке, западные политики, а нередко и ученые, порой называют безумными. В чем-то они близки к истине, но лишь отчасти. На самом деле «безумие» Хасана представляло одержимость свершения пророческой идеи, возложенной на него самим Аллахом, и он до конца шел во имя ее исполнения. В рамках этой миссии он представлял себя единственным истинным последователем Пророка Мухаммада, а все остальные, как он был твердо убежден, являлись либо «неверными» (т.е. иноверцами), либо заблуждающимися. Англичане же рассматривали сопротивление «диких сомалийских племен» как иррациональное действие, результат безумия, вызванного религиозным фанатизмом и буквально «повреждением головного мозга». В противоположность этому Хасан был глубоко оскорблен тем презрением к его земле, религии и традициям своего народа, которые своими действиями и речами выражали незваные гости Сомали. Особый гнев вызывал тот факт, что сомалийцами на его родине правили немусульмане, вынуждавшие представи-

телей великой исламской цивилизации пресмыкаться перед ними.

Вот как формулирует цели и смысл борьбы с иноземцами сам лидер восстания, обращаясь к эфиопскому императору Менелику II с предложением о совместной борьбе против англичан: «Вы знаете о войне между нами и англичанами, вы знаете о причинах и результатах этой войны. Мы вынуждены были дать отпор европейцам, чтобы защитить нашу территорию; они оккупировали нашу страну и правили ею, пользовались нашими ресурсами и разрушали нашу религию. Это стало причиной конфликта и войны с нами. Мы сражались последние 9-10 лет и будем сражаться до тех пор, пока враг не отступит и не попросит перемирия... И теперь мы слышим, что Франция, Италия и Британия подписали соглашения, чтобы занять вашу страну. Если они завоюют вашу страну, то у неё уже не будет надежды. Их цель – связать нашу и вашу страны и остаться здесь, утверждая, что они такие же чёрные люди, как мы. Чем жить в мире с ними, мы предпочитаем лучше умереть на поле боя, потому что мы – это вы, и мы с вами – люди одной национальности и земли.

Подписано и запечатано. Саид Мухаммад Абдаллах Хасан» [1, с. 111–112].

Войска дервишей и их враги

Военные формирования исключали племенной принцип, но не до конца. Отряды, состоявшие из представителей клановой группы *микахил*, назывались «стрелки», *хабр гадир* – «сборные» (т.е. собранные из разных этнических групп) и т.д. [8, р. 49]. Все повстанцы носили белые тюрбаны и именовались «*дервишами*» – название, которое было призвано подчеркнуть их духовно-религиозное родство с суфийскими мистиками исламского мира и, таким образом, поднять их религиозный статус. Особенностью создаваемого государства дервишей стало приобщение женщин к военно-

му делу. Их обучали военному искусству, и некоторые из них принимали участие в сражениях в составе кавалерии дервишей [7, с. 36].

Примерно тогда же связал свою судьбу с муллой Хаджи Суди, служивший ранее переводчиком на британском военном корабле, а у Мухаммада Абдаллаха ставший правой рукой лидера движения.

В тех же воспоминаниях британского офицера имеются любопытные сведения о ближайшем сподвижнике и советнике муллы. Они позволяют составить представление прежде всего о самом вожде восстания и его решительности и бескомпромиссности: «...Он [Хаджи Суди] принадлежал к племени *адан мадоба* и однажды, когда только мулла почувствовал свою силу, на него напали воины племени *долбаханта* из клана *али гери*. Они увели около 100 верблюдов. Племя Уарсамы, посоветовавшись, отправилось в погоню за врагами. Брат Уарсамы и еще несколько человек были убиты, а воины племени *али гери* увели стадо верблюдов. В то время мулла жил на земле *долбаханта*, недалеко от того места, где жили похитители верблюдов. Уарсама отправился к нему и рассказал о происшедшем. Мулла послал за старейшинами племени *али гери* и приказал им вернуть верблюдов. Те отказались, заявляя, что верблюды были добыты в честной битве.

Однако мулла, сославшись на то, что в этом бою был убит брат Уарсамы, угрожал использовать все свое религиозное и светское влияние против них. Опасаясь конфронтации со всеми племенами, находящимися под влиянием муллы, те подчинились. Поскольку племя *али гери* владело огромными стадами овец и верблюдов, оно не только вернуло захваченных животных, но и прибавило еще 100 верблюдов в качестве компенсации за убитого брата Хаджи Суди.

Таким образом, мулла получил советника, обладавшего опытом службы в британских войсках. Хаджи Суди был руководителем многих экспедиций, а также участвовал в ан-

глийской морской экспедиции. Помимо сомали он знал английский, хинди, арабский, суахили» [1, с. 107–108].

Теперь Мухаммад Абдаллах стал использовать все средства для того, чтобы подтолкнуть племена к восстанию против британских колонизаторов. Если раньше он прибегал к убеждению и штрафам в качестве наказаний для тех, кто отклонял его предложения, то теперь он стал применять более радикальные и жесткие средства в отношении уклоняющихся и коллаборационистов. Показательно письмо генконсула Садлера маркизу Солсбери, в котором он обвиняет Мухаммада Абдаллаха в убийстве одного из вождей: «Получены сообщения, что вождь *Дольбаханта* Али Гирад предательски убит по приказу муллы. Причиной этого стало то, что Гирад, который всегда хорошо относился к нам, отказался присоединиться к мулле и, вопреки его приказам, отправил караван с письмами в Берберу и написал султану Юсуфу Али из Миджертайн, прося о помощи. Несомненно, другая причина состоит в том, что мулла должен держать в благоговейном страхе всех *дольбаханта*» [1, с. 107–108].

Рассказы о «жестокости» муллы можно найти и в воспоминаниях обычных английских офицеров: «Многие сомалийцы, служившие в нашем отряде, потеряли всю собственность – все отобрал мулла. Их дети и жены были либо убиты, либо замучены страшным образом, и большинство мужчин ожидала та же участь, если они попадут в руки муллы.

...Мухаммад Абдуллах сам и его подчиненные – султан Нур, бывший вождь племени *Хабр Йунис* и Хаджи Суду, его главный советник, наблюдали битву с южных холмов... Мулла, по-видимому, громко ругал своих воинов за вчерашнее поражение и продолжал угрожать им страшным наказанием, если то же повторится и сейчас. Он, по-видимому, поднимал их религиозный энтузиазм рассказами о превращении пуль в воду, а их жадность – рассказами о том, что внутри нашего расположения они найдут мертвое тело полковника Свэйна, набитое слитками золота» [1, с. 107]. Подобные представле-

ния со всей очевидностью свидетельствуют о дремучести знаний английских офицеров о том народе, которым они вознамерились править, не спрашивая согласия у слабых туземцев.

В борьбе с колонизаторами Мухаммад Абдаллах сумел сплотить в единый боевой союз различные сомалийские племена и пробудить в сомалийцах чувство национальной гордости. Об этом свидетельствует письмо одного из представителей британской колониальной администрации Джеролимато от 27 марта 1900 г., где сообщается, что среди убитых и раненых последователей муллы обнаружено большое число галла, харарцев и гадабурси⁷, населявших не только Сомали, но и Огаден.

Межцивилизационная война глазами русской дипломатии

В Россию первые сведения о восстании Муллы поступили уже осенью 1899 г. Дипломатический представитель в Аддис-Абебе П.М. Власов направил 12 октября 1899 г. очередное донесение министру иностранных дел М.Н. Муравьеву. В нем говорилось, что сомалийцы английского протектората под начальством Шейха Абдаллаха собрались в количестве до 3 тысяч человек вооруженных воинов, из коих более половины конные, и начали серьезно угрожать захватом порта Бербера. Порт служил центром управления всего сомалийского побережья и местом пребывания главного английского политического резидента полковника Садлера, который и поспешил вызвать дополнительные силы для охраны порта. Одновременно Садлер обратился к шейху Абдаллаху с предложением встретиться с ним для переговоров и выяснения причин недовольства сомалийцев. Но шейх, узнав о прибы-

---

⁷ Этнические группы Эфиопии и Сомали.

тии английских военных, решительно уклонился от свидания и быстро скрылся в пустыне.

Таким образом, донесение дипломатического представителя России в Аддис-Абебе П.М. Власова еще раз подтверждало, что движение под водительством Мухаммада Абдаллаха имеет религиозный характер, что оно приобрело массовый характер. В нем невольно отразился тот протест, который мусульманский лидер и его народ оказали в форме вооруженного сопротивления английским захватчикам.

Особенно большого внимания заслуживает следующий абзац из донесения Власова, в котором содержится убедительное объяснение последующих, казалось бы, непоследовательных и нелогичных действий эфиопского императора Менелика II: «Полагая вначале, что сказанное движение построено англичанами и направлено специально против него с враждебными целями, император Менелик в июне месяце снарядил военную экспедицию в Угаден, но таковая не имела успеха вследствие отсутствия воды и продовольствия, равно знойного климата, который с трудом выносят эфиопы.

Убедившись же в том, что движение это направлено также против Англии, он поспешил отозвать экспедиционный отряд и предписал харарским властям вступить с сомалийскими начальниками в дружественные переговоры, успокоить их и поставить им на вид, что если они, со своей стороны, будут придерживаться спокойного и дружественного образа действий к эфиопам, то он не станет стеснять их свободы действий и препятствовать им сводить свои счета с европейцами [1, с. 104–105].

В донесении от 30 октября 1899 г. П.М. Власов дополняет и уточняет сведения о характере и особенностях движения под руководством «нового Махди», как он назвал Мухаммада Абдаллаха: «Полученные здесь дальнейшие сведения о движении в сомалийских землях английского протектората сводятся к нижеследующему: уроженец Угадена арабский шейх Могамед Бен-Абдуллах после возвращения своего

из Мекки, куда он ездил на поклонение, объявил себя новым Махди, и престиж его среди арабов начал быстро возрастать. Собрав до 2000 вооруженных воинов, он во главе их помышлял напасть на английский (!) порт Берберу, но, встретив поблизости одного сильное сопротивление со стороны дружественных англичанам племен *Габара-уалей* и в кровопролитной стычке с ними потеряв несколько человек убитыми и ранеными, приостановил дальнейшее движение; узнав же о высадке в Бербере английских войск, он поспешил отступить в сторону Угадена, где с успехом организует новые силы. Влияние шейха Могамеда Бен-Абдуллахи начинает быстро распространяться среди некоторых сомалийских колен, ближайших к Угадену. Находившиеся ранее на службе у англичан старшины племени *Дулбанта* были уволены по подозрению в соумышленных действиях со сказанным шейхом и его племенем, с которыми ранее они были в союзе и ныне составляют новый контингент приверженцев шейха» [1, с. 105–106].

В этом донесении все сообщаемые П.М. Власовым сведения в основном представляются достоверными, за исключением следующих: Мухаммад бин Абдаллах был не «арабским», а сомалийским шейхом, а следовательно, и речь в данном случае идет о сомалийцах.

Российский дипломат, однако, трезво оценивал соотношение сил сомалийского религиозного движения и британских войск: «Религиозное движение, возбужденное шейхом Могаммедом, если даже к таковому и примкнула часть племен Сомалийского берега, как по недостатку боевых средств у них, так и по трудностям добиться полного и продолжительного согласия между ними и совместных действий, едва ли, по мнению моему, может окрепнуть и затянуться надолго; тем не менее таковое может причинить на некоторое время немало забот англичанам, и подход их к границам Угадена, вследствие недостатка воды и незначительности подножного корма, к тому же не всегда и не везде

необходимого, потребует значительных издержек и будет сопряжен со значительным риском» [1, с. 106].

Победы и поражения при неравных силах

В августе 1899 г. в Лондон стали поступать сведения о том, что мулла собирается атаковать Берберу. 13 августа 1899 г. резидент в Адене сообщил: «Ходят постоянные слухи о намерении муллы напасть на Берберу... В качестве меры предосторожности в случае чрезвычайного положения к Бербере подойдет военный корабль «Минто» [13, N 133, 31.08.1899].

4 сентября резидент в Адене сообщил: «Мулла со значительным числом последователей находится в двух днях пути от Берберы... Он прибыл в Бурао и попытается увеличить свое войско за счет восточных племен» [13, N 134-P]. В телеграмме от 13 сентября министр иностранных дел Великобритании сообщил вице-королю Индии: «Мулла сейчас находится в западном *Хабр Юнис* с 500 всадниками и, возможно, 1000 пехотинцами... Генконсул предлагает зайти в тыл мулле с 300 пехотинцами, 100 кавалеристами и двумя пулеметами «максим», занять Бурао и оставить там после поражения муллы на несколько месяцев гарнизон из 100 пехотинцев, 25 кавалеристов и одного «максима». Генконсул считает, что последователи муллы не устоят перед огнем пехоты» [13, N 133-P]. В конце сентября Садлер в телеграмме в Форин офис уточнил численность войск муллы: «Войска насчитывают сейчас не более 600 кавалеристов и 1500 пехотинцев... Он может проходить по 40 или 50 миль в день и находится в песчаной стране, где на больших расстояниях отсутствует вода. Я считаю, что минимальная сила, которую следует отправить в хинтерланд, – это 100 кавалеристов и батальон отборных туземных пехотинцев с двумя пулеметами в дополнение к гарнизону Берберы, который я могу поставить под командование опытных офицеров» [13, N 133-P].

Слухи о намерении муллы атаковать Берберу оказались необоснованными. Отправка «Минто» в Берберу была отложена.

Восстание сомалийцев не осталось незамеченным другими европейскими державами. В частности, Франция попыталась использовать исламское движение сомалийцев для ослабления позиций своих соперников в Восточной Африке, тем более что ситуация давала шанс хотя бы незначительно расквитаться с британскими конкурентами за унизительную уступку в фашодском кризисе 1898 г. Контрабандной доставкой оружия они сумели хотя бы немного досадить своим соперникам и одновременно купить расположение муллы. В январе 1900 г., когда уже имели место первые стычки сомалийских повстанцев с англичанами, они передали мулле большую партию ружей и боеприпасов [13]. Французы наладили снабжение повстанцев морским путем из Джибути, оружие перегружалось затем в тайных гаванях и уже оттуда направлялось приверженцам муллы. Со своей стороны Мухаммад Абдаллах не упускал возможности сыграть на противоречиях европейских держав по поводу территорий на Африканском Роге. Это помогло отрядам Мухаммада Абдаллаха вторгнуться в Огаден и нанести поражение эфиопскому отряду.

По этому поводу бригадный генерал Мэйтленд сообщил в сентябре 1901 г. из Адена: «Количество оружия и боеприпасов, ежегодно доставляемое в Джибути, очень велико... Судя по всему, Джибути стал центром широкомасштабного распространения оружия по всему Сомалиленду, Абиссинии и Аравии».

«Ясно, что это оружие не приходит непосредственно из Джибути, – писал новый генеральный консул британской короны в Бербере Кордо. – Оно перевозится на местных доу, принадлежащих и обслуживаемых сомалийцами, главным образом, *миджертейн* и *варсангели*... Один надежный информант в Джибути написал мне несколько дней назад, что два или три доу, нагруженные оружием, ежедневно отплы-

вают к шейху Саиду. Хотя там, возможно, существует много каналов, все они начинаются с Джибути и пока нет средств в заметных масштабах перекрыть этот поток оружия» [17].

К концу 1900 г. почти вся территория Британского и часть Итальянского Сомали была охвачена пламенем народного восстания (рис. 2). К Мухаммаду Абдаллаху отовсюду стекались последователи. Среди них были кочевники-скотоводы, крестьяне-земледельцы, рабы, городская беднота, торговцы различных уровней. Во главе отрядов встали мусульманские духовные лица, их поддержала часть племенной аристократии.

К началу 1901 г. войско муллы представляло собой внушительную силу. По английским оценкам, оно состояло из 5 тыс. человек, в том числе 600, вооруженных винтовками. Эти силы были разбиты на множество мобильных отрядов, действовавших с нескольких баз в восточных и юго-восточных районах протектората, а также с сомалийской территории, находившейся под итальянским и эфиопским контролем. Повстанцы применяли партизанские методы ведения войны. Их сила заключалась в быстроте и внезапности их ударов. Несмотря на необходимость держать для питания армии большие стада, дервиши легко и быстро совершали огромные переходы [13, р. 43]. По словам военного историка Мойз-Бартлетта, «армия дервишей могла делиться, двигаться и вновь концентрироваться с быстротой и неуловимостью шарика ртути» [16, р. 432].

Жесткими методами англичане стремились убедить вождей сомалийских племен в необходимости считаться с желаниями британской администрации и в смертельной для них опасности, если они выступят в союзе с муллой.

Результаты мер, предпринятых полковником Свейном, ставшим позднее главой британской колониальной администрации в Сомалиленде, не заставили себя долго ждать, о чем он и сообщил начальству в Форин Офис. Ему действительно удалось остановить наплыв огнестрельного оружия на всем

восточном побережье протектората и воспрепятствовать приращению сил муллы, а также добиться лояльности отдельных племен и кланов [17].

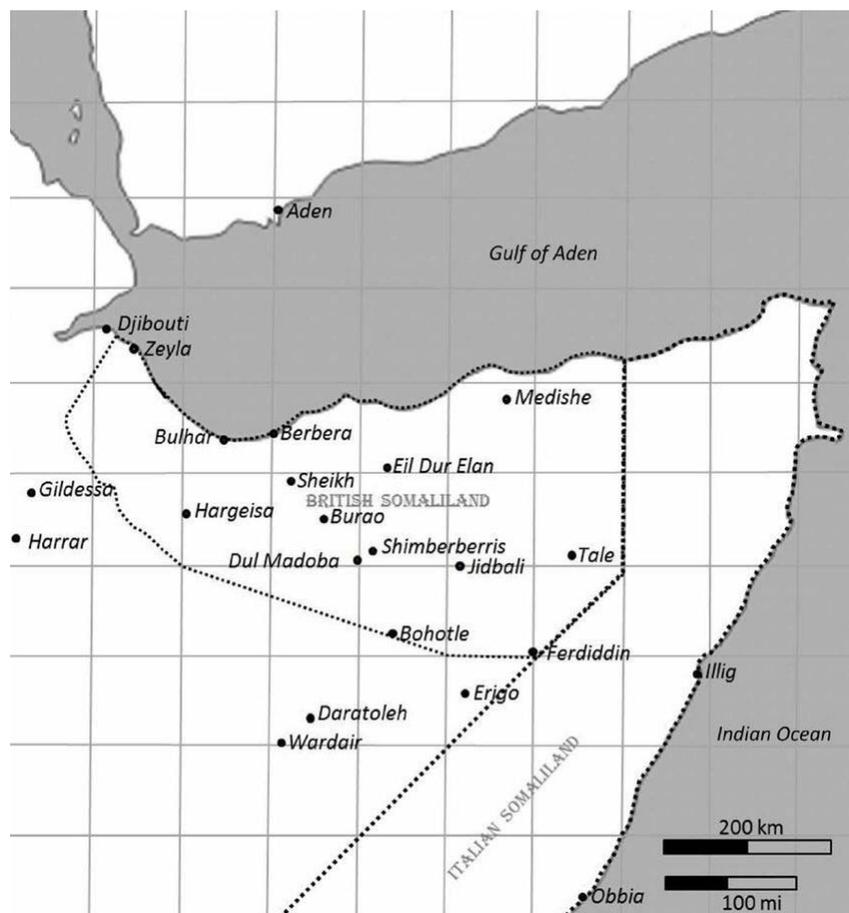

Рис. 2. Британские и итальянские территории Сомали

Англичане серьезно оценивали степень опасности, исходившую от, казалось бы, плохо вооруженного и не имевшего опыта ведения современной войны противника. И это заставляет историков отнестись к вооруженной борьбе Му-

хаммада Абдаллаха как общенародному сопротивлению завоевателям. 24 июня чиновник Форин офиса телеграфировал британским властям в Индии: «Мне поручено маркизом Лэнсдауном проинформировать Вас, что в связи со сложившейся в Сомалиленде ситуацией и возможностью неожиданного рейда муллы на Берберу или какой-либо другой прибрежный город протектората было решено послать войска из 60 сикхов и 1 британского офицера из Британской Центральной Африки в Сомалиленд. Я должен просить выслать резиденту в Адене инструкции по вопросу о содействии в транспортировке в Берберу этих сикхов и военного снаряжения, которое они с собой привезут» [17].

В 1902 г. англичане организовали вторую экспедицию против Мухаммада. Долгое время дервиши избегали встреч с главными силами противника, а затем неожиданно напали на английский отряд и разгромили его. Это произошло 6 октября 1902 г. около Эриго.

Восстание разрасталось, как лесной пожар, охватывая всё новые районы. Уже к концу 1901 г. в армии дервишей было 12 тыс. воинов, из которых 10 тыс. были всадники, но ружья имели немногим более тысячи человек. Английское правительство обратилось к итальянцам с предложением о совместной репрессивной акции против восставших. В Риме, однако, предложение было встречено без энтузиазма: правительство не имело возможности организовать дорогостоящую военную экспедицию, так как поражение в битве с эфиопскими войсками при Адуа заметно истощило государственную казну и повлияло на общественное настроение. Но в итоге итальянское правительство разрешило англичанам высадить десант в Оббии, городе, находившемся на подконтрольной Италии территории.

В декабре 1902 г. из Берберы в Оббию был переброшен почти двухтысячный отряд, состоявший из африканцев и индийцев.

В июне 1903 г. Мухаммад во главе многотысячного войска, с огромными стадами пересёк линию английских военных постов и коммуникаций в районе Бохотлеха, перерезав английскую телеграфную линию.

Известие о победоносном марше армии повстанцев к побережью вызвало беспокойство в Лондоне и привело к организации новой, более крупной экспедиции. Британские власти поняли, что имеют дело с упорным, религиозно вдохновенным противником, в борьбе с которым необходимы иные тактические приемы и большая концентрация сил.

Командующим был назначен генерал-майор Эгертон. В конце июня в Сомали были переброшены крупные контингенты войск из Индии и Адена. Избрав своей операционной базой Берберу, Эгертон сосредоточил там совсем иные, чем прежде, силы: около 6 тыс. солдат, 2800 верблюдов, вспомогательные и транспортные средства.

Дипломатия пророка

16 и 17 октября 1904 г. Мухаммад Абдаллах встретился в Иллиге с итальянским консулом на Занзибаре Дж. Песталотца. 5 марта 1905 г. между Песталотца и им было подписано соглашение, по которому долина Ногаль между Оббией и Миджуртини объявлялась итальянским протекторатом, её правителем признавался Мухаммад Абдаллах. Саид обязался прекратить военные действия против англичан и итальянцев.

Соглашение в Иллиге расценивалось в официальных итальянских публикациях как «образец дипломатического искусства» римского правительства. Вместе с тем оно было определённой уступкой повстанцам со стороны Италии. Национальный герой Сомали стал правителем большой территории. По словам американского историка Хесса, хотя религиозные послания Абдаллаха «не находили хорошего приёма вне районов проживания племени *дарод* на севере Сомали, он стал теперь символом политического восстания про-

тив иностранного господства» [23, р. 415]. Вскоре после соглашения Мухаммад установил непосредственные контакты с участниками восстания на юге Итальянского Сомали, снабжая их оружием.

В 1908 г. английское командование со своей стороны направило карательный отряд против племени *варсангели*, поддерживавшего повстанцев. Каратели сожгли их селения, захватили скот. Муххамад Абдаллах потребовал вывода британских войск с земель *варсангели*. Поскольку английское командование на это не реагировало, повстанцы возобновили партизанские рейды.

Тогда английские и итальянские колонизаторы разработали план, призванный опорочить репутацию Мухаммада Абдаллаха как носителя религиозной истины. Для этого они использовали перешедшего на их сторону предателя, бывшего сподвижника Мухаммада – Шихери. По наущению итальянцев он отправился в Мекку к наставнику Саида Мухаммада Мохаммаду Салиху и обвинил Мухаммада Абдаллаха в отступлении от религиозных догм и ритуалов тариката. Шихери якобы удалось получить от Салиха письмо, резко осуждавшее Мухаммада Абдаллаха. «С этого момента и впредь я не желаю иметь дело с вами и вашими людьми», – якобы заключал шейх в этом письме.

Не лишено вероятности предположение о том, что письмо было подложным и что Салих, основатель тариката и духовный наставник Мухаммада, не имел к нему никакого отношения. Однако некоторые британские авторы, как, например Д. Слайт, и ныне утверждают истинность содержания письма, выдвигая на первый план правовые нормы шариата, моральные и религиозные аспекты «преступлений, о которых якобы писал мекканский шейх [32, р. 25–26].

В апреле 1909 г. англичане попытались заставить Мухаммада Абдаллаха принять условия мирного соглашения, для чего в Сомали по поручению британского правительства прибыл сам генерал-губернатор Судана Р. Уингэйт. Несколь-

ко месяцев продолжались переговоры между миссией Уингэйта и посланником Мухаммада. После провала миссии Уингэйта колониальная администрация в 1910 г. предпочла вывести из внутренних районов страны все вооруженные силы, включая сторожевые посты, чтобы сконцентрировать их в прилегающих портах Бербера, Бульхар и Зейла.

Однако англичане недооценили масштаб и значимость фигуры Мухаммада, «ибо исходили из того, что Мухаммад – обыкновенный, хотя и видный, вождь клана или племени, политическая роль которого ограничена сферой отношений между племенами. Правда же состояла в том, что Мухаммад занимал уникальное положение, он был национальной фигурой, апеллирующей к патриотическим чувствам сомалийцев и мусульман независимо от клана и рода» [10, р. 26], – такова вполне объективная и точная оценка А. Льюиса.

Здесь следует существенно дополнить авторитетного британского исследователя: особую роль играли «авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека, откровений, героизма и других», – т.е. то, что М. Вебер именовал харизматическим господством [26, с. 646]. На этой основе и возникало религиозно-цивилизационное единство сомалийцев, несмотря на племенную разобщенность и приверженность различным тарикатам.

Против «Бешеного муллы» в первые полтора десятилетия XX в. британские власти организовали четыре военные экспедиции. Все они, по признанию зарубежных авторов и политических деятелей, окончились в целом безрезультатно. В свою очередь, в годы Первой мировой войны Хасан предсказуемо поддержал Османскую империю, возглавляемую султаном – тогдашним лидером мусульманского мира.

Направленная в конце 1918 г. в столицу протектората Берберу миссия имперского генштаба во главе с генерал-майором Реджинальдом Хоскинсом пришла к выводу, что

для усмирения «Бешеного муллы» потребуется год времени, минимум две дивизии, а также строительство железной дороги. Тем не менее армия сторонников Мухаммада Абдаллаха в 1910 г. вошла в Британский Сомалиленд, и столкновения с местными кочевниками действительно были. Особенно непримиримыми противниками повстанцев показали себя приверженцы тариката *Кадирийя*. Они считали последователей ордена *Рашидийя – Салихийя* еретиками. По их мнению, почетнее было убить одного из сомалийских приверженцев Мухаммада Абдаллаха, чем сто иноверцев.

Однако в целом, по словам А.М. Хазанова, Мухаммада Абдаллаха «можно считать первым сомалийцем, который выступил в качестве представителя интересов не одного племени, а формирующейся сомалийской нации и деятельность которого, следовательно, приобрела общенациональное значение» [7, с. 70].

Не только рациональное понимание этого факта, но и внутреннее, религиозно-психологическое ощущение неразрывной связи с исламом, личный религиозный опыт превращали Мухаммада Абдаллаха в преданного воителя ислама. В этой связи закономерно выдвижение им идеи защиты ислама от «неверных», как понятно и его служение религиозному идеалу, в котором сливались страстная проповедь и политическая деятельность. Но иного, впрочем, и не дано в этой религии, где всякая деятельность и любая политическая, культурная или иная мысль возникает и существует лишь как часть ислама в рамках ислама: «Все в исламе, и ничто не существует вне ислама» – этот принцип исповедовал и предводитель сомалийских дервишей. Поэтому попытки противопоставить Мухаммада Абдаллаха – религиозного проповедника Мухаммаду Абдаллаху – политическому деятелю бессмысленны. В равной степени нельзя согласиться с попытками представить Мухаммада Абдаллаха как исключительно религиозного фанатика – образ, который был призван принизить масштаб личности сомалийского махди и значение его

свершений. За его «неистовым желанием укрепить ислам и обеспечить универсальное и абсолютное подчинение всем предписаниям веры со стороны его соотечественников» стояло и рациональное, просчитанное начало: объединение на основе абсолютных принципов веры всех сомалийцев для борьбы с европейскими поработителями, отрицающими ценности установки, первоосновы исламской цивилизации, то есть духовно-религиозной, социально-политической организации общества⁸.

До Первой мировой войны повстанцы построили ряд новых оборонительных сооружений. Были возведены крепости Тале (Талех) Мираши, Джидали, Белетвен, Галади и т.д. Самая крупная крепость Тале состояла из 13 фортов с каменными стенами толщиной 4–4,5 м в основании. В ней размещалась штаб-квартира Мухаммада Абдаллаха. Внутри крепости располагались помещения для жилья, амбары, загоны для скота, были вырыты колодцы.

В период освободительной борьбы Мухаммад Абдаллах проявил себя и как талантливый дипломат. Используя минимальные возможности, предоставляемые ему обстоятельствами, играя на империалистических противоречиях между воюющими странами, он сумел укрепить свои позиции, авторитет и в ряде случаев нанес серьезные поражения своим противникам – как местным, так и заморским.

Об этом свидетельствуют, в первую очередь, его отношения с эфиопским императором Лидж Иясу (правил в 1913–1916 гг.). Преемник Менелика II, он был дружелюбно настроен в отношении мусульман, поскольку его отец рас Микаэль был выходцем из мусульманской среды. Лидж Иясу

---

⁸ Вызывает возражение также мнение Сааида Тувалья о том, что «восстание было вызвано главным образом религиозным фанатизмом и имело конечной целью насаждение предписаний и образа жизни, проповедуемых сектой *Салихийта*».

планировал создать мощную империю в Северо-Восточной Африке, где нашли бы достойное место и мусульмане.

Таким образом, у Мухаммада Абдаллаха установились настолько благоприятные отношения с Лидж Иясу, что сомалийский религиозный вождь осмелился предложить ему в жёны свою дочь. Они вели оживлённые переговоры о совместных действиях против англичан и итальянцев, поставив об этом в известность Германию: немцы обещали им в качестве помощи предоставить 50 тыс. ружей [15]. Их совместным планам, однако, не суждено было осуществиться. В 1916 г. в Эфиопии произошел дворцовый переворот. Лидж Иясу был свергнут, а место правителя заняла дочь Менелика Заудиту; регентом при ней был назначен тогда еще молодой Тафари Макконен, будущий император Хайле Селассие.

Другого столь же мощного единомышленника у Мухаммада Абдаллаха не было. Но он продолжал искать союзников, старался наладить контакты с турецким султаном, надеясь на его помощь в борьбе за независимость Сомали. Но турецким властям приходилось больше беспокоиться за свою судьбу и судьбу страны.

Эта мера была составной частью наземных и воздушных операций общего плана против повстанцев, который был разработан по инициативе будущего премьер-министра Соединенного Королевства У. Черчилля. Для ее осуществления в Сомали начали перебрасывать воинские части, состоящие из европейских, индийских и африканских военнослужащих. Привлекли даже авиацию и военные корабли. Особенно крупный контингент английских войск был сосредоточен в конце 1919 г. в Бербере. И на всякий случай заручились поддержкой враждебно относившихся к повстанцам султана Али Юсефа Мадаг и правителя Миджуртини Багр Османа.

Карательная война началась в январе 1920 г. бомбардировками с воздуха крепостей повстанцев (рис. 3). Но и дервиши огрызались: во время одного из авианалетов воздушного ответным оружием они сбили самолет противника.

**Рис. 3. Королевские военно-воздушные силы
в ожидании приказа (аэродром в Сомалиленде)**

Самый мощный удар, в котором были задействованы сухопутные войска и авиация, английское командование нанесло 4 февраля по главному опорному пункту муллы крепости Талех. Пять дней спустя дервиши во главе со своим вождем совершили вылазку из крепости, отбросили английские дозоры и двинулись сначала на север, а затем резко повернули на юг. Англичане, даже несмотря на авиаразведку, не смогли обнаружить повстанцев.

Во время этого похода в Огаден Мухаммад Абдаллах нанес поражение нескольким враждебно настроенным племенам и преследовавшим его отрядам английских войск, захватил 60 тыс. голов скота и много другой добычи. В результате одного из боев ему достался пулемет, который передал дервишам отряд английского полка королевских африкан-

ских стрелков в количестве 25 человек, перешедший на сторону повстанцев [28, р. 197].

К Мухаммаду Абдаллаху была направлена делегация из нескольких знатных шейхов и старейшин племен – союзников британской короны. От имени Арчера они вручили вождю восстания письмо, в котором губернатор пытался убедить Мухаммада Абдаллаха принять капитуляцию, обещая за это сохранить жизнь ему и всем его сторонникам, вернуть его детей и жен, захваченных в плен англичанами.

Уговоры посланников и письмо губернатора на Мухаммада Абдаллаха не подействовали: он решительно заявил, что пойдет на мир с англичанами только при условии их ухода из Сомали. В противном случае война будет продолжаться. В свою очередь он вручил ответное письмо для передачи Арчеру, выдвигая следующие условия: «Если вы желаете заключить с нами мир, мы согласны его заключить только на следующих условиях:

1) Верните нам все, что награбили, особенно многочисленный скот.

2) Верните все оружие, которое вы у нас захватили и многочисленные крепости.

3) Верните деньги и драгоценности, которые вы награбили.

4) Верните всех пленных, которые находятся у вас, а также перебежчиков, бежавших от нас с оружием и лошадьми.

5) Оставьте мне всю страну в её старых пределах.

6) Восстановите все крепости и укрепления, которые вы разрушили.

7) Положите конец вражде между нами и теми племенами, которые вы натравили на нас» [7, с. 78].

Письмо было датировано 16 мая 1920 г., а 10 дней спустя послы губернатора вернулись в Бурао и передали ему ответ Мухаммада Абдаллаха.

Спустя несколько месяцев наступила и развязка: в лагерь, где находился Мухаммад Абдаллах, как предполагают сомалийские историки, проникли британские лазутчики, которые, по всей вероятности, отравили воду в колодце. 21 декабря 1920 г., выпив воду из отравленного колодца, Мухаммад Абдаллах почувствовал себя плохо и умер в тот же вечер [7, с. 78].

Так закончилось восстание в Сомали, которое следует поставить в один ряд с крупнейшими освободительными движениями народов Африки.

Возникшее на заре империализма, это восстание продолжалось более 20 лет (1899–1920 гг.). Восстание, принявшее прежде всего духовно-религиозный характер: борьба за утверждение собственных исламских коренных истин в противовес поверхностному исполнению коранических заповедей большинства сомалийских племен, – очень скоро столкнулось с жестким регулированием иноземных захватчиков. В результате оно стало массовым, возникли отдельные фрагменты государственности, к каковым можно отнести вооруженные силы (рис. 4). Из эмбрионального состояния стали зарождаться экономические функции: коллективные стада животных, формироваться запасы растительных культур, возникать городские центры и укрепленные районы, создаваемые в соответствии с интересами всего мусульманского общества...

Однако Британская империя в тот период ещё располагала достаточными силами, чтобы противостоять натиску антиколониальных движений. Тем не менее для подавления восстания в Сомали Англии пришлось не только объединиться с итальянскими колонизаторами, но и затратить значительные усилия, бросив против восставших крупные наземные и военно-воздушные силы. «Весь этот период Хасан был самым непримиримым мусульманским врагом англичан», – признается английский автор Д.П. Слайт [32, р. 18]. И это речь о том кратком периоде, когда Великобритания

Рис. 4. Саид Мухаммад Абдаллах Хасан, Могадишо

вела одновременно войны с бурами на Юге Африканского континента, напрягала силы в борьбе исламским движение махдистов в Судане. «Хасан рассматривал джихад как неподлежащий обсуждению долг всех мусульман, потому что “неверные вторглись в мусульманские земли”» [32, р. 27]. Но одновременно, с исторической точки зрения, он выходил за пределы банального джихадизма, столь заметного в начале XXI в. Он совершал мессианскую миссию – возводил исламскую цивилизацию, которая должна была стать реальной конструкцией, плотью, кровью и смыслом существования сомалийцев, обеспечить их независимое, свободное и безопасное существование в соответствии с законами шариата, на политических основах, провозглашаемых Кораном, Сунной Пророка. Эту задачу в условиях колониального захвата невозможно было решить без военных усилий, т.е. без «джихада меча». Поэтому и личность Мухаммада Абдаллаха, согласно классификации французского африканиста-

исламоведа Кристиана Кулона, следует отнести к пророкам-воителям [33, с. 346–348], куда входят Осман дан Фодио, ал-Хадж Омар, суданский махди Мухаммад Ахмед, в отличие от пророков-проповедников (Амаду Бамба).

Новые государства Африки ощущают потребность в привлекательных героях, людях, которыми могла бы восхищаться молодежь. Однако общее для многих африканских государств отсутствие письменных исторических источников представляет собой серьезную психологическую проблему. Некоторым, однако, повезло больше, и среди них новое Сомали, поскольку здесь есть яркая личность в лице Саида Мухаммада Абдаллаха Хассана – аль-Махди.

Значение борьбы сомалийского народа против английских и итальянских колонизаторов для дальнейших судеб национально-освободительного движения в Африке было очень велико. Восстание в Сомали не только нанесло удар по престижу колонизаторов, но и дало колонизованным народам пример героической борьбы за свободу и независимость. Тем не менее возведение великого здания цивилизации не было завершено.

Насколько связано профетическое движение Хасана в этой части африканского мира с появлением здесь уже в современный период радикальной группировки Аш-Шабааб? Разумеется, мы далеки от намерения связать непосредственно оба исторических явления. Однако, если анализировать зоны профетических движений XIX–XX вв., сопоставляя их с современностью, то можем зафиксировать именно в этих зонах, регионах наиболее глубокой исламизации, наличие серьезных исламистских группировок, джамаатов, ассоциаций, движений, причем экстремистского характера. Север Нигерии, где разворачивалось движение Османа дан Фодио, ныне демонстрирует миру многотысячную группировку Боко Харам. Мали, на просторах которого в середине XIX в. разворачивался джихад под руководством ал-Хадж Омара и где также свыше 90% населения сторонники ислама, совсем не-

давно едва не стал жертвой исламистских группировок, предпринявших попытку захвата власти в стране. Недалеко от Мали ушел и Кот-д'Ивуар, северная часть которого, испытывавшая влияние того же джихада ал-Хадж Омара и населенная преимущественно мусульманами, в начале 2000-х годов практически оказалась в состоянии войны с центральной властью страны. Попытки если не захвата власти, то террористические акты предпринимались в Буркина-Фасо, Кении и Танзании, где значительна доля мусульманского населения, и в других государствах Африки, не говоря о ее арабской части. Все эти факты позволяют сделать вывод о значительной корреляции, если не прямой связи между джихадистским опытом и современными проявлениями экстремизма. Можно констатировать зависимость и между исламским профетическим движением начала XX в. и современным аш-Шабааб. Во всяком случае, обусловленность второго опытом первого движения, чем бы оно ни было вызвано и какие бы задачи ни ставило, здесь присутствует так же, как и в вышеупомянутых случаях.

Следовательно, чтобы погасить экстремистские, террористические интенции в исламских движениях, государству и мусульманскому обществу необходимо особое внимание обращать на развитие гуманистических тенденций, вскрывать и подчеркивать гуманистическое содержание в Коране, Сунне, сочинениях наиболее авторитетных исламских богословов прошлого и современности [34; 35].

Литература

1. История Африки в документах, 1870–2000. – Т. 1: 1870–1918. – М.: Наука, 2005.
2. *Абди Сабур Мурзук*. Саир мин ас-Сомали (Сомалийский революционер»). – Каир, 1964.
3. *Городнов В.П., Никифоров А.В.* Путешествие в Талех. – М., 1976.

4. *Городнов В.П.* Некоторые аспекты национально-освободительного движения 1899–1920 гг. под руководством Мохаммеда Абдилле Хассана // Ученые записки советско-сомалийской экспедиции. – М.: Наука, 1974.

5. *Хазанов А.М.* Антиколониальное движение в Сомали под предводительством Мухаммеда бин Абдаллы (1899–1920 гг.) // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 2.

6. *Хазанов А.М.* Сомалийская Республика. – М., 1961.

7. *Хазанов А.М.* Герои борьбы за независимость Восточной Африки – Гунгуньяна и Мухаммед бин Абдалла. – М.: Институт востоковедения, 2008.

8. *Hamilton A.* Somaliland. – L., 1970.

9. The parliamentary debates. Fourth series. – Vol. 91. – L., 1901.

10. *Lewis I.M.* The Dervish Fight for Freedom 1900–1920 // Somaliya. Antologia storico-culturale. – Mogadiscio: Giugno, 1967. – № 3.

11. Архив внешней политики России. Серия микрофильмов Национального архива Индии. Серия С.

12. The parliamentary debates. Fourth series. – Vol. 91. – London, 1901.

13. Correspondence respecting the rising of the Mullah Muhammed Abdullah in Somaliland and Consequent Military Operations, 1899–1901. – L., 1901.

14. *Jardine D.J.* The Mad Mullah of Somaliland. – L.: Naval & Military Press, 1923.

15. Архив внешней политики России. № 133, 31.08.1899.

16. *Moyse-Bartlett H.* The King's African Rifles. – Aldershot, 1956.

17. Архив внешней политики России. Серия С.

18. *Давидсон А.Б.* Сесиль Родс и его время. – М.: Мысль, 1984.

19. *Somali Poetry.* An Introduction / by V.W. Andrzejewski and I.M. Lewis. – Oxford: Oxford University Press, 1964.

20. *Swayne H.G.C.* Seventeen Trips through Somaliland and a visit to Abyssinia: With Supplementary preface on the 'Mad Mullah' risings, 1903.

21. *McNeill M.* In Pursuit of the “Mad” Mullah. – 1902.

22. *Abdi Sheik Abdi*. Divine Madness: Mohammed Abdulle Hassan (1856–1920). – L.: Zed Books Ltd., 1993.

23. *Hess R.L.* The “Mad Mullah” and Northern Somalia // *The Journal of African History*. – 1964. – Vol. 5. – No. 3.

24. *Lewis I.M.* A Modern History of Somalia. Nation and State in the Horn of Africa. – L., 1980.

25. История национально-освободительной борьбы народов Африки в Новое Время. – М., 1976.

26. *Джами Омр Иса*. История Сомали в середине века и новейшее время. – Каир, 1965 (на арабском языке).

27. *Абду-с-Сабур Марзук*. Повстанец из Сомали. Каир, 1964 (на арабском языке).

28. *Silberman L.* The “Mad” Mullah: Hero of Somali Nationalism // *History Today*. – 1960, August. – Vol. 10. – N 8.

29. *Urbano A.* The Emergence of Mohamed Abdullah Hassan as a Somali National Hero.

30. *Cerulli E.* Somalia. Scritti Vari ed Inediti. – Rome, 1957. – Vol. 1. – 31.

31. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.

32. *Slight J.* British and Somali Views of Muhammad Abdullah Hassan’s Jihad, 1899–1920 // *Bildhaan. An International Journal of Somali Studies*. – 2011. – Vol. 10. – Article 7. URL: <http://digitalcommons.mcalester.edu/bildhaan/vol10/iss1/7>

33. *Coulon Ch.* Prophets of God jr jf History? Muslim Messianic Movements and anti-colonialism in Senegal // *Theoretical Explorations in African Religion* / ed. by W. van Binsbergen, M. Schoffeleers. – London, Boston, Melbourne and Henley, 1985. – P. 346–366.

34. *Ибрагим Т.К.* Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. – М.: ИД «Медина», 2015.

35. *Ибрагим Т.* На пути к коранической толерантности. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ЕГИПЕТСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Касаясь вопроса о двусторонних отношениях Египта и Ирана, необходимо отметить общие характеристики, исторически свойственные этим ведущим государствам Ближнего и Среднего Востока. Оба государства являются наследниками великих цивилизаций, египетской и персидской соответственно. Уникальные геополитические характеристики государств складывались на протяжении многих столетий под влиянием совокупности факторов: развития экономики и расширения торговых маршрутов, рассвета и заката колониального периода, мировых войн и блокового противостояния. За время нахождения фактически под внешним управлением Великобритании, а затем – и США в странах сформировалась высокообразованная элита, в дальнейшем ставшая одной из главных движущих сил революционного движения. Сегодня Египет и Иран, наряду с Саудовской Аравией, Турцией и Израилем, являются крупнейшими суверенными государствами на Ближнем Востоке, претендующими на признание в качестве региональных лидеров. Политические позиции этих государств на международной арене обусловлены, в первую очередь, наличием многочисленных и дееспособных вооруженных сил, представляющих собой главную опору для правящих режимов.

В 2017 г. население Ирана превысило отметку в 81 млн человек, демографические показатели Египта составили порядка 97 млн граждан [9]. Национальные экономики стран характеризуются высокими темпами роста населения, значительной долей молодежи среди населения, большими объемами экспорта высококвалифицированной рабочей силы в соседние государства. Денежные переводы от соотечествен-

ников за рубежом составляют существенную статью доходов для Ирана с учетом введенных экономических санкций против Тегерана.

Несмотря на схожие характеристики и пути развития, двусторонние отношения между государствами на протяжении длительного периода после обретения независимости оставались на низком уровне. После революции 1952 г. Египет вышел на путь суверенного развития под руководством признанного лидера Гамаль Абдель Насера. Геополитическая концепция Насера отражала его видение исключительной роли Египта в рамках трех геополитических кругов: арабского, африканского и исламского [1, с. 478]. Насер планировал достичь регионального лидерства путем воплощения в жизнь идей арабского социализма, сохраняя приверженность антиимпериалистическим настроениям и принципу нейтралитета Египта в условиях блокового противостояния.

Идеи Насера не были восприняты тогдашним иранским руководством, находившимся под британским и американским влиянием. Их реализация была возможна только посредством превращения тогда еще шахского Ирана в республику, чего не мог допустить шах Мохаммед Реза Пехлеви и его союзники. Шах тем более видел в Насере своего противника в ситуации сближения Египта с СССР. Насер был склонен рассматривать иранского шаха в качестве британского и американского ставленника, а Иран – как очередной оплот колониальной власти в регионе. В 1960 г. дипломатические отношения между государствами были разорваны и восстановлены спустя 10 лет только после смерти Насера [15].

Восстановление дипломатических контактов при Анваре Садате не привело к дальнейшему развитию двусторонних отношений государств. На долгие десятилетия камнем преткновения стало инициирование Анваром Садатом в 1978 г. подписания Кэмп-Дэвидских соглашений. Само подписание состоялось 26 марта 1979 г. в США, на фоне происходивших

в Иране событий Исламской революции¹. После объявления о создании первой в мире Исламской Республики Иран (ИРИ) шах Пехлеви был вынужден бежать из страны в Мексику и США, но в дальнейшем получил убежище в Египте по решению Анвара Садата. Несмотря на то что неизлечимо больной шах скончался через несколько месяцев после приезда в Каир, это действие дорого обошлось египетскому президенту: исламисты обвинили его в очередном предательстве и организовали покушение, в результате которого 6 октября 1981 г. Анвар Садат был убит [7, с. 134].

Напряжение и недоверие в двусторонних отношениях сохранялось на протяжении следующих 30 лет. Египет вплоть до 2012 г. оставался единственным из ведущих арабских государств, у кого не было посольства в Тегеране. Иран продолжал расценивать египетское руководство как напрямую зависимое от позиции США и западных союзников. Несмотря на низкий уровень государственных отношений, иранская политика находила поддержку среди последователей движения «Братья-мусульмане» в Египте.

Старейшая и крупнейшая исламская радикальная организация «Братья-мусульмане» осуществляет свою деятельность в Египте с 1928 г. Программа организации базируется на следующих основных принципах: ислам представляет собой универсальное учение и конечный этап эволюции человеческого социума, ислам основывается на Коране и Сунне, нормы ислама применимы во все времена и в любых ситуациях [6, с. 74]. Изначально план действий членов движения предполагал освобождение от колониальной зависимости не только Египта, но и других арабских государств, с дальнейшим установлением там государственной системы, основанной на шариате.

---

¹ Исламская революция победила в Иране после вооруженного восстания в Тегеране 9–11 февраля 1979 г., свергнувшего шахский режим. 1 апреля 1979 г. была провозглашена Исламская Республика Иран.

Ряд исследователей сравнивают движение «Братьев-мусульман» в Египте с организацией «Федаян-э эслам» в Иране, активно заявившей о себе в 1940-х гг. Однако, как отмечает Мехди Санаи, деятельность иранского движения никогда не была столь масштабной и сводилась к осуществлению террористических актов. Лидер «Федаян-э эслам» Муджтаби Навваб Сафави никогда не получал одобрения своей деятельности со стороны шиитских религиозных деятелей, что обусловлено религиозным своеобразием иранского общества. Тем не менее лидер «Братьев-мусульман» Хасан Аль-Банна часто встречался с духовными лидерами Ирана, обсуждая возможность установления связей с шиитскими духовными учреждениями. В 1945 г. состоялась встреча Хасан Аль-Банна с имамом Хомейни в Каире, где стороны достигли определенного взаимопонимания в преодолении разногласий между суннитами и шиитами в контексте продолжающейся борьбы с общим врагом [17].

Уже после смерти Хасана Аль-Банна в 1954 г. в Каире состоялись переговоры руководства «Братьев-мусульман» и «Федаян-э эслам». Лидеры «Братьев-мусульман» продолжили поддерживать контакт с имамом Хомейни во время его нахождения в Париже. Ряд идеологических позиций «Братьев-мусульман» нашли свое отражение в теории исламской власти великого аятоллы Рухолла Мусави Хомейни, который призывал население вытеснить неисламское правительство и создавать альтернативные государственные структуры, работающие по исламским канонам [4; 12]. В свою очередь Хомейни высоко оценивал труды идеолога египетского движения Саида Кутбы, чьи книги «Будущее религии» и «Ислам и решения цивилизации» были переведены на фарси и в дальнейшем использовались в качестве учебных материалов, в том числе на базах подготовки Корпуса стражей исламской революции (КСИР) [17].

Сближению сторон также способствовало признание ведущим исламским высшим образовательным учреждением

в Египте шиитов как части мусульманской коммуны. В 1959 году религиозные мыслители Университета Аль-Азхар во главе с имамом Мухаммадом Шалтутом признали шиизм в качестве одного из направлений ислама, что полностью шло вразрез с принципиальной позицией суннитских богословов в Саудовской Аравии [15].

Исследователи отмечают сходство взглядов «Братьев-мусульман» и последователей хомейнизма. Помимо общего подхода в религиозных трактатах в политической сфере оба движения признают только государственные выборы по нормам шариата и под надзором религиозного духовенства, а политическая идеология нацелена на внешнюю экспансию во все государства региона [13].

Исламская революция 1979 г. в Иране была поддержана «Братьями-мусульманам», которые видели в ней начало цепи дальнейших исламских революций в регионе. Но на государственном уровне Египет открыто поддерживал Ирак в вооруженном конфликте с Ираном, поэтому официальные двусторонние отношения вновь были разорваны.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на существующие связи и историю взаимодействия, иранское руководство официально никогда не обозначало свою позицию в отношении «Братьев-мусульман». Как отмечают авторы статьи «Иран и Братья-мусульмане в арабском мире», представители СМИ Ирана в статьях, касающихся «Братьев-мусульман», подразумевают исключительно движение в Египте. Деятельность других организаций в регионе, разделяющих идеологию и принципы «Братьев-мусульман», рассматривается отдельно с учетом специфики их собственных интересов и задач [14].

Абсолютно новый этап во взаимоотношениях «Братьев-мусульман» с Ираном начался в 2011 г. с началом революционных событий на улицах египетских городов. С началом первых акций протеста на площади Тахрир в Каире иранское руководство заявило, что события в Египте являются про-

должением исламской революции 1979 г. В своем выступлении Хаменеи высказал пожелание, чтобы в Египте установилась Исламская республика [5]. В глазах иранского руководства революция в Египте максимально приблизила перспективу создания Исламской республики на Ближнем Востоке впервые с 1979 г. В Тегеране стали активно призывать к реализации одного из главных внешнеполитических принципов Ирана – «экспорта революции».

Как отмечают эксперты Российского института стратегических исследований, изначально Иран поддержал революционную волну в арабских странах, расценивая ее как часть грядущих геополитических изменений на Ближнем Востоке с усилением антиамериканских настроений среди населения. Это могло способствовать выходу Ирана из изоляции и усилению его геополитических позиций в противостоянии с Саудовской Аравией [2, с. 11]. Для египетских исламистов, взявших бразды правления в свои руки в результате революционного переворота, поддержка со стороны Ирана была очень необходима на фоне ухудшения отношений и урезания финансовой поддержки со стороны США. Г.И. Мирский подчеркивал, что в тот период внешнеполитические приоритеты «Братьев-мусульман» и Ирана во многом совпадали. В вопросе выстраивания отношений с Египтом иранское руководство делало ставку не на Мухаммеда Мурси, а на верхушку руководства «Братьев-мусульман», имеющую реальные влияние и власть в стране [8].

Как представляется, после событий 2011 г. межрелигиозное противостояние в регионе вышло на новый уровень, определяя региональный баланс сил [18]. На фоне необходимости достижения общих целей религиозные противоречия между суннитами в Египте и шиитами в Иране, а также принципиальная позиция Тегерана по Кэмп-Дэвидским соглашениям отошли на второй план. На смену светской дипломатии пришла новая исламская дипломатия.

Яркой особенностью иранской дипломатии является соотнесение принимаемых решений и действий на категории правильных и неправильных, основываясь на исламских кано́нах и принципе «самооценки». Внешнеполитические принципы Ирана не всегда соотносились с правилами игры на международной арене, основанными на международном протоколе и правовых нормах [12, с. 106]. Ареал иранской дипломатии был ограничен многочисленными санкциями, а отношения с оставшимися государствами осложнялись особенностями иранской внешней политики. В связи с этим приход исламистов к власти в Египте был расценен как возможность дальнейшего выстраивания двусторонних отношений и общих внешнеполитических действий в регионе в соответствии с нормами ислама.

Традиционно высокое место Египта в региональной стратегии ИРИ подчеркнул факт попытки Тегерана немедленно восстановить дружеские отношения между Ираном и Египтом в период правления «братьев мусульман». Спустя всего 2 месяца после своего назначения на пост египетского президента Мухаммед Мурси совершил беспрецедентный шаг – впервые с 1979 г. глава Египта посетил Иран с официальным визитом. И уже через полгода после исторического визита состоялся ответный визит Махмуда Ахмадинежада в Каир. В своих первоначальных оценках происшедшим событиям СМИ выдвигали предложения о создании нового исламского альянса в регионе, направленного против США и Израиля. Однако в реальности политическое сближение стран нашло свое реализацию в создании «Исламского квартета» по урегулированию сирийского кризиса. По инициативе Ирана и при поддержке президента Мухаммеда Мурси в состав квартета вошли Иран, Египет, Саудовская Аравия и Турция. Реальных результатов деятельности организации добиться не удалось ввиду противоположных позиций участников переговоров по сирийскому вопросу [3]. Свою роль сыграл и фактор экономической зависимости Египта от

США и монархий зоны Персидского залива. Тем не менее «исламский квартет» стал первой за долгое время альтернативой посредничеству США и стран ЕС в решении конфликтов в регионе.

Показательное сближение двух государств, направленное на создание иллюзии политического союза Египта и Ирана, основанного на исламских ценностях, не продлилось долго. По мере потери Мухаммедом Мурси своего влияния и авторитета египетская армия постепенно возвращала себе утраченные в 2011 году позиции и Египет накрыла новая революционная волна. После начала народных протестов против М. Мурси заместитель министра иностранных дел Ирана выступил с заявлением, в котором подчеркнул легитимность власти действующего президента и предостерег от принятия поспешных решений. С иранской стороны также прозвучали заявления о прямой причастности США и Израиля, поддерживающих экстремистов и салафитов, к инициации беспорядков на улицах египетских городов [10].

Одним из обвинений генеральной прокуратуры Египта, выдвинутым против Мухаммеда Мурси, было заявление о его прямой причастности к передаче «Братьями-мусульманами» секретных данных об обороноспособности Египта в пользу Ирана [11]. Иранская карта, на которую Мурси рассчитывал на начальном этапе своей внешнеполитической деятельности, была использована против него. С возвращением к власти военных во главе с маршалом Абдель Фаттахом ас-Сиси отношения Египта с Ираном были пересмотрены и возвращены к основам светской дипломатии. Несмотря на совпадение ряда внешнеполитических целей государств и серьезное влияние религии как интегрирующего фактора, геополитические основания государств сильно отличаются. Для Египта жизненно важно реализовывать многосторонний внешний политический курс, поддерживая дружественные отношения с арабским миром и со странами Запада. Попытка пересмотра или отмены Кэмп-Дэвидских

соглашений несет в себе масштабную угрозу национальной безопасности страны. Период правления исламистов в Египте продемонстрировал возможность реализации исламской дипломатии на фоне отхода противоречий между суннитами и шиитами на второй план. Политическое сближение Каира и Тегерана продемонстрировало миру реальные позиции и влияние Ирана в регионе, его готовность экспортировать исламские ценности и поддерживать исламистов в правящих элитах стран. Включение Египта в состав «шиитского полу-месяца» иранского влияния, к которому арабские лидеры приписывают Бахрейн, Ирак, Йемен, Ливан и Сирию, было расценено как угроза интересам соседних государств и монархиям Персидского залива. Новый президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси получил финансовую поддержку Саудовской Аравии и ОАЭ, а также политическое одобрение его первых шагов во внешней политике со стороны лидеров арабских государств, которые стремились не допустить дальнейшего развития отношений между Египтом и Ираном.

Таким образом, проведенный анализ особенностей развития отношений между Египтом и Исламской Республикой Иран, особенно в процессе событий Арабской весны, позволяет сделать вывод о нацеленности ИРИ на исламизацию региона Ближнего и Среднего Востока. Официальный Египет дистанцируется от Ирана и ищет пути к восстановлению своего влияния на Ближнем Востоке в рамках арабского дискурса. Учитывая готовность Ирана к сотрудничеству с «Братьями-мусульманами» в Египте, можно ожидать усиления исламской составляющей в ближневосточной дипломатии Тегерана. Однако актуализация исламского фактора в ближневосточной политике в ближайшем будущем маловероятна, учитывая незавершенность сирийского кризиса.

Литература

1. Бузов В.И. Новейшая история стран Азии и Африки (1945–2004). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 574 с.

2. Влияние арабской весны на неарабские страны Ближнего Востока / Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Сви-
стунова И.А. // Проблемы национальной стратегии РИСИ. –
2014. – № 4 (24). – С. 9–27.

3. Египет и Иран продолжают своё сближение //
REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/1616467.html> (дата обра-
щения: 14.02.2018).

4. Имаков Таймаз Зайнудинович, Семедов Семед Абакае-
вич Хомейнизм – идеология политического ислама // Государство,
религия, церковь в России и за рубежом, 2010. – № 4. – URL:
[https://cyberleninka.ru/article/n/homeynizm-ideologiya-politicheskogo-
islama-1](https://cyberleninka.ru/article/n/homeynizm-ideologiya-politicheskogo-islama-1) (дата обращения: 02.02.2018).

5. Месамед В.И. Аятолла Али Хаменеи: События в Егип-
те – продолжение исламской революции в Иране // Институт
Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=12136> (дата об-
ращения: 19.02.2018).

6. Мехди Санаи. Мусульманское право и политика. Исто-
рия и современность. – М.: Садр, 2016. – 168 с.

7. Млечин Л.М. В поисках утраченного величия. Иран,
ядерное оружие и Ближний Восток. – БХВ-Петербург, 2014. –
528 с.

8. Мурси показал сбалансированный исламизм // Газе-
та.ру. – URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2012/08/30_a_4744825.
shtml?updated](https://www.gazeta.ru/politics/2012/08/30_a_4744825.shtml?updated) (дата обращения: 14.02.2018).

9. Народонаселение мира в 2017 году // Фонд ООН в обла-
сти народонаселения. – URL: [http://www.un.org/ru/development/
surveys/docs/population2017.pdf](http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf) (дата обращения: 20.02.2018).

10. Пан Ги Мун и Мохаммед Мурси обсудили иранскую
политику (на арабском языке) // Almasdar Online. – URL:
<http://www.almasdaronline.com/article/print/35512#> (дата обращения:
10.02.2018).

11. Судебные дела в отношении экс-президента Египта Му-
хаммеда Мурси // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/info/754839> (дата об-
ращения: 10.02.2018).

12. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней полити-
ки Ирана / В.И. Юртаев. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. –
160 с.

13. Hassan, Hassan. Iran-Brotherhood ties: rooted in history with eye on future // The National. – URL: <https://www.thenational.ae/iran-brotherhood-ties-rooted-in-history-with-eye-on-future-1.575299#full> (дата обращения: 02.02.2018).

14. Pisecky, Helmut, Grinberg, Alex. Iran and the Muslim Brotherhood in the Arabic-Speaking World: the Best of Enemies // Middle East Review of International Affairs. – 2015. – Vol. 19. – No. 3. – P. 10–18.

15. Gawdat, Bahgat. Egypt and Iran: The 30-year Estrangement // The Middle East Policy Council. – URL: <http://www.mepc.org/journal/egypt-and-iran-30-year-estrangement> (дата обращения: 19.02.2018).

16. Nader, Entessar. The Lion and the Sphinx: Iranian-Egyptian Relations in Perspective / Iran and the Arab World / ed. Hooshang Amirahmadi, Nader Entessarpp. – Palgrave Macmillan, 1993. – P. 161–179.

17. The Muslim Brotherhood and Their Relationship with Iran // International Affairs Forum. – URL: <http://www.ia-forum.org/Content/ViewInternalDocument.cfm?ContentID=8287> (дата обращения: 10.02.2018).

18. Shaw M. Sociological approaches to international relations // University of Sussex, UK. – 2009.

*А.Н. Мосейко,
Е.В. Харитонова*

АФРОХРИСТИАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АФРИКЕ И США

Рассмотрение вопросов «афрохристианской идентичности» одновременно в двух таких разных и сложных регионах, как Африка южнее Сахары и США (где имеется крупнейшая ее диаспора) представляет интерес в связи с глубоким культурно-психологическим сходством субъектов этих регионов – африканцев и афроамериканцев – сходством их судеб, ибо и те и другие оказались жертвами угнетения и унижения со стороны «белого» «европейского» мира.

Становление афрохристианского самосознания, формирование его эмоционально-протестного и одновременно мифологизированного характера шло параллельно в двух регионах, оказывая друг на друга значительное влияние и вырабатывая сходные конструкции в специфических для каждого региона формах.

Афрохристианская идентичность как жителей Африки южнее Сахары, так и чернокожих американцев формировалась в условиях драматической встречи двух культур – традиционной африканской культуры, с одной стороны, и культуры белых колонизаторов в Африке или белых рабовладельцев в Америке, с другой стороны.

Известный американский религиовед-афроамериканец – Чарльз Эрик Линкольн в 60-х годах XX века в предисловии к книге теоретика «черного христианства» Дж. Коуна «Освобождение» назвал религиозный христианский опыт чернокожих уникальным ответом на ситуацию навязывания им

христианской религии в результате взаимодействия двух культур.

«...Они приняли религию белого человека, – писал Ч.Э. Линкольн, – но не всегда выражали ее таким же образом, как белый человек. Задачей черного человека – вероятно, это стало его судьбой – было сформировать, воссоздать предложенную ему христианином-рабовладельцем религию так, чтобы переделать ее, приблизив к чаяниям своей собственной души, к своим собственным специфическим потребностям» [1, с.8].

Эти слова с полным основанием можно отнести к африканцам, которые также приняли религию христианина-колонизатора, но адаптировали ее к своим условиям, переосмыслили основы христианского вероучения, по-своему «прочли» Библию, внесли в христианскую догматику собственные религиозные смыслы, порожденные традиционным религиозным опытом. Так возник синкретический религиозный опыт, стало складываться синкретическое восприятие христианства и синкретические религиозные организации. Религиозный синкретизм мы понимаем как сочетание в одном религиозном идейном комплексе и в одной религиозной практике разнородных влияний и смыслов.

Следует отметить, что как в Африке, так и в среде американских рабов (как правило, выходцев из стран западного африканского побережья) религиозный синкретизм принял форму специфической христианской мифологии. Побудительной причиной формирования этой «вторичной» (по отношению к собственной мифологии) мифологии – христианской – явилось невыносимое положение африканцев в условиях гнета колониализма и чернокожих в Америке, сначала – рабов, а после отмены рабства – бесправных и униженных людей. В том и другом случае люди «выпали из среды» (Э. Фромм), они оказались в ситуации постоянной угрозы со стороны «чужого» мира, и когда этот «чужой» мир предложил им свою религию, они ее приняли, руководствуясь мно-

гими соображениями: это и желание приобщиться к «чужому» миру с целью понять его и, может быть, узнать его секреты; это и желание в невыносимых условиях получить утешение; это и надежда на бога, пусть чужого и незнакомого.

Кроме того, постоянная угроза «чужого» мира создавала потребность в самоопределении и самоутверждении. Пусть и в иллюзорной форме, но это был поиск новой идентичности. Совместное участие в религиозных собраниях создавало новую форму коммуникации, особенно важной для рабов, вырванных из привычной системы социальных связей. Подобным было и положение африканцев в Южно-Африканском Союзе – лишенных земли, в условиях разрушенного образа жизни вынужденных работать по найму в городе или на фермах европейских колонистов.

Обладая мифологическим мышлением, африканцы и афроамериканцы не могли принять христианство, не мифологизируя его, не наполняя его своим содержанием – своими смыслами и традициями.

Христианскую мифологию академик С.С. Аверинцев определяет как «комплекс представлений, образов, наглядных символов, связанных с религиозной доктриной христианства и развивающихся во взаимодействии этой доктрины с фольклорными традициями народов» [2, с. 598].

Распространение христианства в условиях работорговли и колониальной экспансии создает возможность «для новых вариантов христианской мифологии в связи с новым этническим субстратом» [2, с. 599]. В результате «возникают гибридные формы мифологии, где отдельные христианские мотивы соединяются с локальным “экзотическим” материалом и переосмысливаются в ином контексте» [2, с. 599].

Восприятие африканцами христианства в близкой и знакомой им мифологической форме привело к возникновению новой для них, очевидно, иллюзорной, но обнадеживающей картины мира, воспринимаемой как достоверная жизненная реальность.

Вместе с новой картиной мира возникли и новые формы идентификации – с религиозными организациями и христианскими ценностями и идеями, хотя и существенно измененными мифологическими интерпретациями. Мифологическая форма восприятия новой религии позволила реализовать такие важнейшие функции мифа, как объединение людей на основе общих идей, надежд на улучшение жизни, общих целей. Возникает новый способ социальной связи – религиозные объединения, организации, движения.

Формирование афрохристианского самосознания и идентичности в Африке южнее Сахары

В Африке первые афрохристианские движения появились в конце XVII – начале XVIII в. в королевстве Конго (на территории современных Конго, Анголы, Заира). Это был период, когда поначалу выгодная для африканцев торговля с португальскими предпринимателями превратилась в работоторговлю, вся страна стала огромным невольничьим рынком. В работоторговле участие принимали и некоторые миссионеры, которые христианизировали Конго с XV в. Надо отметить, что христианские миссионеры вообще лояльно относились к работоторговле. Страна, потеряв огромное количество жителей, оскудела, росло недовольство народа, направленное не только против работоторговцев, но и против европейского христианства, которое связывали с работоторговлей. В этот период возникло первое афрохристианское религиозное движение, в котором выразилось народное возмущение. Оно получило название «антонианских ересей», основоположницей которых стала некая женщина – Беатриче, которая объявила, что в нее вселился дух святого Антония Падуанского. От его имени она обвиняла работоторговцев и миссионеров в стяжательстве и требовала активной борьбы с португальцами и восстановления былой славы Конго.

По всей стране рассылались ее единомышленники – «малые Антонии» – с призывами к восстанию. Под этими идеями объединялись народные массы. Беатриче и ее сторонники – ересиархи «Святой Иоанн», «Святая Лючия» и другие – проповедовали, что Христос, Мадонна и другие святые были чернокожими и уроженцами Конго. Белые же миссионеры эту истину скрывали.

Это движение существовало несколько лет, но потерпело поражение, а Беатриче и ее сторонники были сожжены [3, с. 83–86].

Активная христианизация Африки южнее Сахары приходится на конец XIX века. В 1989 г. во многих африканских странах торжественно отмечалось столетие христианства в Африке. В конце XIX века происходит массовый контакт между двумя резко отличающимися друг от друга культурами – автохтонной и христианской западной, между двумя различными мирами со своими мыслительными формами, моделями мира, способами мироощущения, со своими ценностями, нормами, образами жизни. Естественно, что эти два мира при встрече не поняли и не приняли друг друга. Миссионеры, преисполненные значимости своей цивилизаторской миссии и задачи спасения заблудших народов, вскоре столкнулись с непроницаемостью автохтонных культур, которые они не понимали и не принимали, считая дикарскими, варварскими, примитивными. Проповеди христианского вероучения также встречали у африканцев непонимание, даже враждебность. Несовместимыми с африканскими ценностями, африканской психологией и миропониманием оказались семейно-брачные нормы, понятия о грехе, о загробном возмездии и др. В результате в традиционном мифологическом пантеоне миссионерам зачастую отводилась роль антропоморфного носителя враждебной силы, способной если не нейтрализовать ее, то внести опасную дисгармонию в жизнь социума.

Проникновение христианства в Африку было затруднено и тем, что христианизация была тесно связана с колонизацией. В исторической памяти африканцев эти два явления выступают вместе, а в сознании большинства африканских мыслителей именно христианизация способствовала духовной колонизации африканца и изменению его судьбы.

Прошло не одно десятилетие, прежде чем возникли очаги культурно-исторического синтеза, анклавов новой афрохристианской синкретической религии, формирование которых не закончено и сегодня.

Христианство представлено в Африке практически во всех своих деноминациях. Это православие (как монофизитское, так и византийское), католицизм, протестантство, как в своих «классических» формах (кальвинизм, лютеранство, англиканство и т.д.), так и в относительно новых (адвентисты седьмого дня, пятидесятники, баптисты, иеговисты). Однако для того чтобы оно было принято в негро-африканском мире, воспринято африканским менталитетом, стало частью африканской культуры, должны были измениться как христианство, так и сам африканский мир.

Первый шаг на пути взаимной адаптации – это процесс африканизации внутри христианских конфессий. Процесс африканизации предполагает, прежде всего, создание клира из местных уроженцев. К настоящему времени подавляющее большинство священников, высших иерархов, руководителей сект и религиозных христианских движений – африканцы.

Следующая мера – использование в богослужении местных языков. На местные языки переводится и издается Библия и другая религиозная литература. Постепенно африканизация проникает в формы христианских ритуалов, в них вводятся элементы традиционных ритуалов: традиционные танцы и песнопения под музыку тамтамов, с использованием африканских ритмов, традиционной атрибутики, убранства, одежды священнослужителей (шапочки из меха священных

животных, посохи из священного дерева, африканские ткани, копья и церемониальные мечи). Молебен в католическом храме производит странное впечатление: прихожане, пританцовывая и ритмично ударяя в ладоши, повторяют за священником, также пританцовывающим, слова молитвы, все это действие сопровождается ритмичными ударами тамтамов. Такая африканизация носит в основном внешний характер, хотя и очень важна для восприятия простыми людьми.

Более глубокая африканизация – это введение христианства в мир культуры негроафриканца, поиски возможных встреч основных истин христианства с традиционными мифорелигиозными представлениями. Процесс этот сложный, болезненный и долгий, продолжающийся и в наши дни.

С развитием колониальной экспансии и дальнейшей христианизации Африки с конца XIX – начала XX в. вновь стали возникать очаги народного возмущения в связи с ростом колониального угнетения в разных формах. Как правило, христианские миссионеры различных христианских деноминаций были на стороне европейской колонизации, оправдывая ее цивилизаторскими целями. Но эти цели еще больше подогревали народное возмущение, так как были связаны с разрушением автохтонных культур, образа жизни, ценностей и традиций. Все эти факторы вели к глубочайшему кризису идентичности, как социальной, так и персональной. По законам широко распространенного среди населения мифологического мировидения народное возмущение принимало религиозно-мифологические формы в рамках христианства. Африканцы-христиане различных деноминаций не забывали свои традиционные верования и в новых афрохристианских движениях вносили их в идеологический субстрат этих движений. Афрохристианские движения и возникновение афрохристианских организаций характерно для всей Африки, но наиболее ранние и интенсивные скопления этих процессов обнаружили прежде всего в Южной Африке и бассейне реки Конго.

На юге Африки в 80-х гг. XIX в. возникло движение за создание независимых туземных христианских церквей. Религиозная форма этого движения в качестве содержания имела четко оформленный комплекс идей и настроений. Это был и антиколониальный протест, и разочарование в тех, кто принес новую веру – в белых, которые воспринимались африканцами как антиподы христианских ценностей, которые они проповедовали. Надо сказать, что христианские принципы не были чуждыми для менталитета африканцев, они согласовывались с принципами традиционной этики. Поэтому африканцы особенно остро ощущали противоречивость деятельности белых колонизаторов, их жестокость, несправедливость, высокомерие – несоответствующие христианским истинам. Отношение к колонизаторам распространялось на миссионеров, которым не доверяли, проповеди которых воспринимались как лицемерные и лживые. Именно поэтому аборигены юга Африки, оставаясь христианами, выступали против христианских институтов белых и хотели создать свои независимые христианские церкви черных.

Это народное движение возглавили местные интеллигенты, как правило, это были священники и учителя, окончившие миссионерские школы, некоторые из них учились за границей, занимались самообразованием. Они пользовались библейскими образами в своих проповедях и своеобразных «пророчествах», так как хорошо знали Библию, изданную на местных языках.

Стремление создать собственные религиозные организации усилилось с интенсификацией притеснений африканцев со стороны европейцев. Особенно сильной эксплуатация африканцев стала с развитием золотопромышленности Витватерсранде, городе, который стал не только промышленным центром, но и значительным центром миссионерской деятельности.

Поводом для отделения от церкви белых христиан стал случай расовой дискриминации в 1892 г. на конференции ду-

ховенства методистской церкви. Среди методистского духовенства было немало священников-африканцев. Когда им запретили заседать вместе с белыми, пастор-африканец Мангена Мата Моконе собрал единомышленников и вместе с ними покинул методистскую церковь. В том же году он организовал в Претории новую религиозную общину, назвав ее «Эфиопская церковь».

Название это было заимствовано из Библии, где Африка упоминается под наименованием «Эфиопия» в контексте, истолкованном Моконе как пророчество об образовании самостоятельной африканской церкви [4, с. 239–241; 5, с. 216–217; 6, с. 446–474].

Помимо Эфиопской церкви, организованной Маконе, возникло довольно много подобных церквей, носивших то же название. Увеличение их числа было связано с проблемами, которые порождало все ухудшающееся положение коренного африканского населения. Страдающие от жестокой эксплуатации, втянутые в сферу капиталистических отношений и вырванные из традиционного образа жизни, африканцы постепенно обретали новое миропонимание. Зарождалось общеафриканское национальное самосознание. Одна из религиозных организаций – «Африканский христианский союз» – в 1896 г. приняла программный манифест из 20 пунктов. Манифест, в частности, поставил задачу: «...настойчиво и неуклонно проводить политику в осуществление лозунга “Африка для африканцев” и стремиться с помощью молитв и объединенных усилий к образованию африканской христианской нации, идущей, божьей милостью, своим путем» [7, с. 92, 93].

Следует отметить, что «Эфиопское движение», в годы после издания в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) убийственного для крестьян закона «о земле для туземцев», сотрудничало с первой политической организацией – Африканским национальным конгрессом (АНК).

Помимо движения Эфиопских церквей в ЮАС существовало движение «Сионских» сект. Название происходит от Американской Сионской церкви, возникшей в городе Сион-Сити в штате Иллинойс, и носит достаточно условный характер. В отличие от Эфиопских церквей которые существенно не изменяли христианскую религиозную догматику, «Сионские» церкви руководствовались идеей, что европейцы извратили Библию, а истинный ее смысл должны раскрыть именно угнетенные африканцы. Этот смысл (можно сказать, «народная теология», поскольку интерпретаторами были в основном крестьяне, в том числе иногда закончившие школу при миссии) основывался на Ветхом Завете. Новый Завет был объявлен изобретением белых. Проповедники этого типа сект считали африканцев «избранным народом», подобным иудеям, и утверждали, что Бог освободит африканцев от гнета европейцев, как некогда освободил иудеев из египетского плена. Одна из очень влиятельных сект этого типа называется сектой «Израильтян» и существует и поныне [8, с. 315–319].

Следует отметить, что в той или иной мере все афрохристианские движения основывали свою догматику – свою мифологизированную «народную теологию» – прежде всего на Ветхом Завете. Идеино-мифологическая основа Ветхого Завета – описание общинного быта древних иудеев, обычно-правовые нормы, регулирующие их жизнь – были близки африканцам и напоминали их собственные нормы, их мифологические предания. Близки африканцам были перипетии судеб древних иудеев, ибо Ветхий Завет насыщен социальной тематикой и содержит, прежде всего, в словах пророков призывы к ниспровержению угнетателей.

Прецеденты Ветхого Завета послужили основой для формирования социальной мифологии в рамках африканской «народной теологии».

Синкретическая догматика – «народная теология», различаясь в отдельных положениях, имела общие основные принципы во всех афрохристианских движениях.

Прежде всего, это своеобразное понимание центра догматики – положения о Троице – идеи о троичности и триединстве Бога. Бог-отец (безначальное первоначало) понимается африканцами как первоначальная безликая субстанция космогонических мифов (Амма у *догонов*, Ейо – у *фанг*, Зо у *бамбара* и т.д.) или как верховное божество (Занахари у *малагасийцев*, Мебеше у *фанг* и др.). В то же время не во всех политеистических культурах Африки можно четко выявить верховное божество, наделенное, согласно Библии, способностью творения. Более того, в африканских языках нет термина «творение», «создание», как не существует и соответствующих понятий. Поэтому перед миссионерами вставали вопросы, как назвать Всевышнего Бога в тех культурах, где многие божества наделены различными функциями и относительно равнозначны. Христианские миссионеры потратили много усилий для того, чтобы подобрать наименование Бога, адекватное библейскому понятию «творец».

Африканский ученый Окот п'Битек в своей книге «Африканские традиционные религии» рассказывает о случае, происшедшем в 1911 г. с итальянскими католическими миссионерами. Стремясь найти у народа *ачоли* наименование Бога-творца, они обратились к старейшинам с вопросом: «Кто вас создал (сотворил)?». На языке данного народа вопрос означал: «Кто придал вам форму?». Для старейшин вопрос звучал бессмысленно, ибо ясно, что людей рожают женщины. Миссионеры настаивали, и тогда один из старейшин вспомнил злого духа по имени Рубанга, который насыляет болезни, искривляющие позвоночник человека, в связи с чем человек меняет естественную форму, становится горбатым. «Рубанга, – сказал этот старейшина, – вот кто придает людям форму».

Так возникла парадоксальная ситуация – миссионеры в своих проповедях стали именовать Всевышнего Бога Рубангой, который «создал народ *ачоли*» [9, с. 60–63].

Следует отметить, что даже в культурах, где четко выделяется верховное божество, оно, как правило, наделено функцией распределения жизненной силы (жизненной энергии, жизненного дыхания) и наделения ею людей. Предназначение же человека – преумножать эту жизненную силу посредством создания многодетных семей. По поверьям африканцев, верховное божество, осуществив свою функцию – наделение жизненной силой, не вмешивается больше в жизнь людей. Другие функции – помощь людям, контроль их поведения и т.д. выполняют многочисленные второстепенные божества, духи (добрые или злые), предки (подобные богу). Именно поэтому в «народной теологии» Всевышнему Богу – первой ипостаси Троицы – не уделяется много внимания.

Гораздо важнее для африканцев христология (учение о Христе), которая занимает в африканской мифологической теологии значительное место и является самой эмоционально насыщенной частью синкретической догматики.

В христианском богословии Иисус Христос – вторая ипостась Троицы. Христологический догмат является центральным принципом христианского вероучения, акцентируя внимание, с одной стороны, на явлении Бога в Христе, с другой – на «вочеловечении» Христа, разделившего не только все естественные условия человеческого существования, но и специально неблагоприятные социальные условия (рождение в стойле для скота, преследование властей, поношения, побои и унизительную казнь путем распятия на кресте) [2, с. 601–603; 10, с. 306–307].

Все эти детали догмата о Христе стали в Африке основой для формирования различных вариантов мифологических представлений о его личности, роли в истории Африки и в ситуациях, адекватных для тех или иных синкретических движений. Прежде всего, не только в идеологии синкретических движений, но и в историческом (традиционном) христианстве в Африке Иисус Христос предстает как чернокожий человек, так или иначе связанный с историей Африки.

Идеи первородного греха и искупления Христом вины людей не воспринимаются африканцами и как бы «опускаются» в их христианской мифологии. Зато идеи противостояния римским властям, идеи протеста (усугубленные в африканской интерпретации) особенно близки угнетенным африканцам, которые видят в этих идеях аналогию со своим собственным положением, что порождает надежды на свое освобождение.

Вообще идея богочеловека, посредника между Всевышним Богом и миром людей, является самой освоенной и распространенной в различных вариантах мифологизированной теологии африканцев. И, одновременно, догмат об Иисусе Христе подвергся самым вольным интерпретациям в афрохристианской мифологии. На Юге Африки, где особенно интенсивным было угнетение и унижение европейцами коренных жителей, эти интерпретации приняли особенно резкие формы. Во многих южноафриканских сектах Христос воспринимался только как Бог белых людей, который не может помогать чернокожим, как не помогают им белые колонизаторы. Эта идея возникла во многих других странах Африки. Чаще всего это положение мифологии о Христе оформляется следующим образом: Христос – это Мессия, который пришел в мир людей, чтобы спасти угнетенных белых иудеев. Бог пришлет другого Мессию, который спасет угнетенных чернокожих. Эта формула обосновывает не только ожидание нового Мессии, но и наделение его полномочиями лидера (пророка) синкретического движения.

Так произошло в зулусской Назаретской баптистской секте. Секта образовалась в 1911 г. в результате выхода из Независимой Африканской туземной баптистской церкви группы прихожан во главе со священником из крестьян Исайей Шембе. Исайя Шембе завоевал невероятную популярность своими проповедями, пророческими «видениями» и практикой исцеления людей. Назаретская секта привлекла тысячи африканцев и стала одной из самых значительных сект в ЮАС, что объяснялось, прежде всего, харизматиче-

ской личностью Исаяи. Он обладал убежденностью, добротой, самоотверженностью, огромным личным обаянием и другими достоинствами. Не случайно Исаяя Шембе стал восприниматься верующими как Спаситель, новый Мессия. Многие называли его Иисусом Христом [4, с. 251–252, 265–266].

Своеобразно восприятие африканцами догмата о третьей ипостаси Троицы – «Святом духе». Как образ этот догмат чужд африканцам, а сама идея интерпретируется ими очень своеобразно, но в соответствии с традиционными верованиями и обрядностью. Так, в африканских верованиях очень распространенной является тема вселения духа в человека. Это может быть злой дух, вызывающий болезни, безумие, асоциальные поступки. Существуют ритуалы, изгоняющие злого духа и исцеляющие человека. В широко распространенном культе предков существует поверье, что дух предка может вселиться в человека по просьбе общины и помочь в исцелении больного, в ритуале вызывания дождя, в прекращении мора скота и т.д. Явление вселения духа называется одержимостью, а вселению духа предка предшествует сложный ритуал, в ходе которого избранные знахарем посредники постепенно вводятся в транс (одержимость) и якобы через них предок передает свои советы, участвует в делах общины, помогает исцелению.

«Святой дух» как третья ипостась Троицы воспринимается африканцами как «Богодуховность», способная вселиться в избранного Богом человека – Пророка, нового Мессию или его Апостола. Состояние транса (одержимость) такого человека, проявляющееся как дрожание тела, конвульсивное подергивание рук и ног, выкрикивание нечленораздельных звуков или неожиданно быстрый танец, воспринимается как вселение «Святого духа» – показатель богоизбранности данной личности. Состояние одержимости – характерный признак поведения практически всех лидеров афрохристианских движений. В то же время центральной во всех вариантах афрохристианской мифологии является фи-

гура Черного Христа (или его заместителя). В нем соединены различные образы: традиционно-мифологические, а также библейские, традиционно-исторические. Это и образ Освободителя-Моисея, освободившего древних иудеев из рабства и показавшего им путь в Землю Обетованную. Это и образы исторических героев, обожествленных вождей, и это главный образ – образ Спасителя, Мессии, который спасет самый угнетенный избранный народ – африканцев – и установит на земле царство добра и справедливости. Гимн Назаретской церкви гласил: «Ныне мы посмешиме всех народов. Так проснись же, Африка, ищи своего Спасителя, ведь сегодня наши мужчины и женщины – рабы. Африка, поднимайся!» [4, с. 269].

Необходимо обратить внимание на то, что с самого раннего периода афрохристианские движения несли в себе довольно сильную протестантскую составляющую. Уже антонианские ереси в эпоху Средневековья были направлены против португальских рабовладельцев. В то же время в некоторых афрохристианских движениях уже звучали, хотя и робко, элементы социальных проектов. Антонианское движение XVIII в. призывало возродить Конголезское королевство. В уже упоминавшемся Манифесте Африканского христианского союза в 1896 г. один из пунктов призывал «...к образованию африканской христианской нации, идущей, божьей милостью, своим путем».

Особенно сильными протестные настроения стали в 20-х гг. XX в., в эпоху формирования массовых антиколониальных движений. Характерны они были особенно для афрохристианских синкретических движений пророческого (апостольского) типа. Такие движения характерны для различных регионов Африки. Это, например, движения Уильяма Ваде Харриса (уроженца Либерии) в странах Гвинейского побережья [6, с. 458, 465–466], движение «Пробуждение» на Мадагаскаре, в котором ведущую роль играют сменяющиеся пророки и пророчицы.

Важную роль в подъеме национально-освободительного движения сыграли пророческие секты в Бассейне Конго в 20–50-е гг. прошлого века. В этом регионе возник напряженный очаг религиозно-политической активности населения. Способствовала этому напряжению экономическая и социально-политическая обстановка. В 1921 году экономический кризис мировой системы империализма затронул и наиболее развитые районы Африки, каким был район Бельгийского Конго. Жестокая эпидемия усугубила и без того ухудшившееся положение крестьян, их недовольство.

В то же время к этому периоду в стране сформировалась африканская христианская элита, состоящая из учителей, помощников миссионеров, священнослужителей. Они были выпускниками школ при миссиях, чаще протестантских, были в достаточной степени социально развиты, при этом политические организации, особенно в Бельгийском Конго, были под запретом.

Сочетание роста народного возмущения и наличия националистически настроенной элиты создало ситуацию, готовую к массовым выражениям протеста. Однако к массовому антиколониальному выступлению еще не были готовы ни народ, ни элита. Естественной формой протеста в этих условиях стали религиозные формы, направленные против религии белых колонизаторов. Они осуществлялись в рамках христианского вероучения, пропущенного через призму традиционных верований и традиционного мифологического мышления. В результате появились религиозно-националистические движения, самым значительным из которых стало в 1921 г. движение Симона Кимбангу. Симон Кимбангу, принадлежавший к новой христианской элите, происходил из крестьян, в роду которых было много знахарей, целителей. Он окончил школу при протестантской миссии и, будучи умным человеком, хорошо изучил Библию и стал учителем катехизиса, помощником миссионера. Несколько лет он проработал в Киншасе и других городах, где

активно общался со своими коллегами, а также, по некоторым сведениям, с американскими пропагандистами панафриканизма [11, с. 477].

С момента своего появления движение во главе с С. Кимбангу приобрело социально-политическую окраску. В книге конголезского историка Марсиаля Синда «Конголезский мессианизм и его политические последствия» дается краткое изложение сути этого вероучения. Симону Кимбангу якобы во сне явился Бог и заявил, «что он станет посланцем Бога на земле и так же, как Христос освободил белую расу, Магомет – арабов, так Кимбангу освободит черную расу... Он Мессия, ожидаемый народом *баконго*. Бог... послал Кимбангу на землю, чтобы провозгласить равенство людей; белый человек не будет отныне находиться в привилегированном положении» [12, с. 52].

В этом движении антиколониальные настроения соединяются с антирасистскими, направленными против расизма белых колонизаторов, считавших африканцев представителями низшей расы. И все эти настроения облекаются в религиозную христианскую форму, соединяясь с традиционными верованиями.

Следует отметить феномен повышенной религиозности африканцев. «Африканская жизнь, – пишет нигерийский исследователь Д. Оджо, – вообще насквозь пропитана религией. Не будет преувеличением сказать, что религия является не просто неким комплексом африканской культуры, но катализатором других комплексов» [13, с. 158]. В данном случае религиозное содержание кимбангизма стимулировало антирасистский и антиколониальный протест. Популярность Кимбангу достигла невиданных размеров. Кроме его пророчеств и речей с библейскими примерами на людей неотразимо действовал «открывшийся» в нем дар целительства и, как казалось очевидцам, вселение в него Святого Духа, так как во время своих действий Кимбангу начинал дрожать, входил в транс и в таком состоянии выкрикивал свои пророчества и

призывы. Тысячи людей стекались в его деревню Нкамбу, провозглашенную «Новым Иерусалимом», чтобы послушать пророка Кимбангу и пойти за ним. Кимбангу пророчествовал о скором «конце света», когда предки вернутся в мир людей и с ними для африканцев – божьих избранников – наступит вечное «царство свободы и справедливости».

Характерно, что в своих взглядах Кимбангу был довольно консервативен, однако его последователи – младшие пророки – истолковали его пророчества значительно более радикально, придавая им острый социально-политический смысл. И народ подхватывал эти истолкования, потому что они отвечали антиколониальным, антирасистским настроениям масс. Так возникла новая мифология, связанная с личностью Кимбангу, а позже и других пророков бассейна Конго. В развитии кимбангизма большое значение имела совершенно мифологическая идея об «освободительной миссии» американских негров, о «втором пришествии» черных братьев из Америки, в которой библейские сюжеты переплелись с культом предков и с многообразными взаимовлияниями Африки и чернокожей Америки.

После ареста Кимбангу мифология кимбангизма продолжала развиваться. Ее положения обозначены в публичном обращении к колониальным властям: «Наш божий посланник арестован, но он недолго будет оставаться в ваших руках. Если вы захотите его убить, он перейдет в другого. У вас был Иисус, которого тоже предал за тридцать монет один из собратьев. Иисуса больше нет, но у вас есть папа и священники, значит, он миллион раз воскрес. У нас будет то же самое. Если уйдет Кимбангу, у нас найдутся другие, чтобы его заменить» [11, с. 482].

И действительно, после смерти Симона Кимбангу его движение продолжало существовать, появлялись новые пророки, действующие от его имени или претендующие на роль преемников Кимбангу. Новый мощный импульс афрохристи-

анским пророческим движениям дала Вторая мировая война и ее последствия.

Наибольший резонанс получило движение во главе с пророком Симоном Мпади, называвшим себя прямым преемником Кимбангу. Порой он выступал и под его именем, как новое воплощение С. Кимбангу. Он явился инициатором создания независимой африканской церкви – Миссии негров, существующей и сегодня. В этой церкви также возникает идея об «освободительной миссии американских негров» как возвращении некогда покинувших Африку предков.

Можно выделить основные черты мифологизированной теологии афрохристианства. Во-первых, это переосмысление христианства в духе традиционного мировидения, в частности, культа предков. Переосмыслению подвергалась идея спасения, которое понималось не как посмертное воздаяние и спасение души, а как реальное спасение, избавление от угнетения и расовой дискриминации в земной жизни человека. Логичность такого переосмысления для африканцев объяснялось чуждостью для них идеи «первородного греха», которой противостояла идея жизненной силы, жизнеутверждающего начала африканского мировидения. Переосмыслялась и сама идея греха, ибо грех понимался прежде всего по отношению к колонизаторам, а для африканцев греховным было желание стать, как белые, идентифицироваться с ними.

Во-вторых, образ Иисуса Христа воспринимается в двух вариантах – либо как чернокожий Спаситель всех угнетенных, в первую очередь африканцев, либо как Спаситель только белых людей. Для спасения африканцев ожидается новый Мессия. Африканские пророки – Симон Кимбангу, Симон Мпади, Андре Мацуа, Исаяя Шембе – воспринимаются как новые Миссии, или Мессия в разных воплощениях.

В-третьих, состояние транса (одержимости), сопровождающее многие африканские традиционные ритуалы, воспринимается у пророков-Мессий как показатель вселения Святого Духа.

В-четвертых, как обязательный признак божьего посланника – пророка, Мессии – воспринимаются божественные видения, чудесные исцеления и т.д.

О формировании афрохристианского самосознания и идентичности у американских рабов – выходцев из Африки

Мы упоминали о взаимных влияниях в восприятии христианства африканцами и афроамериканцами. В связи с этим представляется существенным коротко рассмотреть специфику христианской идентичности афроамериканцев, воздействие на нее африканского субстрата, а также последующее влияние идей афроамериканцев на христианскую идентичность африканцев, на их афрохристианскую мифологию.

Особенностью христианской идентичности рабов в США было то, что они познакомились с христианским верованием лишь в последней четверти XVIII в., после того, как несколько поколений рабов жили, передавая из поколения в поколение верования, предания, суеверия, которые они принесли из Африки. Это уже была не вера, сопровождаемая ритуалами и пронизывающая всю социальную жизнь. Рабы были людьми, потерявшими себя, впавшими в отчаяние. Единственным институтом, сохранившимся у них, был институт ведунов-знахарей, которые лечили их заговорами и травами. Некоторые из них занимались магией, пугая и без того замученных людей. Из верований сохранились элементы культа предков, вера в духов; сохранился у рабов и мифологический склад мышления.

Массовая христианизация рабов началась в конце XVIII – начале XIX в., прежде всего, баптистскими и методистскими миссионерами-проповедниками. Христианское верование, переплетаясь с африканскими верованиями и пропущенное через призму мифологического мировидения,

дало в результате синкретическую систему, которую в США впоследствии назвали «черным христианством» или «черной теологией».

Значение этого варианта христианства для чернокожих рабов было очень велико. По сути, оно помогло им остаться людьми, не превратившись в оступевших животных.

Прежде всего, чернокожих рабов привлекла идея Спасения, в которой они увидели две грани – «потустороннюю» и «посюстороннюю». Первая грань помогла рабам идентифицировать себя с грядущим после смерти раем, что возвышало их в собственных глазах, тем более что их врагов-рабовладельцев после смерти, согласно христианству, ожидало возмездие – ад. Вторая грань Спасения внушала им надежду на спасение в реальной жизни, ибо библейские сюжеты давали примеры избавления от египетского плена угнетенных иудеев, с которыми они себя отождествляли.

Во время гражданской войны чернокожие рабы из южных штатов Землей Обетованной считали Север страны, где не было рабства, а президента Авраама Линкольна нередко ассоциировали со Спасителем, то есть Иисусом Христом. В среде рабов идея свободы оформилась как высшая ценность, с которой они себя идентифицировали. Мифологизированная «народная теология» американских рабов сходна с африканской. Они в качестве основы своих интерпретаций брали Ветхий Завет, предания которого они воспринимали как собственную историю. Фигуру Христа они воспринимали как того, кто страдал и кто на их стороне. Себя они считали «богоизбранным» народом, представителями «нового Израиля». Идентифицируя свою судьбу с историей Исхода, они обретали надежду, цель и смысл новой жизни.

Таким образом, мифологизированное и интерпретированное для себя христианство стало для рабов США спасительным новым мировидением и основой их идентификации. Большое значение для афроамериканцев, прежде всего рабов, имела церковь и религиозные организации. Если в США, а

также в Африке имелись различные институты, в Африке прежде всего традиционные, то для американских рабов, вырванных из системы социальных связей, единственными институтами стали религиозные общины, а единственными формами социальной активности – молитвенные собрания. Официальные воскресные собрания проводились в специальных помещениях – часовнях, построенных рабовладельцем, или просто в сараях.

Однако кроме этих официальных собраний рабы устраивали вечерние или даже ночные молитвенные собрания, на которых они вели себя более свободно и раскованно – молились, обращались к Богу с жалобами и просьбами. Основной формой молитв и обращений к Богу были духовные песнопения – спиричуэлс, в которых содержались фрагменты молитв, фразы из Библии, собственные слова. Эти песнопения звучали ритмично, в стиле африканских мелодий, сопровождалась хлопками рук, притопыванием и производили странное и завораживающее впечатление. Руководил молитвенными собраниями официальный проповедник, посланный церковью, но на многих плантациях не хватало церковного проповедника, и им становился наиболее уважаемый прихожанин из числа рабов. На ночных же собраниях, не всегда дозволенных, центральной фигурой был проповедник из рабов. Фигура черного проповедника приобрела в среде афроамериканцев невероятное значение. Кроме произнесения проповеди – сочетания спиричуэлс с нравоучительными рассказами – проповедник занимался многими другими делами, становясь одновременно просветителем, советчиком, адвокатом, иногда целителем, а позже – политическим пропагандистом, лидером общины.

Надо иметь в виду, что с самого начала своего приобщения к христианству афроамериканцы (даже свободные на Севере) столкнулись с расовой дискриминацией и сегрегацией в церкви. Поэтому вопрос о независимых «черных» церквях встал очень рано, уже в конце XVIII в. В результате в

1794 г. на Севере возникли две независимые «черные» церкви – Африканская методистская епископальная и Африканская протестантская епископальная. Вначале они входили в соответствующие церковные организации белых, но уже в начале XIX века негритянские церкви в разных городах северных штатов объединились в независимые религиозные организации афроамериканцев. В большинстве названий этих организаций присутствовали африканские компоненты [14, с. 220–221]. Церковные организации афроамериканцев стали сильными и влиятельными, особенно после отмены рабства в 1865 г. Многие из них помогали африканским независимым церквам, особенно на юге Африки.

Так, Африканская методистская епископальная церковь стала к концу XIX в. мощной организацией, издававшей газету «Голос миссий», и оказала большую помощь движению Эфиопских церквей в ЮАС. В 1898 г. в Капскую колонию приехал епископ Африканской методистской епископальной церкви Х.М. Тарнер. Он помог упорядочить структуру Эфиопской церкви, рукоположил 65 священников–африканцев. На привезенные из США деньги он помог организовать семинарию [4, с. 240].

После отмены в 1865 г. рабства положение африканских рабов улучшилось несильно. Они стали свободными, могли покинуть бывшего рабовладельца, но многие оставались на плантациях, так как работу найти было сложно. Расовая дискриминация и сегрегация не уменьшились. Став американцами, бывшие рабы не получили никаких прав. Главным прибежищем их социальной активности оставались независимые афроамериканские церкви, в которых постепенно сложилась своя теология, столь же мифологизированная, как и в Африке, и своя религиозная практика. Надо сказать, что христианизация не стала для афроамериканцев (как и для африканцев) новым религиозным опытом, это было расширением их прежнего мифорелигиозного опыта. Сохранился дух утверждения жизни, жизненной силы во всех ее

проявлениях, и именно жизнь, жизненная сила, осталась основной ценностью. Страдания, выпавшие на их долю, утвердили у афроамериканцев веру в свою особость, богоизбранность, и эта мысль об «особом народе» сохранилась надолго, интегрируясь с идеями «черного сепаратизма» в негритянском национализме.

Что это такое – «черная теология»?

Афроамериканские священнослужители, теологи были убеждены, что практика рабства и последующая дискриминация чернокожих несовместимы с сутью христианства. Так возникла идея об «истинном» христианстве у чернокожих и извращенном, лицемерном христианстве, которое исповедуют белые расисты.

Идеи «избранного народа» («нового Израиля»), обособленности «черной нации» были развиты Маркусом Гарви¹ в начале XX столетия в противоположность идеям демократического интеграционализма Уильяма Дюбуа.

Религиозный аспект гарвеизма включал идею о том, что черной, независимой должна быть не только церковь афроамериканцев, но черным должен быть и Бог. Бог не имеет цвета, считал М. Гарви, но каждый народ видит его через свои специфические очки. Белые видят Бога через белые очки, но это чужой Бог для афроамериканцев и те, кто поклоняется белому Богу, сами обрекают себя на угнетение. Своего Бога афроамериканцы видят через свои, черные очки.

---

¹ Маркус Гарви, выходец с Ямайки, основал в 1914 г. Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров (ВАУПН), имевшую отделения во многих странах. Идеи М. Гарви представляют радикальную форму черной националистической идеологии, которая включает элементы абстрактного панафриканизма, требования деколонизации Африки и призывы к репатриации афроамериканцев на историческую родину, идеи создания особого негритянского сектора в экономике.

Еще более радикальной эта идея стала у сподвижника Гарви, епископа Межнациональной африканской православной церкви Дж.А. Макгайра. Он призывал сжигать изображения белой Мадонны и белого Христа, чем вызвал возмущение многих афроамериканских священнослужителей.

Следует отметить, что проблема цвета и идея черного Христа имеют скорее условно-метафорическое значение и знаменуют символику черноты как знака страдания, угнетения и унижения, но также и гордости.

Именно такое значение придавалось черному цвету как социально-ценностной категории в оформившемся в 60-е гг. XX в. богословском учении афроамериканцев, названном «черной теологией». До 1960-х гг. и в Африке и в США мифотеологические идеи возникали спонтанно и были скорее формами народного протеста, «народной» теологией. В то же время эти формы идеологии стали основаниями христианской идентичности в специфической афрохристианской форме.

В 1960-е гг. в Африке – после получения независимости и в ходе движения за деколонизацию, прежде всего духовную – а в США на пике борьбы за гражданские права, огромное значение приобретает религиозная сторона массового национализма. Этой стороной и стала «черная теология», активно разрабатываемая афроамериканскими учеными-философами, теологами, религиоведами.

Нам представляется необходимым уточнить наименование теологических исканий в Африке и в США. Националистические движения в различных формах и в Африке и в США всегда были связаны с религиозными движениями, часто выступавшими как форма национализма.

Национализм достиг в США в 1960-е гг. невероятного эмоционального накала. По сути своей он был антирасистским и выступал против расовой дискриминации, сегрегации, против чувств униженности и неполноценности, испытываемых чернокожими, и поэтому религиозные формы это-

го антирасизма в наименовании содержали знаковый эпитет «черный»: «черное христианство», «черная теология».

Мы уже неоднократно говорили о взаимных влияниях Африки и чернокожей Америки. Если африканские культурные реалии легли в основу субстрата основных идейно-религиозных течений афроамериканцев, то более поздние афроамериканские религиозные организации и формы богословия оказали обратное влияние на африканское христианство. Такое влияние было особенно активным в связи с тем, что уже с 1820 г. началась миссионерская деятельность в Африке афроамериканских независимых церквей. Особенно это характерно для ведущей афроамериканской церкви – Африканской методистской епископальной церкви в США, которая своей миссионерской деятельностью способствовала созданию своих филиалов в ЮАР, в Замбии, в Зимбабве, в Лесото, Гане, Намибии, Либерии. Особенно крупная Африканская методистская епископальная церковь имеется в ЮАР, где она насчитывает более 300 тысяч прихожан. Естественно, что эти церкви стали проводниками влияния афроамериканских идей.

В Южной Африке существовало и существует сегодня наименование «черная теология». В других регионах Африки употребляются наименования «африканская теология». В связи с этим характерным было выступление лютеранского пастора и теолога из ЮАР Манаса Бутелези, который заявил, что необходимо различать «африканскую теологию» и «черную теологию», так как «африканская теология» связана с африканизацией всех сторон жизни, а «черная теология» не принимает во внимание свое культурное наследие [15]. Последнее, кстати, не совсем верно.

Рассмотрим коротко, в чем же специфика «черной теологии» в США.

Главным в «черной теологии» является теоретическая рефлексия по поводу направленности Божьих деяний, которые характеризуются как социальные, имеющие своей целью

освобождение угнетенного избранного народа. Таковым было освобождение Богом древних иудеев из рабства египетского.

Один из виднейших теоретиков «черной теологии» Джеймс Коун (Африканская методистская епископальная церковь) писал, что история угнетения негров в США – это современный аналог библейского опыта. Поэтому, если Бог был на стороне угнетенных иудеев, значит, он сегодня на стороне угнетенных негров.

Библейская истина о том, что Бог действует с целью спасения людей, трактуется в «черной теологии» как спасение не только духовное, но также и социально–экономическое и политическое.

«Господь есть Бог угнетенных, – пишет Дж. Коун, – черное богословие не может принять взгляд на Бога, который представлен не в виде чернокожего. У чернокожих, живущих в мире белых угнетателей, нет времени на нейтрального Бога, Бога, который любит белых так же, как черных. Нам нужна божественная любовь, которая любыми средствами разрушит силу угнетателей здесь и сейчас» [16, с. 70].

Коун считает, что в современных США назрели предпосылки для коренного пересмотра всей системы христианства в духе «черной теологии», исследования негритянского жизненного опыта и его отношения к Библии и христианству. Современное христианство должно быть осмыслено, – считает Коун, – в терминах «черной теологии».

В чем же состоит это переосмысление христианства? Прежде всего, это якобы восстановление подлинной библейской истории с целью показать связь Христа с условиями существования черных. Для решения этой задачи наметилось два подхода:

Первый подход связан с отношением к содержанию Священного Писания как историографическому материалу.

Второй подход предполагает условно-символическое содержание Писания и необходимость его истолкования.

В русле первого подхода предпринято множество попыток представить иудеохристианство как африканское по своим корням явление, а Христа как представителя негроидной расы. Отсюда истинным является древнее «черное христианство», а получившее распространение «белое христианство» не истинно, и не случайно оно стало орудием зла и расового угнетения.

Второй подход – герменевтический – исходит из того, что традиционные положения вероучения представляют собой иносказания, которые можно рассматривать, лишь соотнеся конкретные библейские ситуации с драматическим состоянием несвободы американских негров.

Белые христиане не поняли, считают сторонники этого подхода, что недостаточно признать Иисуса Христа чернокожим. Главное в том, что черный Христос – символ, знаменующий присутствие Бога там, где страдает человек. В сегодняшнем мире больше всего страдает американский негр, а значит, Христос, страдающий за людей и вместе с людьми, подобен негру. Развивая дальше символику черного цвета, Д. Коун в книге «Теология черных и власть черных» пишет о том, что быть черным в Америке не всегда связано с цветом кожи. Быть черным – это значит сердцем и душой быть с обездоленными. Теоретики «черной теологии» – Джеймс Коун, Альберт Клидж, Дж. Джозеф и другие считают основой христианства Ветхий Завет, который дает прямые ответы на нужды и запросы сегодняшних негров.

Проведя параллель между библейской историей «черных израильтян» и историческими судьбами негритянского народа, А. Клидж делает вывод об особом предназначении чернокожих и их богоизбранности. Наша религия, наше моление, наше учение, – говорил он, – все исходит из Ветхого Завета, потому что мы – избранный Богом народ. Суть учения Христа А. Клидж видит в указании на то, что избранному народу надо объединиться, чтобы противостоять белым угнетателям. Как Клидж, так и Коун возражают против по-

нимания христианства как религии любви и всепрощения. Этот постулат, по их мнению, и привел к тому, что христианство стало орудием угнетения [17; 18].

В идеях «черной теологии» заметны черты современного фундаментализма, который анализирует Ш. Эйзенштадт в статье «Возрождение религиозного фактора в контексте “многих современностей”». Он пишет о новых социальных движениях, в частности о движениях фундаменталистского толка, которые вызваны к жизни противоречивыми процессами глобализации. Побудительными факторами этих движений стало, например, возрождение «подавленных идентичностей» и их позиционирование в центр своих обществ и часто даже международных отношений. Новые социальные движения хотят быть признанными не только в частной, но и в публичной сферах своих обществ, участвовать в гражданском обществе и в отношениях с государством как особые культурные группы. В то же время они сохраняют связи с более широкими надгосударственными и наднациональными общностями – цивилизациями и мировыми религиями, становятся участниками мировой политики.

Эйзенштадт подчеркивает, что появление фундаменталистских религиозных движений не означает простого возврата к некоторым традиционным формам религии, но представляет реконструирование религиозного фактора и использование его в более широких, прежде всего политических, целях [19, с. 10]. Эти рассуждения Эйзенштадта могут быть отнесены к религиозно-фундаменталистскому движению «черной теологии» как части черного национализма в США.

Позиционирование «черной нации» в центр гражданской жизни особенно ярко проявилось в таком аспекте «черной теологии», как «теология освобождения».

«Теология освобождения» в США

Следует уточнить, что «теология освобождения» это не только аспект «черной теологии», но и более широкое явление, выходящее за рамки «черной теологии». «Теология освобождения» не является специальной теологической доктриной, это скорее комплекс идей, имеющий сходные теоретические предпосылки и проявляющийся специфически в различных регионах – в США, в Латинской Америке, в Африке, в Азии.

В США теоретическими предпосылками «теологии освобождения» были исследования теологов движения «социального евангелизма», лидером которого был известный протестантский теолог Уолтер Раушенбуш, живший в конце XIX – начале XX в. В своей книге «Христианство и социальный кризис» (1907) и в других произведениях У. Раушенбуш отвергал концепцию трансцендентного Бога – Бога, находящегося по ту сторону человеческого опыта, и утверждал, что Бог имманентен миру, он присутствует в человеческом опыте. Поэтому человек должен жить по велению совести, чувствуя всегда присутствие и поддержку Бога.

Сторонники социального евангелизма выступали за социальное реформирование церкви в соответствии с идеями и духом Христа. Они считали, что церковь ответственна не только за индивидуальное спасение, но и за состояние общества в целом. У. Раушенбуш, в частности, призывал к мирной революции духа, к участию в общественной жизни [20, с. 613–614; 21, с. 420–421].

Широкое развитие, как теоретическое, так и практическое, получила «теология освобождения» в Латинской Америке. Сам термин «теология освобождения», скорее всего, прозвучал впервые в Латинской Америке, возможно в книге видного богослова, социалиста, иезуита из Перу Густаво Гутьерреса Мерино «История, политика и спасение в теологии освобождения». Густаво Гутьеррес, основываясь на положе-

ниях Священного Писания и на исторических примерах, сформулировал вывод о взаимообусловленности двух начал – спасения души и непримиримой борьбы за земную справедливость. Крупнейший апологет теологии освобождения богослов Игнасио Елькура заявил об универсальности «теологии освобождения» в мире, где существует бедность, и выдвинул идею особой цивилизации – цивилизации бедных в противоположность цивилизации богатых, которая как Молох пожирает людей и планету. Елькура и бразильский богослов Хуан Собрино сравнивают смерть людей в бедном мире Юга с жертвоприношением Яхве и говорят об обладании ими «стихийной иисусовой святостью» [22].

У истоков «теологии освобождения» в Латинской Америке стояла практика – движение первичных общин в сельских районах, появившееся в 1957 г. в Бразилии. В 1964 г. оно было включено в «Первый национальный пасторский план на 1965–70 гг.». В этом движении участвовали также студенты и рабочие, объединившиеся в организацию «Католическое действие». Эти движения организовывали внецерковные собрания, на которых зачитывались и обсуждались положения Библии, которые связывались с насущными проблемами – проблемой бедности, а также связи библейских истин с задачами революции.

В Латинской Америке есть сторонники «теологии освобождения» – герои революции. Это, например, Эрнесто Че Гевара, Камило Торрес, Мануэль Перес Мартинес.

О Че Геваре знают все. Камило Торрес – священник, присоединившийся в 1965 г. к партизанам Армии национального освобождения в Колумбии. Он был «духовным отцом» партизан, их врачом, учителем и бойцом. В 1966 г. Камило Торрес погиб в бою с карателями.

Мануэль Перес Мартинес (испанец, теолог) в 80-х гг. присоединился к партизанам в Колумбии, вел большую разъяснительную работу, погиб в 1998 г.

Знаменательны слова Камило Торреса: «Мой долг как священника сделать все, чтобы люди встретились с Богом, а для этого самый эффективный путь – помочь людям служить народу по совести» [22].

В США, в отличие от латиноамериканской «теологии освобождения», черная «теологии освобождения» не акцентирует внимание на проблеме бедности. Основываясь на тезисе о социальном измерении догмата о Спасении, «теология освобождения» утверждает, что Божественный Промысел направлен на спасение всех людей от угнетения, поэтому каждый, кто верит в Бога, должен стремиться к освобождению, в том числе при помощи политических действий и революции.

Комплекс идей, который в США можно объединить в «теологию освобождения», сложен и противоречив как в своих теоретических основах, так и в практических программах.

У истоков «теологии освобождения» в США стоит фигура Мартина Лютера Кинга – афроамериканского религиозного и общественного деятеля, баптистского священника, теолога и философа, лидера Движения за гражданские права чернокожих. М.Л. Кинг был сторонником и теоретиком ненасильственного сопротивления чернокожих политике сегрегации и дискриминации. Его взгляды легли в основу особого направления «теологии освобождения», ориентирующегося на освобождение методами прямого ненасильственного сопротивления. В своем произведении «Паломничество к ненасилию» Кинг формулирует принципы ненасильственного сопротивления: ненасилие есть борьба, сопротивление, путь сильных людей; ненасилие апеллирует к разуму и совести противника; оно направлено против зла, а не людей, которые сотворили зло; ненасилие обязывает принимать страдания без возмездия; избегать не только внешнего насилия, но и внутреннего насилия духа, чтобы побеждать противника любовью; ненасилие исходит из веры в справедливость миро-

здания. Кинг выступил против ортодоксального протестантского представления о том, что образ Божий в человеке полностью разрушен вследствие грехопадения Адама. Кинг утверждал, что он только искажен и «страшно испуган». Восстановить этот Божий образ можно любовью и верой. В человеке сохранились могучие силы к созиданию, но сам он не может их проявить. Нужна великая вера, которая «откроет дверь для работы Бога», обеспечивая чудесное единство божественной и человеческой воли для ликвидации греховного расизма. Долг христианина, – считал Кинг, – не примиряться с дискриминацией чернокожих, однако сердце его не должно ожесточаться, насилие нельзя ликвидировать силой [23]. М.Л. Кинг предложил программу ликвидации расизма и возглавил практическую борьбу за права чернокожих ненасильственными методами. В 1955 г. Кинг возглавил массовые выступления за равноправие чернокожих, продолжавшиеся несколько лет, результатом чего стало принятие в 1964 г. Закона о гражданских правах и в 1965 г. Закона об избирательных правах негров. В 1964 г. М.Л. Кинг стал лауреатом Нобелевской премии мира. Он продолжал борьбу за ликвидацию расизма, за справедливость и человеческое достоинство, так как принятие законов о правах не ликвидировало фактического неравенства.

Ненасильственные методы уже не удовлетворяли чернокожих, начались бунты в негритянских гетто, появились новые лидеры, выдвинувшие лозунг «Власть черным!». В 1968 г. М.Л. Кинг был убит в Мемфисе (штат Тенесси).

Лозунг «Власть черным!» появился в пространстве идей «черной теологии», а «теология освобождения» стала ее стороной, аспектом. В этом русле «теология освобождения» в качестве главной задачи видит поиск библейских оснований освободительной борьбы во всех ее формах – как мирных, так и насильственных, революционных. Лозунг «Власть черным!» ознаменовал появление нового этапа борьбы, после принятия законов, предоставляющих афроамериканцам

все права. В конце XX века и в XXI веке далеко не всех чернокожих в США можно назвать жертвами расизма. Многие из них получили образование и сделали карьеру, афроамериканцы успешно занимаются бизнесом. Однако, «теология освобождения» в США продолжает существовать как ответ и выражение глубочайшей исторически развивавшейся социально-психологической травмы, которую испытывали многие поколения афроамериканцев. Стигматы веков рабства, унижения и бесправия все еще кровоточат.

И тем не менее, необходимо сделать вывод о том, что специфическое христианское самосознание афроамериканцев сложилось, сформировалась и их, также специфическая христианская идентичность.

Литература

1. *Lincoln C.E.* Preface. Cone J.H. Liberation. A Black Theology of Liberation. – N.Y., 1970.
2. *Аверинцев С.С.* Христианская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – Москва – Минск – Смоленск, 1994. – Т. 2.
3. *Львова Э.С.* История Африки в лицах. – М., 2002.
4. *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. – М.: Наука, 1964.
5. *Оля Б.* Боги Тропической Африки. – М.: Наука, 1976.
6. *Шпажников Г.А.* Христианско-африканские церкви и секты // Традиционные и синкретические религии Африки. – М.: Наука, 1986.
7. *Roux Ed.* Time longer than rope. A History of the black man's struggle for freedom in South Africa. London, 1949.
8. *Шпажников Г.А.* Религии стран Африки: справочник. – М.: Наука, 1981.
9. *П'Битек Окот.* Африканские традиционные религии. – М.: Наука, 1979.
10. *Кырлежев А.И.* Христология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 2010.

11. *Кара-Мурза А.А.* Синкретизм в Западной Экваториальной Африке // Традиционные и синкретические религии Африки. – М.: Наука, 1986.
12. *Sinda M.* La messianisme congolais et ses incidences politiques. – P., 1972.
13. *Ojo G.J.O.* Yoruba Culture: A Geographical Analysis. – L., 1966.
14. *Нитобург Э.Л.* Об «африканизмах» в религии афроамериканцев // Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе. – М.: Наука, 1996.
15. *Buthelzy M.* African Theology and Black Theology: A search for a theological method, in H.–J Becken (ed): Relevant theology for Africa. – Durban: Lutheran Publishing House, 1973.
16. *Cone James H.A.* Black Theology of Liberation. – Fortieth Anniversary Edition. 2010.
17. *Каримский А.М.* «Что такое черная теология?» // Атеистические чтения. – Вып. 13. – М., 1984 (Интернет-версия: URL: <http://www.etheroneph.com/gnosis/103–что–такое–чjорная–теология.html>);
18. *Каримский А.М.* Теология истории и реальность: к критике протестантской эсхатологии. – М., 1985.
19. *Eisenstadt S.N.* The reconstruction of religious arenas in the framework of «multiple modernities» // Islam / ed. by Turner B.S. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 4: Islam and social movements.
20. *Митрохин Л.Н.* Социальный евангелизм // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2010.
21. *Митрохин Л.Н.* Раушенбуш Уолтер // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2010.
22. Теология освобождения. Портал «Католическая Россия». – URL: <http://catholic.ru/modules/php?name = Encyclopedia аор=content & tid =683>
23. *Кинг М.Л.* Паломничество к ненасилию // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М., 1991.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В МАТЕРИАЛАХ СМИ НА ХАУСА

Язык хауса является третьим по численности говорящих на нем в Африке, после арабского языка и суахили. В странах Западной Африки он используется представителями многих народов как *lingua franca*. На хауса издается большое количество произведений литературы, газеты и журналы, среди которых старейшая непрерывно издающаяся в Тропической Африке газета *Gaskiya ta fi kwabo* ('Правда дороже пенса'), снимаются фильмы, ведется радио- и телевидение, причем не только в Нигерии, но в других странах, например, в Гане, Египте, США, Великобритании, Германии, Франции и др.

Стилистика материалов СМИ на хауса резко отличается от тех же материалов на европейских языках. Для европейских читателей или слушателей привычна краткая и ясная подача информации. Для африканца, как писал известный немецкий африканист Йоханнес Лукас, «важно не только то, что сообщается, но и то, как это делается» [1, с. 86]. Именно поэтому материалы СМИ на хауса изобилуют огромным количеством фразеологических единиц (ФЕ). Употребление фразеологизмов в материалах СМИ существовало всегда, но особенно активизировался этот процесс с конца прошлого столетия. Тем не менее нужно отметить, что число ФЕ в материалах радиопередач на хауса значительно выше, чем в материалах прессы.

Во многих случаях фразеологизмы употребляются в текстах СМИ наряду с лексемами нейтрального значения. Так, слово *ra'ayi* 'мнение' теперь в большинстве случаев заменяется ФЕ *albarkacin baki* (благословенность рта). Так, в одном комментарии радиостанции «Немецкая волна» ведущей вещание на хауса говорится: '*Yan siyasa na ci gaba da*

tofa albarkacin bakinsu kan rikicin gwamnati. Da yawa sun nuna ra'ayi cewa yana yiwuwa a gudanar da sabon zab'e. 'Политики продолжают высказывать мнения по поводу правительственного кризиса. Многие высказывают мнение, что возможно проведение новых выборов'. Употребление в одном абзаце и фразеологизма, и нейтральной лексемы позволяет избежать тавтологии. Вместе с тем нельзя утверждать, что эти два синонима полностью совпадают в том, что касается их сочетаемости с глаголами. Так, ФЕ *albarkacin baki* сочетается только с двумя глаголами, *fad'i* и *tofa*, имеющими одно и то же значение 'сказать'. Лексема *ra'ayi*, помимо этих двух глаголов, может сочетаться и с другими: *nuna* 'показать' > *nuna ra'ayi* 'выразить мнение', *taya* 'делить' > *taya ra'ayi*, 'разделять мнение', *k'aryata* 'опровергать' > *k'aryata ra'ayi* 'опровергнуть мнение'. В свою очередь, выражение *yi musayar ra'ayi* (досл. делать обмен мнением) 'обменяться мнениями' часто заменяется ФЕ *yi canjin yau* (досл. сделать сегодняшнее изменение).

В хауса существуют лексемы со значением «разногласия». Это *rashin fahimtar juna* (досл. отсутствие понимания друг друга). Но в последние годы это выражение исчезло из языка СМИ. Его заменил фразеологизм *zaman doya da man ja* 'жизнь ямса и пальмового масла': *An nemi an kawo k'arshen zaman doya da man ja tsakanin 'yan siyasa kan kafa sabuwar gwamnati.* 'Требуем положить конец разногласиям между политиками по созданию нового правительства'.

Довольно часто ФЕ полностью вытесняет лексему с нейтральным значением из языка материалов СМИ. В хауса существует глагол *k'yale* 'пренебрегать, не обращать внимание'. Этот глагол продолжает употребляться в разговорной речи, в языке произведений художественной литературы, но в материалах СМИ он не встречается, поскольку его полностью заменила ФЕ *yi kunnen uwar shege* (досл. делать уши матери незаконнорожденного ребенка), имеющий то же значение. В свою очередь данный фразеологизм не замечен ни в

разговорном языке, ни в языке произведений художественной литературы. Вместо *k'arfin soja* (досл. силой военных) ‘силой оружия’, в настоящее время предпочтительно используется выражение *k'arfin tuwo* (досл. силой туво¹).

Наряду с выражением *manyau mutane* (досл. большие люди) ‘влиятельные лица’ чаще употребляется ФЕ *masu ruwa da tsaki* (досл. имеющие воду и крупу, т.е. те продукты, которые требуются для приготовления фура – одного из традиционных блюд хауса). Выражение «состоятельные люди» может быть передано нейтральной лексемой *masu arziki* (досл. имеющие богатство), но в настоящее время это выражение повсеместно заменено на ФЕ *masu hannu da shuni* (досл. имеющие руки в индиго). Объяснение этой ФЕ можно найти в истории хозяйственной жизни хауса. Город Кано, один из крупнейших городов Северной Нигерии, территории, где проживают хауса, известный со времен раннего средневековья, являлся центром красильного ремесла. Ткани синего цвета, окрашенные при помощи индиго, вывозились далеко за пределы современной Нигерии, а красильщики являлись наиболее зажиточными среди ремесленников.

Наряду с уже существовавшими в языке хауса ФЕ появляются и новые, которые могут заменить как заимствование, так и описательный перевод: наряду с заимствованием из английского *helikofta* ‘вертолет’ в хауса употребляется и фразеологический оборот *jirgin sama mai saukan ungulu* (досл. небесная лодка, садящаяся как коршун).

Появление другой новой ФЕ *d'an k'unar bak'in wake* (сын сожжения Бакин Ваке) ‘террорист-смертник’ связано с фольклором хауса, а именно с легендой о самопожертвовании кузнеца Бакин Ваке, прыгнувшего в костер с сыном местного правителя, чтобы избавить жителей города от его жестокости. Но при фразеологизации этого оборота положительная коннотация была заменена отрицательной.

---

¹ Туво – кустая каша из просо или сорго, основная пища хауса.

С произведениями художественной литературы на хауса связан и другой фразеологизм: *shugaban k'asa mai wuk'a da nama* (досл. президент страны, имеющий нож и мясо) 'полновластный президент'. В повести Белло Кагара «Гандоки» герой говорит, обращаясь к сарки²: «*Kai ne wuk'a, kai ne nama*» 'ты нож, ты и мясо', т.е. «вся власть у тебя» [2, s. 26]. В настоящее время это выражение в несколько измененном виде полностью заменило *mai cikakken iko* (досл. имеющий полную власть): *Bisa ga tsarin mulkin Najeriya shugaban k'asa mai wuk'a da nama ne*. 'По конституции Нигерии президент обладает полнотой власти'.

ФЕ используются и тогда, когда в языке нет соответствующего слова, особенно если это термин. Так, военный термин 'засада' передается в современном хауса словосочетанием *kwantar b'auna* (досл. лежбище буйвола), а гражданское лицо – *farar hula* (досл. белая шапочка).

Возможно изменение значения фразеологизма, что крайне редко встречается в других языках, или замена одного из его компонентов. Так, фразеологизм *k'ofar rago* (досл. сделать дверь барана) 'зарезать барана' в последние годы приобрел новое значение – заблокировать, окружить: *An tura kayan taimakon jin k'ai zuwa yankunan da 'yan ta'adda suka yi wa k'ofar rago*. 'Была направлена гуманитарная помощь в районы, окруженные террористами'. В настоящее время в хауса параллельно существуют два словосочетания, обозначающие слезоточивый газ. Это описательный перевод *gas mai sa hawaye* 'газ, вызывающий слезы' и фразеологизм *gas barkonon tsohuwa* (досл. перец старухи). Ранее ФЕ *barkonon tsohuwa* обозначала насекомое, укус которого в веко вызывал обильное слезотечение.

В другом фразеологизме *sha kashi* ' (досл. выпить экскременты) потерпеть поражение второй компонент *kashi* был заменен словом *k'aye* 'высокомерие, надменность'.

---

² Сарки – титул традиционного правителя хауса.

В некоторых, весьма немногочисленных случаях возможно расширение фразеологизма. Уже давно в языке как прессы, так и радиопередач на хауса употребляется фразеологизм *taka rawa* (досл. выступать в танце) ‘вести деятельность’, полностью вытеснив словосочетания *yi aiki* ‘вести деятельность’. Этот фразеологизм может быть расширен за счет добавления к существительному *rawa* различных определений: *taka muhimmiyar rawa* ‘вести успешную деятельность’, *taka muguwar rawa* ‘вести дурную деятельность’: *Ya ce, ‘yan Najeriya suna yaba wa muhimmiyar rawa da gwamnatin k’asar ta taka a shekarar da ta wuce*. ‘Он сказал, что нигерийцы одобряют успешную деятельность, проводимую правительством в истекшем году’. Добавление существительного *gani* ‘видение’ меняет смысл фразеологизма: *taka rawar gani* ‘показать хороший пример’: *Japan na taka rawar gani wajen taimaka wa k’asashen Afirka*. ‘Япония показала хороший пример помощи странам Африки’.

Иногда приведенный в газетной статье фразеологизм, видимо, мало знакомый широкому кругу читателей, объясняется другим фразеологизмом.

Довольно часто в языке СМИ употребляются поговорки, причем они могут быть даны в качестве названия того или иного сообщения. Так, в статьях и радиосообщениях о выборах в той или иной стране, например в США, в качестве заголовка приводится поговорка *Aski ya zo gaban goshi* (досл. бритве головы дошло до лба) ‘это еще не все’. Другой поговоркой, часто встречающейся в статьях, где она суммирует содержание, является *K’walliya ta biya kud’in sabulu* (досл. Нарядность заплатила деньги за мыло) ‘Был достигнут желаемый результат’. Эта поговорка может употребляться не только в утвердительной, но и в отрицательной форме: *K’walliya ba ta biya kud’in sabulu ba* ‘Нарядность не заплатила деньги за мыло’, которая употребляется в том случае, когда ожидаемый результат не был достигнут.

Подобная практика употребления ФЕ в текстах информационного характера говорит о том, что стиль материалов СМИ на хауса резко отличается не только от стиля СМИ на европейских языках, но и от разговорной речи и языка произведений художественной литературы. Так, в комментарии, содержащем всего 128 слов, содержатся четыре ФЕ объемом 14 слов.

Литература

1. *Lukas Johannes*. Die Tubu-Sprache in Zentralafrika. – Hamburg, 1954.
2. *Bello Kagara*. Gandoki. NORLA. – Zaria, 1967. P. 26.
3. URL: www.bbc.com/hausa
4. URL: www.dwelle.de/hausa
5. *Gaskiya ta fi kwabo*. Gaskiya Corporation. – Zaria, 1998, 2014.

И.И. ПОТЕХИН НА ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАРОДОВ АФРИКИ

*В этом году – 60-летие
Первой конференции народов
Африки в Гане.*

Прошло 60 лет со времени прохождения Первой конференции народов Африки, определившей главные направления борьбы за независимость. В ней приняла участие советская делегация, в составе которой был И.И. Потехин. Его отчеты о работе конференции Ученому совету Института этнографии и последующие статьи немало способствовали активизации изучения африканистики в нашей стране и впоследствии организации Института Африки АН СССР. Им были поставлены основные задачи работы советских африканистов. Не все они выдержали испытание временем, но многие из них по-прежнему актуальны.

В 2018 г. исполняется 115 лет со дня рождения Ивана Изосимовича Потехина, одного из первых отечественных африканистов, работавших в КУТВе, долгие годы бывшего заместителем директора Института этнографии АН СССР и руководителем московской группы Отдела Африки, а затем первым директором Института Африки АН СССР (ныне РАН). Другая немаловажная дата – 60-летие первой конференции народов Африки, определившей развитие борьбы за ликвидацию колониального правления в Африке. И.И. Потехин был руководителем советской делегации на этой конференции, и выводы, сделанные им по анализу ее работы, надолго определили основные направления исследований советских африканистов.

Конференция состоялась 5-13 декабря 1958 г. в Аккре, столице бывшей британской колонии Золотой Берег, ставшей в 1957 г. первым независимым государством Тропической Африки и получившей название Гана в память средневековой «империи». Впервые на международном уровне и на территории самого африканского континента был поставлен вопрос об объединении всех африканских народов в борьбе против колониализма. До этого Panafricanские конгрессы проходили в странах Европы и США (так, первый проходил в Лондоне в 1900 г.; затем в Париже в 1919 г.; Лондоне, Брюсселе и Париже в 1921; Лондоне и Лиссабоне в 1923 г.; Нью-Йорке – в 1927 г.). В них принимали участие в основном афроамериканцы и уроженцы Вест-Индии. Например, на Парижском конгрессе присутствовало всего 12 африканцев; в Нью-Йорке – «несколько».

Теперь же собрались представители практически всех колоний и подмандатных территорий. На повестке дня стояли вопросы о целях борьбы с колониализмом и путях их достижения; совместной деятельности в этом направлении; развитии новых африканских независимых государств после освобождения от колониальной зависимости; об отношении к древней культуре и традиционным властям и т. д.

На конференцию были приглашены и делегации как стран, поддерживающих стремление к независимости африканских колоний, так и отдельных прогрессивных организаций (например, из США их прибыло несколько). Советский Союз приветствовал как борьбу колоний против метрополий, так и организацию этого важного форума. Информация о ней публиковалась в газетах «Правда», «Известия», журнале «Новое время». А в «Правде» от 5 декабря 1958 г. на первой странице было помещено приветствие Н.С. Хрущева «От имени народов Советского союза и от себя лично». [Правда, 5.12.1958]. Была послана советская делегация. Она была немногочисленна. В нее помимо И.И. Потехина, в ту пору – заместителя директора Института этнографии и антропологии

АН СССР и руководителя московской группы Отдела Африки этого Института, входили Ректор Ашхабадского государственного университета Азимов (глава делегации), секретарь Компартии Узбекистана Ибрагимов, редактор газеты «Известия» по международному отделу Кудрявцев и представитель государственного Комитета по культурным связям с заграницей Самойловский. Ни один из них, кроме И.И. Потехина, не был знаком с африканскими проблемами. Фактически лишь он один и работал на конференции.

На основании этой и последующих поездок им был написан ряд статей, информировавших читателей о прошедшей конференции и ситуации в Африке и определивших основные задачи лишь недавно оформившейся советской африканистики, а также книга «Путешествие в Гану». Однако его отчет о поездке и работе на Конференции, сделанный на заседании Ученого совета Института антропологии и этнографии АН СССР 13 января 1959 г., никогда не публиковался. Он хранится в Архиве РАН [фонд 142, оп. 1, ед. хр. 1069].

Между тем он представляет значительный интерес. В опубликованных после возвращения из Ганы статьях [2] отдельные абзацы даже повторяют текст отчета, но многое опущено. Какие-то аспекты не нашли отражение в публикациях. Так, ничего не говорится о статусе советской делегации. Члены ее были аккредитованы как наблюдатели, она по решению Генерального Секретариата Конференции рассматривалась как «братская», но все же была допущена не на все заседания. Заметим, что просьбы участвовать в тех или иных заседаниях комиссий далеко не всегда удовлетворялись. Тем не менее И.И. Потехин работал очень активно.

Дважды делегация была принята Премьер-министром страны Кваме Нкрума; на этих встречах также обсуждались политическая ситуация в стране и проблемы будущего развития и Ганы, и всего континента. Здесь рассказывается *и о* серьезной подготовке Конференции, большой работе, проделанной Подготовительным Комитетом. Отчет (в отли-

чие от более поздних публикаций) сделан «по горячим следам», очень эмоционально, в нем отразились впечатления И.И. Потехина не только о работе по решению поставленных конференцией задач, но и об ее участниках, их взаимоотношениях, общей атмосфере собрания. В отчете есть и картина общей политической ситуации момента – так, дан обзор состояния колониализма на континенте; отмечено, что делегации Судана помешал прибыть в Аккру государственный переворот; что многие делегаты прибыли не из своих стран, а из Европы или США; сложно проходит национально-освободительная борьба в Бельгийском Конго; из Мозамбика не удалось приехать никому, а из Анголы лишь «какой-то смельчак все же пробрался на конференцию»; делегация Китая, поддержанная супругами доктора Уильяма Дюбуа и Поля Робсона, потребовала снять «чанкайшистский флаг» (кстати, последние сами его и сняли). В это время шла освободительная война в Алжире, и из стенограммы видно, с каким энтузиазмом алжирцев приветствовали делегаты Конференции.

Наши правительство и СМИ, да и сам И.И. Потехин в то время считали, что все народы Африки и их политические лидеры единодушны в стремлении к скорейшему и полному освобождению от любого вида колониализма. Из текста стенограммы видно, что уже на этом этапе существовали разные, иногда несовместимые взгляды на этот процесс и что разброс мнений (особенно необходимости либо недопустимости военного сопротивления) достаточно заметен. Интересны и его наблюдения над делегацией США. В ней были представители таких организаций, как Американский комитет по делам Африки, Ассоциация африканской культуры, Американское общество культуры и т.п., более 30 обозревателей, сотрудники американского посольства в Гане, службы информации США и отделения Афро-американского института – всего более сотни человек. Уже одно это свидетельствует о пристальном внимании к работе Конференции и за-

интересованности США в своем влиянии в Африке, готовности занять освобождающееся метрополиями из Европы место в экономике, политике, международных отношениях на континенте.

И.И. Потехин отмечает, что споры, противоречия, столкновение интересов, мнений о методах борьбы и направлениях будущего развития были видны уже при подготовке конференции, а во время ее работы проходили жаркие и острые дискуссии на указанные темы. Это даже не дало возможности заранее составить согласованную программу заседаний, конференция началась без точной повестки дня. «На пленарных заседаниях велась общая дискуссия по всем вопросам. Затем были созданы комитеты для выработки резолюций», – говорил И.И. Потехин. По результатам их работы были приняты резолюции о расизме, дискриминационных законах и практике, о трайбализме, религиозном сепаратизме и традиционных институтах, империализме и колониализме, о границах будущих государств и их устройстве (много спорили о преимуществе федеративного устройства либо унитарных государств), о создании постоянной организации, объединяющей все страны Африки (таковой стала впоследствии ОАЕ – Организация африканского единства, которую сменил в 2002 году Африканский союз). Все они выработывались в ожесточенных спорах. Пожалуй, единодушно приветствовался лишь призыв к единству, которое признавалось необходимым условием для решения поставленных задач. Это звучало и во всех выступлениях, прослеживалось и в наглядной агитации – «все стены были украшены лозунгами».

В отчете И.И. Потехин определяет свое отношение и к этой проблеме, и к иным, волнующим африканское сообщество. Особого внимания, полагает он, требует определение политики в отношении племенной и религиозной разобщенности и роли вождей племен. Племя он считает единственной формой этнических обществ в Африке до колонизации, а

трайбализм и межплеменную рознь «главным препятствием на пути к завоеванию независимости». Он разделяет точку зрения, высказанную организаторами Конференции еще до начала ее работы в извещениях о ее проведении: «Пришло время разоблачить и покончить с теми, кто отстаивают племенную разобщенность и являются наиболее опасными черными агентами империализма, ибо их вредоносная политика натравливания африканцев на африканцев, братьев на братьев, племена на племя представляет главное препятствие на пути создания единого фронта борцов за свободу, который один только может покончить с иностранным господством». Как ясно сейчас, вопрос не столь уж прост.

В первые годы независимости в некоторых странах институт вождей был официально уничтожен, однако на практике он сохранился, как и династические линии, а в отдельных случаях (типичный пример – Уганда, где в 1993 г. были воссозданы четыре традиционных «королевства») впоследствии пришлось восстанавливать власть местных традиционных правителей. Но и в годы проведения Конференции, как видно из отчета, не все африканцы поддерживали подобный подход. В частности, представители Либерии и Нигерии выступали против вынесения какого-либо решения по этой проблеме на Конференции, а следовательно, на межгосударственном уровне. Дискуссии были весьма острые. И.И. Потехин отметил: «Один из делегатов рассказывал мне, что дело доходило до кулачных боев».

Принятая в результате резолюция заканчивалась фразой: «Призвать правительства независимых стран запретить или изменить эти институты». И.И. Потехин определил ее как компромиссную и назвал важнейшей задачей наших африканистов-этнографов помощь «прогрессивным силам научной разработкой традиционных институтов, их места и роли в современной жизни африканских народов». По его мнению, несмотря на огромную работу в этом направлении западноевропейских и американских этнографов, они не спо-

собны поставить «вопрос о критическом отношении к этим традиционным институтам, о ликвидации их» – «это под силу только этнографам прогрессивного лагеря» – считает он.

И.И. Потехин считал очень важным еще один комплекс проблем, которому уделялось немало внимания на конференции – «особенности феодализма в странах Африки южнее Сахары». Он полагал неверным отрицание наличия этого социально-экономического строя буржуазными (как западными, так и африканскими) учеными. По его мнению, именно традиционные вожди «используют феодальные формы эксплуатации соплеменников, прикрывая их обветшалыми остатками патриархально-родового строя». Сам он утверждал, что типичными для этих стран отношениями являются «патриархально-феодальные отношения». В этом он был солидарен с теми ганцами, которые выходили с лозунгами «Долой феодализм», и не разделял мнения местных ученых о его отсутствии в этой стране. Закljučая раздел своего отчета об этой проблеме, он заявляет, что «нужно помочь этим людям рассказать, что такое феодализм в Африке, показав его специфику, его генезис» и именно советские африканисты должны провести необходимые исследования по этой теме.

Не менее важной проблемой, бурно обсуждавшейся на Конференции, был религиозный сепаратизм. Миссионерская деятельность разных направлений колониализма оценивалась однозначно как разрушительная, сеющая рознь; в одном из разделов меморандума Подготовительного комитета Конференции миссионеры прямо назывались «агентурой колонизаторов». А борьба протестантов и католиков служила, по мнению составителей документа, интересам Англии и Франции. Африкано-христианские секты в отчете лишь упоминаются (в отличие от статьи, где им дается относительно положительная оценка). И.И. Потехин отмечает, что значительной силой остается ислам, и указывает, что мусульмане начинают принимать активное участие в политической жизни. Так, «в Гане, когда с особой силой разгорелась борьба за будущий

статус государства, появилась особая мусульманская партия, оказавшая поддержку реакционным силам Ганы», – указывает он. Наконец, живы и последователи традиционных верований (И.И. Потехин определяет их численность как половину населения континента). Такова пестрота религиозной ситуации, и эта «религиозная разобщенность», убежден И.И. Потехин, используется империалистами в своих целях. В резолюции, принятой Конференцией, говорится, что она решительно выступает против империалистической тактики «использования религиозного сепаратизма для увековечения своей колониальной политики в Африке». Борьба против такой практики Конференция призвала все политические, профсоюзные, культурные организации «путем пропаганды и просвещения». Потехин считает эту борьбу против религиозного сепаратизма, более сложной и важной, нежели против племенного сепаратизма, и полагает необходимым оказывать африканцам «большую помощь со стороны ученых». Надо «найти пути и средства откликнуться на эту злободневную политическую задачу» – настаивает он.

Наконец, еще одна важнейшая проблема – «вопрос о несовпадении этнических и политических границ», особенно в период формирования новых независимых государств. И.И. Потехин высоко оценивает работу советских африканистов по составлению этнических карт Восточной и Южной Африки и определяет как первостепенную задачу подобную работу по Западному Судану. Но это, по его мнению, лишь «подготовительный этап к разрешению другой научной проблемы, проблемы формирования наций в Африке».

В частности, И.И. Потехин формулировал научные проблемы Конференции, прямо связанные с задачами африканистов-этнографов. Он упоминает еще одну – расовую дискриминацию, по которой тоже была принята резолюция, но считает, что эта проблема в научном отношении довольно хорошо разработана и теперь нужна лишь пропагандистская,

популяризаторская работа, которая уже давно успешно проводится в Институте.

Отчет заканчивается очень эмоционально: «Африка негодует, борется, кипит. И задача всех прогрессивных сил мира, в первую очередь прогрессивных ученых, заключается в том, чтобы помогать народам Африки в борьбе за ликвидацию этой позорной системы колониализма!». Эта фраза как нельзя лучше показывает личное эмоциональное отношение автора к проблемам Африки, изучению которой он посвятил всю жизнь и которой, он был убежден, он помогает своей деятельностью.

Стенограмма отчета И.И. Потехина, как и многие его работы, не утратили своего значения для истории советской африканистики до сих пор. Видно, насколько велик был интерес к континенту со стороны США, забота о будущем Африке, в котором они видели себя заменившими бывшие метрополии. Заметно, что и стремление к сотрудничеству африканцев с Советским Союзом было не так значительно, как представлялось долгое время в нашей стране – советская делегация была в статусе наблюдателя и не допускалась на многие заседания, хотя и была принята на очень высоком уровне. И.И. Потехин не только подробно рассказал о работе Конференции (это было особенно важно при отсутствии подробных доступных публикаций о ней), но и определил основные научные задачи на многие годы вперед и вплоть до наших дней. Это касалось, например, проблемы феодализма, поиски которого остались безуспешными. Убежденный марксист, он считал обязательной эту форму социально-экономического строя и для африканских обществ. Позднее он написал статью «О феодализме у ашанти», давал своим аспирантам сходные темы для диссертационных исследований. И.И. Потехин был твердо уверен в негативной роли традиционных правителей всех уровней и разделял мнение большинства участников Конференции о необходимости уничтожения этого института. Но сейчас ясно, какое боль-

шое значение он и доныне сохраняет в странах Африки независимо от их государственного устройства. Столь же резко он отзывался о роли миссионеров как «верных агентов империализма», не замечая их вклада в образование, здравоохранение, научное исследование языков и культуры африканских народов. Теоретические положения о национальном развитии (как и таксономия его этапов), разделяемые И.И. Потехиным, уже тогда вызывали споры, которые, однако, решительно пресекались, как это видно из стенограммы обсуждения отчета. Эти страницы стенограммы могут быть показательны для характеристики нашей науки в те годы.

Участие И.И. Потехина в работе Конференции народов Африки и его анализ ее, предпринятый в отчете и повторенный затем в статьях, сыграли важную роль в развитии советской африканистики. Уже задолго до этого обсуждался вопрос о необходимости создания в Москве самостоятельной структуры с целью развития молодой еще африканистики. Выводы из его выступлений и статей, как и задачи всестороннего исследования африканских народов, озвученные им, способствовали созданию вскоре Института Африки АН СССР.

Эти задачи до сих пор не потеряли своей актуальности. Это изучение социоэкономической ситуации в обществах доколониальной Африки, их стратификации; сущности власти традиционных правителей и их роли и места в современном развитии; истории складывания и развития конфессионональной ситуации и политической роли религии; проблемы несоответствия этнических и государственных границ и способы разрешения конфликтов, возникающих в связи с этим; взаимодействие традиций и инноваций, вызванных модернизацией, а ныне и глобализацией и т. п. История развития африканистики показала, что без изучения этих проблем невозможно и решение исследовательских задач политологии, экономики, социальных проблем современности. Изучение

Африки и сегодня идет в направлении, предвидимом полвека назад И.И. Потехиным.

Далее приведем текст стенограммы заседания Ученого совета Института этнографии АН СССР¹.

Стенограмма
Заседания Ученого Совета Института этнографии АН СССР
13 января 1959 г.

Присутствовали – М.Г. Левин
Член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов

М.Г. Левин:

– Заседание Ученого Совета объявляю открытым. На повестке следующие вопросы:

1. Доклад И.И. Потехина о конференции народов Африки
2. Разное.

В разном у нас вопрос о присуждении ученого звания профессора (с. 2)

И.И. Потехин:

– Конференция народов Африки в гор. Аккра – столице Ганы, состоявшаяся с 5 по 13 декабря 1958 г. явилась большим историческим событием в жизни народов Африки.

Еще совсем недавно Африка была сплошным заповедником колониализма. После того как в 1936 году Эфиопия была оккупирована Италией, на всем африканском континенте оставались только три независимых государства: Египет, Южно-Африканский Союз и Либерия, и то независимость их была формальная и призрачная. Египет был опутан кабальными договорами, и на египетской земле стояли английские солдаты; Либерия находилась в полной зависимости от американского империализма, каучуковая компания Файерстона была подлинным правительством этой маленькой негритянской республики; в Южно-Африканском Союзе господствовал и продолжает господствовать английский капитал, а коренные народы Южно-Африканского Союза банту испытывают на себе наиболее худший вид колониального режима.

После Второй мировой войны подул свежий ветер, начались перемены. Разгром фашистской коалиции в годы Второй мировой войны, выход ряда стран Европы на путь строительства социализ-

---

¹ В текст стенограммы внесена минимальная редакторская правка для удобства восприятия читателем.

ма, распад колониальной системы в Азии ослабили силы империализма и создали для народов Африки благоприятные условия для завоевания своей независимости. Уже в течение первого десятилетия вся северная, за исключением Алжира, и Северо-Восточная Африка вышли из колониальной системы (с. 3). Однако в Тропической и в Южной Африке, то есть в Африке к югу от Сахары, по-прежнему оставалось господство нескольких европейских империалистических держав. Империалистам она (эта Африка) казалась прочным бастионом колониализма; они полагали, что еще долго могут удержаться там.

Но скоро, очень скоро была пробита брешь в этом бастионе колониализма. 6 марта 1957 года бывшая английская колония «Золотой Берег» получила статус доминиона – было провозглашено независимое государство Гана.

Правда, Гана стала всего лишь доминионом; главой государства по-прежнему оставалась английская королева, поэтому в Гане по-прежнему сидит английский генерал-губернатор. Тем не менее это было крупной победой народов «Золотого Берега», открывавшей им путь самостоятельного государственного развития. Эта победа была не только победой «Золотого Берега», она стала победой всех народов Африки, расположенной к югу от Сахары. Все африканские народы восприняли эту победу как свою собственную.

Еще в 1951 году на выборах Законодательного собрания народная партия с Кваме Нкрума во главе получила большинство; было образовано первое национальное правительство, что явилось преддверием к получению нового статуса. Английский журнал «Foreign Affairs» писал тогда: «Выборы на Золотом Берегу потрясли всю Африку. Для белых, прочно обосновавшихся на континенте, потрясения вылились в формы, может быть, не совсем ясного вопроса: «Не является ли это началом нашего конца?» А каждый африканец (с. 4), услышавший эту новость, почувствовал прилив радости и проблеск внезапной надежды, казавшейся почти несбыточной: «Быть может, это наше начало?».

Премьер-министр нового государства Кваме Нкрума сразу после получения независимости заявил, что независимость Ганы не может быть прочной без освобождения всех других народов Африки (от) и колониализма и империализма. Поэтому важнейшей задачей своего правительства он считает оказание помощи всем народам Африки в их борьбе за свою национальную свободу. Эти справедливые слова Кваме Нкрума дошли до сердца каждого африканца. В Гане они увидели своего заступника, опору в своей

трудной борьбе за национальную независимость. Столица Ганы город Аккра стала своеобразной Меккой для поработанных империализмом африканских народов.

Когда Гана праздновала первую годовщину своей независимости в марте 1958 года, в Аккре собрались представители многих народов африканских колоний. И там на одном из митингов родилась идея созвать Конференцию всех народов Африки. Вслед за этим в апреле 1958 года в городе Аккра состоялась Конференция независимых государств Африки и здесь было решено такую конференцию созвать. Был создан подготовительный комитет по созыву конференции. Подготовительный комитет в течение 8 месяцев провел очень большую подготовительную работу, связавшись со всеми национальными, профсоюзными организациями всех африканских стран. Подготовительный комитет разослал приглашения не только африканским организациям, но и ряду организаций за пределами Африки. Озвучил приглашение и наш Советский Комитет солидарности стран Азии и Африки (с. 5).

Мне было прислано и персональное приглашение от Комитета. Наш Комитет солидарности составил делегацию, в состав которой был включен и я. Главой нашей делегации был ректор Ашхабадского университета Азимов. Кроме меня в делегацию входили секретарь ЦК Комсомола Узбекистана Ибрагимов, редактор газеты «Известия» по международному отделу Кудрявцев и Самойловский из Государственного Комитета по культурным связям с заграницей.

1 декабря наша делегация вылетела в Аккру через Каир-Хартум. Маршрут поездки был составлен не очень удачно, так как из Хартума в Аккру самолеты летают только раз в неделю, поэтому мы прибыли в Аккру с некоторым опозданием. К счастью, конференция была отложена на несколько дней. Она открывалась не пятого, как предполагалось ранее, а восьмого утром. Но мы все же пропустили первое утреннее заседание, на котором состоялось открытие конференции и выступал с приветственной речью премьер-министр Ганы доктор Кваме Нкрума.

Повестка дня вызвала большие разногласия еще до Конференции. Согласовать ее так и не удалось. Конференция открылась без повестки дня. На втором пленарном заседании тоже не было повестки дня.

Руководители Конференции вышли из этого трудного положения таким образом: на пленарных заседаниях велась общая дискуссия сразу по всем вопросам. Затем были созданы комитеты для выработки резолюций (с. 6) <...>

Были выработаны такие резолюции о расизме, дискриминационных законах и практике, о трайбализме, религиозном сепаратизме и традиционных институтах, империализме и колониализме. Резолюция под названием «Границы и федерации», резолюция о создании постоянной организации, создан Постоянный Секретариат с резиденцией в Аккре, в задачу которого входит оказание помощи национально-освободительному движению в странах Африки. Эти резолюции утверждались на закрытом пленарном заседании. Мы присутствовали на нескольких пленарных заседаниях, где велась общая дискуссия.

Главная задача конференции, как она была сформулирована Подготовительным комитетом, состояла в том, чтобы найти пути и средства ликвидации колониализма в Африке. Африка оказалась последним колониальным резервом империализма. В Азии остаются только мелкие территории, мелкие островки, только 1 % азиатского населения находится под колониальным режимом, в Африке же 60 % населения стонет под игом империализма. Африка – последний оплот империализма. Окончательно судьбы колониализма решаются в Африке. Задача конференции состояла в том, чтобы найти пути и средства этого последнего резерва колониализма в Африке.

Конференция носила резко антиимпериалистический, антиколониальный характер. Все делегаты, все представители, выступавшие с этой высокой трибуны, клеймили империализм, призывали народы Африки покончить в ближайшие годы с этой позорной системой (с. 11). <...> Все делегаты единодушно признали, что необходимым, решающим условием для достижения победы над колониализмом, над империализмом является единство – единство всех прогрессивных сил внутри каждой страны, каждой колонии и единство всех народов и стран Африки. Все делегаты подчеркивали, что империалистическая политика «Разделяй и властвуй» (эти слова повторялись чуть ли не каждым оратором и неоднократно) сейчас является препятствием на пути ликвидации империализма. Лейтмотивом всей работы конференции был лозунг «Народы Африки, объединяйтесь!» В зале, где проходила конференция, все стены были украшены лозунгами, и на одной из них – центральной висел большой лозунг: «Народы Африки, объединяйтесь. Вам нечего терять кроме своих цепей» (с. 12).

Кстати, относительно украшения зала. Кроме этих лозунгов в зале висели флаги всех государств – членов Организации Объединенных Наций, в том числе и чанкайшистский флаг. На конференции был один товарищ из Китая, он представлял Китайскую

Народную Республику в Постоянном Совете Афро-Азиатской солидарности в Каире, откуда и прибыл. Он сразу же подал протест, потребовал убрать чанкайшистский флаг. К нему присоединился наш представитель, который также работает в Афро-азиатском комитете солидарности. К этому протесту присоединились супруга доктора Дюбуа и супруга Поля Робсона Эсланда. Эти две довольно пожилые женщины – одной 53 года, другой 59 – были чрезвычайно активны, и так как они сами негритянки, или, точнее, мулатки, то им был открыт доступ повсюду и везде, правда, кроме заседаний комитетов; они могли встречаться со многими людьми и оказали давление на руководство конференции – было принято решение снять чанкайшистский флаг (с. 13).

Там, очевидно, приняли решение, но тут что-то медлили со снятием этого флага. Эсланда Робсон сама взялась за это. Она притащила служителя, который с трудом оторвал этот флаг при публике (шло заседание). Это была очень приятная победа прогрессивных сил. Это первый случай на международной конференции, когда чанкайшистский флаг был снят, да еще с таким позором.

Главный лозунг конференции – лозунг единства. На пути к единству, в борьбе с колониализмом и империализмом, стоит много трудностей. И главная из них – это трайбализм, то есть племенная рознь, разжигаемая колонизаторами и той частью вождей, которые перешли на службу к колонизаторам.

Дело в том, что до империалистического раздела народы Африки еще не успели сложиться в нации. Сохранялось племенное деление, племенная структура, племенная организация, вожди племен и проч.

Колонизаторы, догматически прикрываясь «заботой» о сохранении самобытных институтов и самобытной культуры поработанных ими народов, держали курс на консервацию племенного строя со всеми присущими ему атрибутами.

В новый период антиимпериалистического движения в Африке, начавшегося после Второй мировой войны, этот трайбализм, племенной сепаратизм, межплеменная рознь превратились в главное препятствие на пути к завоеванию независимости. Вот об этой племенной розни и о роли вождей говорили все делегаты на Конференции.

Еще до Конференции журнал «Возрождение Уганды» – орган (с. 14) Национального Конгресса Уганды (издается в Каире) опубликовал передовую статью под названием «Партии Уганды, объединяйтесь! Это кратчайший путь к независимости!». В этой статье

содержался страстный призыв к единству. Приведем несколько кратких извлечений из этой статьи:

«Враги нашей страны всегда готовы расколоть нас для того, чтобы легче управлять нами...»

«Характеристика Уганды как конгломерата племен не только не соответствует истине, но и несправедлива по отношению к ее народу... Разговоры о племенной дисгармонии и об опасности межплеменных конфликтов в будущем являются просто повторением пропаганды империалистов, безнадежно пытающихся продлить свой отживший порядок».

«Это их (империалистов. – *И.П.*) ядовитая политика натравливания брата против брата, племени против племени, африканца против африканца составляет сейчас величайшее препятствие на пути создания единого фронта борцов за свободу».

На Конференции глава Демократической партии Сомали (часть Сомали под французской опекой) Али Абдаллахи в своей речи говорил: «От племени (так в тексте. – *Э.Л.*) сомалийской делегации я хотел бы призвать делегатов Конференции быть бдительными по отношению к тактике империалистов. Они проводят дьявольскую политику, сеют в наших рядах семена разлада, чтобы расколоть нас и таким образом подавить нашу борьбу за свободу».

В повестку дня Конференции были включены вопросы о племенной (с. 15) и религиозной разобщенности, о роли вождей племен. Подготовительный комитет Конференции в извещении о Конференции дал следующую интерпретацию этого вопроса:

«Пришло время разоблачить и покончить с теми, кто отстаивают племенную разобщенность и являются опасными черными агентами империализма, ибо их вредоносная политика натравливания африканцев на африканцев, братьев на братьев, племя на племя представляет главное препятствие на пути создания единого фронта борцов за свободу, который один может покончить с иностранным господством».

(с. 16) До тех пор пока мы не раскроем сущность и непатриотическую роль африканских политических карьеристов, чья деятельность помогает империалистам проводить их традиционную политику «разделяй и властвуй» – этот последний оплот колониализма, – до тех пор Африка не отвоюет утраченную свободу и не займет свое законное и равноправное место среди других стран».

Такая острая постановка вопроса вызвала неизбежную острую борьбу, сопротивление среди партий, отражающих интересы феодальной и полуфеодальной прослойки, тесно связанных с империалистической политикой. Так, например, Партия Истинных

Вигов, правящая партия Либерии – заявила, что она не может согласиться с такой характеристикой вождей племен: она против того, чтобы принималось решение по этому вопросу, которое будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела, пусть каждая страна выработает свое отношение к институту вождей племен.

Глава делегации Группы действия (есть такая партия в Западной Нигерии) также выступил против такой постановки вопроса о вождях племен. Он поддержал Партию Истинных Вигов и настаивал на том, чтобы никакого решения по этому поводу не принималось.

Говорят, что на закрытых заседаниях комитета по этому вопросу происходили очень жестокие схватки. Один из делегатов мне рассказывал, что дело доходило до кулачных боев (с. 17). В результате длительных споров в Комитете, которому было поручено обсудить этот вопрос, Конференция приняла следующую резолюцию о традиционных институтах: «Сознавая, что некоторые из африканских традиционных институтов, особенно власть вождей племен, не соответствуют требованиям демократии; считая, что некоторые из этих институтов на деле оказывают поддержку колониализму и являются орудием коррупции, эксплуатации и угнетения, подавляющим достоинство, индивидуальность и волю африканцев в их борьбе за освобождение;

Конференция народов Африки, состоявшаяся в Аккре с 5 по 13 декабря 1958 года, постановляет осудить те африканские традиционные институты, политические, социальные, и экономические, которые ясно показали свою реакционную сущность и свою сущность (так. – Э.Л.) и свою поддержку колониализму;

призвать всех сознательных людей Африки и всех африканских политических руководителей усилить воспитательную и пропагандистскую деятельность с целью ликвидации этих институтов, несовместимых с нашими целями национального освобождения;

призвать правительства независимых стран запретить или изменить эти институты».

Резолюция несколько отличается от той интерпретации, которая была дана в извещении (с. 18), разосланном Комитетом, она имеет следы компромиссов, однако она достаточно принципиальна и ясна, особенно в отношении вождей племен. Но одно дело принять резолюцию, другое – провести ее в жизнь. Перед прогрессивными силами Африки стоит нелегкая задача. Я полагаю, что для ученых-африканистов является делом чести помочь этим прогрессивным силам научной разработкой проблемы традиционных

институтов, их места и роли в современной жизни африканских народов. И в первую очередь это задача африканистов-этнографов.

Западноевропейские и американские этнографы-африканисты проделали огромную работу по изучению африканских традиционных институтов, опубликовали большое количество фундаментальных работ. Но, естественно, они не поставили и не могли поставить вопрос о критическом отношении к этим традиционным институтам, о ликвидации тех традиционных институтов, которые мешают борьбе народов за свое национальное освобождение. Это под силу только этнографам прогрессивного лагеря (с. 19).

Наши африканисты, в частности африканисты нашего Института, занимались этой проблемой довольно много и уже кое-что опубликовали по этому вопросу. И мне приятно отметить, что та точка зрения, которая была изложена нашими африканистами в книге «Народы Африки», полностью совпадает с решениями по этому вопросу Конференции народов Африки в Аккра. Позволю себе прочесть вам несколько извлечений из этой книги. Как ставился в ней вопрос о вожде племени:

«Воспитанная веками привязанность к своему племени, чувство кровного родства с соплеменниками, племенная солидарность, хотя еще и живы, утратили свою силу. Колониальные власти пользуются этими идеологическими остатками племенного строя, чтобы закрепить, законсервировать замкнутость, разобщенность племен. Разобщенность облегчает подавление сопротивления племен, помогает натравливать, когда это нужно, одно племя на другое, препятствует созданию единого антиимпериалистического фронта народов».

И другое место:

«Туземные власти и суды составляют, следовательно, часть колониального аппарата порабощения, а настойчивые попытки английских империалистов выдать их за самоуправление – не что иное, как попытка прикрыть фактическое господство англичан в чужой стране... Английский империализм выдает «туземные власти» за самобытную форму демократии суданских народов. На самом деле они давно утратили свой демократический характер» (с. 20).

Проблема традиционных африканских институтов разрабатывалась в ряде других трудов наших африканистов (работы Яблочкова, Смирнова, Исмагиловой). Однако сейчас, в связи с тем что этот вопрос приобрел большое практическое звучание, по-

сколько все прогрессивные деятели Африки обращают сейчас большое внимание на борьбу с традиционными реакционными институтами, — очевидно, что перед нашими африканистами стоит задача продолжать исследовать эту проблему более широким фронтом. На новых материалах, относящихся к другим народам, следует более ясно показать, что племенная форма организации изжила себя, что она не соответствует больше новым условиям жизни африканских народов, что теперь она искусственно поддерживается империалистами.

Особое значение приобретает исследование особенностей феодализма в странах Африки к югу от Сахары. Классический феодализм типа европейского или восточного феодализма в этих странах не успел сложиться. На этом основании большинство буржуазных исследователей Африки, включая и самих африканских ученых, отрицают наличие в этих странах феодализма вообще.

В советской литературе по Африке уже неоднократно указывалось, что вожди племен, опекаемые колонизаторами, являются феодальными или полуфеодальными элементами, что они используют феодальные формы эксплуатации, прикрывая их обветшалыми остатками патриархального родового строя. Типичными для этих стран отношениями являются патриархально-феодальные отношения. На исследовании особенностей этих отношений и должно быть сосредоточено внимание, чтобы показать, как под этой патриархальной (с. 21) оболочкой скрывается эксплуататорская сущность вождей племен.

Государственное строительство Ганы, недавно завоевавшей независимость, показывает, что и после освобождения от колониального порабощения феодалы и полуфеодальные вожди племен являются главным препятствием на пути строительства новой жизни, на пути демократизации общественной и политической жизни страны (с. 22).

Недаром в Гане так звучит лозунг «Долой феодализм!» Я уже имел как-то возможность докладывать в Институте, что молодежь выходит с лозунгом «Долой феодализм!», а все ученые Ганы говорят: «У нас нет феодализма». Очевидно, нужно помочь этим людям рассказать, что такое феодализм в Африке, показать его специфику, его генезис. Задача исследования особенностей феодализма представляет огромную важность, и мы должны ею заниматься.

Небольшое отступление — Мы дважды были приняты премьер-министром доктором Квамем Нкрума. На одном из приемов я сказал, что собираюсь написать статью об антифеодальной рево-

люции в Гане. Кваме Нкрума спросил: неужели? И сказал: я готов написать предисловие к этой статье. Он очень обрадовался: он ведет антифеодальную войну, а все ученые Ганы ему говорят, что никакого феодализма нет. Очевидно, все прогрессивные деятели будут рады, если мы сумеем опубликовать книгу о сущности феодализма к югу от Сахары.

Другой трудностью на пути создания единого национального фронта народов служит религиозный сепаратизм. Дело в том, что христианская религия, навязанная африканским народам европейскими колонизаторами, представлена в каждой колонии несколькими миссиями, которые принадлежат различным церковным направлениям. Почти в каждой колонии можно встретить миссии римско-католическую, пресвитерианскую, методистскую, англиканскую и др. Каждая из них (с. 23) имеет сеть школ и использует эти школы для насаждения своих религиозных догматов, воспитания юношества в духе своих канонов, причем они спорят друг с другом в борьбе за души африканцев, и уже одним этим сеют семена раздора. Но они не ограничиваются только этим. Они участвуют в политической жизни, поддерживают те или иные партии, а в некоторых случаях содействуют возникновению новых партий, противостоящих национальным организациям.

Национальный Конгресс Уганды опубликовал в бюллетене Подготовительного Комитета Конференции меморандум. Один из разделов меморандума назван «Агентура колонизаторов». В этом разделе рассматривается деятельность европейских миссий. Авторы меморандума указывают, что религиозная борьба английских протестантов или французских католиков в 80-х годах прошлого столетия (XIX века. – Э.Л.), отражавшая англо-французское соперничество в Восточной Африке, положила начало раскола национального единства народов Уганды, отзвук этой борьбы сказывается до сих пор (с. 24).

Эта множественность европейских религиозных миссий дополняется африканскими христианскими сектами, тоже довольно многочисленными. Наконец, широко распространен ислам не только в Северной Африке, но и в Африке к югу от Сахары. В американской книжке, которая вышла месяца полтора-два назад под названием «Соединенные Штаты Америки и Африка» (мне ее привез профессор Сол Такс / Sol Tax), говорится, что в Африке южнее Сахары насчитывается около 40 миллионов последователей ислама. Это очень значительное количество. При этом сейчас мусульманство распространяется как будто быстрее христианства. Мусульманские религиозные организации создают свои культур-

ные, общественные организации, свои политические партии. Например, в Гане, когда с особой силой разгорелась борьба за будущий статус государства, появилась особая мусульманская партия, оказавшая поддержку реакционным силам Ганы.

Живы еще и традиционные, старинные африканские культы и верования. По приблизительным подсчетам, примерно половина африканцев не приняла еще ни христианство, ни мусульманство и следует своим традиционным старинным верованиям.

В некоторых колониях – Кении, Танганьике, Уганде – положение особенно сложное. Здесь имеет место и христианство разнообразных направлений, мусульманство разных толков, индуизм и местные африканские культы. Странная религиозная разобщенность, которую используют империалисты в своих целях.

И вот в повестке дня Конференции встал специальный вопрос о преодолении религиозного сепаратизма, о борьбе с ним. В резолюции (с. 25), принятой Конференцией, указывается, что она решительно выступает против империалистической тактики использования «религиозного сепаратизма для увековечивания своей колониальной политики в Африке». Конференция постановила, чтобы «политические, профсоюзные, культурные и другие организации предприняли меры по воспитанию масс в духе сознания опасности этой порочной практики и тем самым мобилизовали массы на борьбу против такой практики». Конференция обратилась к правительствам независимых стран Африки, чтобы они приняли соответствующие законы, которые путем пропаганды и просвещения помогали бы бороться против религиозного сепаратизма.

Но преодоление религиозного сепаратизма – задача еще более сложная и более трудная, чем преодоление племенного сепаратизма. Прогрессивные силы Африки нуждаются здесь в большой помощи со стороны ученых (с. 26).

К сожалению, мы этими вопросами пока почти не занимаемся, лишь кое-где в наших работах упоминается о деятельности и их вредной практике раскола африканского населения по религиозному признаку. Года два тому назад Б.И. Шаревская опубликовала работу об английской религиозной политике в Африке. Но это, пожалуй, и все, что мы сделали в этом направлении. Очевидно, нам надо наверстать упущенное. Задача изучения состояния религии на африканском континенте является одной из очередных и политически весьма актуальных.

Сейчас в сектор Африки переведена с большими боями Б.И. Шаревская, которая пишет работу о состоянии религиозных

движений в Африке; у нас появился аспирант, правда аспирант-заочник Иорданский, который будет писать диссертацию о деятельности религиозных миссий в Африке. Эти две работы кое-что дадут. Но задача состоит в том, чтобы не дожидаться конца этих работ, – они появятся через 2-3 года, а дело не терпит. Надо сейчас найти пути и средства откликнуться на эту злободневную политическую задачу.

Конференция обсудила еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к этнографии, – вопрос о несовпадении этнических и политических границ. Сейчас, когда колониальная система разваливается и на ее обломках создаются независимые государства, вопрос о границах (с. 27) приобретает жизненно важное значение. Это становится чрезвычайно острой политической проблемой, которая может привести к чрезвычайно сложным конфликтам и, может быть, кровавым войнам между народами.

Конференция приняла по этому вопросу резолюцию под названием «Границы и федерации». Раздел III резолюции гласит:

«Искусственные барьеры и границы, созданные империалистами для разделения африканских народов, причиняют африканцам ущерб и поэтому должны быть ликвидированы или пересмотрены. Границы, пересекающие территории, населенные той или иной этнической группой или разделяющие народы одного происхождения, являются противоестественными, и их сохранение не ведет к миру и устойчивому положению...»

Ввиду вышеизложенного Конференция народов Африки принимает следующее решение:

а) она осуждает искусственные границы, созданные империалистическими державами для того, чтобы разделить народы Африки;

б) Конференция требует скорейшей ликвидации или пересмотра таких границ;

в) Конференция призывает независимые государства Африки выступить в поддержку окончательного разрешения данной проблемы в соответствии с подлинными желаниями народов» (с. 28).

Пересмотр политических границ – трудная задача, относящаяся к сфере международных отношений между африканскими государствами, и решить ее будет очень трудно. Для разрешения этой задачи возможно будут недостаточными ликвидация колониального режима и создание независимых государств. Природа буржуазии везде одинакова, она не зависит от цвета кожи. И может быть, при наличии буржуазного строя произвести националь-

ное размежевание будет очень трудно. Однако такая задача поставлена, над ее решением будут трудиться. Жизнь покажет, как это будет сделано. Задача ученых состоит в том, чтобы своими исследованиями помочь безболезненному решению этой задачи. Необходимо разработать точную этническую карту континента, выявив существующие этнические массивы, степень их консолидации в народности, нации, их расселение, соотношение политических и этнических границ. Этнический состав каждого государства или колонии и больших этнографических областей.

Советские африканисты проделали уже в этом направлении немалую работу. Проведены специальные исследования по Кении и Танганьике (Р.Н. Исмагилова), Бельгийскому Конго (Л.И. Собченко), Юго-Западной Африке, Северной Родезии (Л.Д. Яблочков), Южно-Африканскому Союзу (И.И. Потехин). Ведутся исследования по Анголе и Мозамбику и по Нигерии (Л.Д. Яблочков, Р.Н. Исмагилова) (с. 29).

Однако остается еще огромная территория Африки – весь Западный Судан, который нами еще не исследован, образовалось новое государство Гвинея, – мы сейчас не можем дать исчерпывающего ответа об этническом составе населения этой страны. Нам требуется (и мы в ближайшее время осуществим это) провести исследования, чтобы дать картину этнического состава Гвинеи (с. 30).

На последнем Ученом Совете мы утвердили новую этническую карту Института (так в тексте. Имеется в виду карта Африки. – Э.Л.). Публикация этой карты безусловно окажет должную помощь прогрессивным силам в разработке этой сложной проблемы. Однако все эти работы по этническому составу отдельных колоний и территорий, которые мы провели, надо рассматривать лишь как подготовительный этап к разрешению другой более сложной научной проблемы, проблемы формирования наций в Африке. Это сейчас одна из наиболее актуальных задач, к решению которой мы пока еще подходим очень робко, в частности, из-за недостатка кадров, недостаточной подготовки кадров для решения такой задачи. Вот некоторые из научных проблем, вытекающих из решений Конференции, имеющих непосредственное отношение к этнографии. К ним следовало бы добавить еще такую тему, как расовая дискриминация (есть специальная резолюция Конференции), но здесь не требуется научной разработки, потому что расовая проблема в научном отношении довольно хорошо разработана. Здесь нужна большая популяризаторская работа. Кое-что в этом отношении уже предпринято.

Нашими африканистами совместно с африканистами Института востоковедения подготовлен сборник статей о расовой дискриминации в странах Африки. Он выйдет, очевидно, в этом 1959 году.

Вот, товарищи, некоторые вопросы, стоявшие в повестке дня Конференции, имеющие прямое отношение (с. 31) к этнографии, к нашим научным задачам.

Конференция, как я уже сказал, была большим историческим событием. Она продемонстрировала готовность народов Африки покончить с позорной системой колониализма в ближайшее время. В Африке разворачивается тяжелая борьба за ликвидацию колониализма.

В последние дни мы читали в прессе сообщения из Бельгийского Конго. Это страна, где национально-освободительное движение было до сих пор наиболее отсталым, где до сих пор не было и нет пока ни одной национальной организации, которая действовала бы в масштабе всей колонии, где свирепо подавляются всякие демократические действия, всякая свободная мысль. Однако и здесь прорыв – народы Конго поднимаются на борьбу, и Бельгии пришлось ввести в Конго войска. Когда я летом был в Бельгии, мне сообщили, что министерства колоний у них больше нет, а есть министерство по делам Конго и Руанда-Урунди. Конго – это провинция Бельгии – говорят в Бельгии. А вот сейчас Бельгии пришлось ввести в Конго войска, чтобы подавить национально-освободительное движение.

Африка негодует, болит, кипит. И задача всех прогрессивных ученых заключается в том, чтобы помогать народам Африки в борьбе за ликвидацию этой позорной системы колониализма!

М.Г. Левин:

– Какие будут вопросы к И.И. Потехину?

Ю.П. Аверкиева:

– Были ли в американской делегации американские негры?

И.И. Потехин:

– Были.

С.А. Токарев:

– Ставилась ли на этой конференции проблема формирования национальных и межнациональных языков?

И.И. Потехин:

– Нет, не ставилась.

Ю.П. Аверкиева:

– Как вели себя эти американские негры?

И.И. Потехин:

– Ничего не могу сказать.

М.Я. Симонович:

– На каком положении были супруги Дюбуа и Робсона, в какую делегацию они входили?

И.И. Потехин:

– Был приглашен доктор Дюбуа, но он по состоянию здоровья не мог поехать, поехала его жена, с которой он и послал свое приветствие.

Л.Н. Терентьева:

– А что собой представляли негритянские делегаты, их официальное положение? (с. 33).

И.И. Потехин:

– Это были лидеры различных политических организаций. В каждой колонии, не говоря уже о независимых странах, имеются различного рода национальные политические организации. Руководители, лидеры этих политических организаций прежде всего и были представлены на данной конференции. Были представлены профсоюзные лидеры из Либерии, Кении, Объединенной Арабской Республики. По своим политическим взглядам это очень пестрая публика, среди них немало людей довольно реакционных настроений.

Да, я не остановился на одном чрезвычайно важном вопросе, который дискутировался на конференции, – на вопросе о тактике.

В основу работ Конференции была положена гандистская тактика непротивления злу насилеием, тактика мирных методов, тактика принципиального осуждения нас по отношению к империализму. По этому вопросу шла жестокая борьба. Руководство Конференции упорно и настойчиво отстаивало тактику (пробел в тексте. – Э.Л.) [с. 34]. Однако делегатам Конференции было трудно согласиться с этой политикой, потому что колониальный режим есть сплошное и систематическое насилие, во-первых. Во-вторых, империалисты часто применяют оружие против колониальных народов. На Конференции выступил Омар – представитель национального фронта Алжира и рассказал о той борьбе, которую они ведут против французского империализма, и о тех зверствах, которые чинят французские империалисты на алжирской земле. Он буквально потрясал зал, и зал встречал его громом аплодисментов, что, правда, не понравилось некоторым представителям прессы. Так, одна газетенка «Ашанти Таймс» писала: «...что можно сказать о демократическом характере этой конференции, если Омару, призывавшему к восстанию, не было немедленно указано на

дверь». Представитель этой газеты был раздражен тем, что конференция аплодисментами встретила представителя алжирского фронта освобождения Омара. Выступление Омара произвело перелом, и руководству конференции не удалось провести резолюцию, принципиально осуждавшую насилие (с. 35).

Резолюция получилась, правда, компромиссная, но, тем не менее, она признает право народа на применение насилия по отношению к империалистам. На Конференции преобладал дух реформизма, но вместе с тем чувствовалось, что эти народы готовы бороться против колониализма и империализма.

М.Г. Левин:

– Может быть, есть желающие выступить? Слово предоставляется Л.Д. Яблочкову.

Л.Д. Яблочков:

– Иван Изосимович изложил программу действий определенной группы африканских политиков и не приложил определенной критики в их адрес. Есть ли у них свои планы, свои задачи? Я тщательно следил за Конференцией по газетам. Мне кажется, что в газетах несколько нарушается научный подход к национальной проблеме. В частности, некоторые газеты открыто говорят, что пора вообще покончить с племенами в Африке. В Африке нет племен – говорят они, а есть народы, есть старые и новые государства; племена – это выдумка империалистов.

Мне кажется, что до такой степени нельзя уходить от истины. Правильно, что в большинстве случаев трайбализм это выдумка империалистов, очень вредная, что в конце концов нужно и можно с ним бороться, обладая знаниями по Африке. Но сомнения теоретического свойства мы должны решать хотя бы между собой. У нас в издательствах, и в частности в газетах, уже говорят – давайте кончим употреблять слово «племя».

По существу, племя в Африке, конечно, есть. Настоящего племени как социально-экономической организации определенного этапа развития общества, племени в нашем классическом определении там, конечно, нет. Но сохранились старые формы, которые широко используются империалистами. Но, к сожалению, понимание термина «племя» расходится, мы должны в Институте обсудить, что такое племя и поставить точку над «и». Я понимаю, что это старая проблема, и я, поднимая этот вопрос, выгляжу несколько смешно. Но послушайте, как по-разному трактуется этот термин разными авторами.

1. Прежде всего. Это СТАДИЯ социально-экономического развития, для которой характерны первобытно-общинное хозяйство и развитая родовая структура

2. Затем племя – ячейка формирования будущей национальной общности – со своим языком и этническими особенностями, а также сознанием единства, основанном на кровном родстве, действительном или воображаемом.

3. В-третьих, племя – это наиболее старая разновидность социально-политической организации, от которой до государственной власти еще очень далеко.

4. В-четвертых, племя – это показатель происхождения в период распада племенной организации и создания более крупной этнической общности. Этот показатель чисто номинального свойства. Человек говорит о прежней племенной принадлежности как о месте происхождения: «Я из-под Смоленска, а я ндебеле...».

М.Г. Левин:

– Это сложная теоретическая дискуссия – входить не будем (с. 39).

С.П. Толстов:

– Решать это надо в системе политпросветработы.

[Было рекомендовано на с. 40 «просить И.И. Потехина не только доклад, но и ответы на вопросы, которые, очевидно найдут какое-то место в докладе, опубликовать в журнале «Советская этнография»]

М.Г. Левин:

– События, которые происходят в Африке, и результаты работ этой конференции волнуют не только этнографов, но волнуют и всякого советского человека, который следит за политическими событиями сегодняшнего дня. Мы все, конечно, очень благодарны Ивану Изосимовичу за сегодняшний интересный доклад. Иван Изосимович сформулировал очень четко и ясно те задачи, которые стоят перед африканистами в связи с задачами конференции. Вопрос о племенной раздробленности, вопрос об этнических национальных границах, это вопросы, которые не могут не войти как основные исследования в планы наших африканистов. Я думаю, мы вполне одобряем то общее направление, которое было указано в докладе И.И. Потехина. Задача сектора Африки и дирекции в целом – наши дальнейшие планы сделать наиболее актуальными <...>.

[На этом же заседании в разделе «Разное» прошло голосование по поводу присуждения звания профессора И.И. Потехину.

Из 20 членов Ученого совета – в Москве – 19, присутствовало 15, «за» проголосовали 14, один воздержался] (с. 42).

Литература

1. *Потехин И.И.* О некоторых задачах африканистики в связи с Конференцией народов Африки // Советская этнография. – 1959. – № 2; до этого он указывал лишь на одну задачу (см.: Потехин И.И. Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы // Советская этнография, 1957. – № 4); Потехин И.И. Путь в Гану. – М., 1960.

2. Архив РАН, фонд 142, оп. 1, ед. хр. 1069, 42 стр.

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Следзевский И.В. Самоорганизация кризисного социума: религиозная мобилизация масс в постколониальной Африке (Кризис африканского развития и его последствия)

Статья посвящена процессам эндогенного развития обществ Африки южнее Сахары в условиях кризиса модели догоняющей модернизации, нарастания социальных и политических конфликтов. Основное внимание уделено процессам самоорганизации в этих условиях системы отношений и форм жизнедеятельности людей. Подробно рассматривается новое явление в этих процессах – массовая религиозная мобилизация населения, ее предпосылки, особенности и влияние на эволюцию идеологии афроцентризма.

Ключевые слова: кризис и самоорганизация постколониальных африканских обществ, африканское эндогенное развитие, африканский неформальный сектор экономики, религиозная мобилизация африканского населения, африканская теология.

Хазанов А.М. Гунгуньяна и европейцы (По материалам исторического архива Мозамбика)

В статье рассмотрена роль героя антипортугальского сопротивления – Р.Ф. Гунгуньяны, который сыграл выдающуюся роль в истории африканского сопротивления португальской экспансии. Созданное им государство Ватуа было одним из самых могущественных в Юго-Восточной Африке. В настоящей работе предпринята попытка дать только самое общее представление о многочисленных документах данного периода истории, обнаруженных и скопированных автором в

Историческом архиве Мозамбика. Более глубокий и всесторонний анализ этих документов потребует дополнительных усилий и времени.

Ключевые слова: Мозамбик, государство Ватуа, Гунгуньяна, соглашения Гунгуньяны–Шульца, Португалия, Сесил Родс.

Гусаров В.И. Объявляется посадка на авиарейс по маршруту: Мапуту – Бейра – Хараре (По следам одной из крупнейших диверсий на юге Африки. Свидетельство очевидца)

В статье приводятся воспоминания ветерана африканистики, более полувека изучающего проблемы Африки, о крупнейшей диверсии на юге континента в декабре 1982 г., свидетелем которой он стал случайно во время научной командировки. В статье названы заказчики и исполнители этой диверсии, рассмотрены ее тяжелые последствия для Мозамбика и Зимбабве.

Ключевые слова: авиарейс, Мозамбик, Мапуту, Бейра, Зимбабве, Хараре, диверсия, Мозамбикское национальное сопротивление.

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Дейч Т.Л. Экономическая дипломатия Китая в Африке: современный этап

Статья посвящена экономическим отношениям Китая со странами Африки в условиях снижения темпов роста китайской экономики. Эффект от китайского «замедления» внес вклад в «замедление» Африки: ее рост упал, цены на экспортную продукцию снизились, сократились объемы торговли. Тем не менее многие китайские проекты в странах континента получили развитие. Китай включил Африку в стратегию Шелкового пути и Морского шелкового пути – «Один пояс – один путь» (OBOR), что призвано помочь раз-

витию инфраструктуры континента, в первую очередь Северной и Восточной Африки, обеспечить рост производства и числа рабочих мест. Вопреки прогнозам спад в экономике Китая не оказал резко негативного влияния на китайско-африканское сотрудничество: Африка по-прежнему занимает важное место в экономической дипломатии Китая.

Ключевые слова: Китай, Африка, экономика, рост, экспорт, торговля, инвестиции, инфраструктура, ОВОР.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Пичугин С.В. Геологическое строение и минерально-сырьевые ресурсы Исламской Республики Мавритания и возможные направления двустороннего сотрудничества

Статья посвящена анализу геологического строения и минерально-сырьевой базы Исламской Республики Мавритания. Показано, что базой экономического развития Мавритании являются разрабатываемые месторождения высоколиквидного сырья и что эта страна вполне могла бы претендовать на роль второй «домашней шахты» Европы. При этом, как отражено в анализе экспертов геологоразведочной компании «ОЗГЕО», геолого-экономические характеристики целого ряда полезных ископаемых еще недостаточно выявлены и перспективно проведение дистанционных исследований по современным российским и американским технологиям на драгоценные (Au, Ag, Pt), цветные (Cu, Pb-Zn), редкие (Li, Be, Mo, W, Ta, Nb), радиоактивные металлы (U), редкоземельные элементы (REE – Y) и алмазы (Dia) в пределах Регибатского щита и Мавританид, а также – по технологии CRS (российская технология, разработанная в компании ОЗГЕО) – на природный газ во впадине Таудени.

В целом, по мнению экспертов «ОЗГЕО», Мавритания имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Исламская Республика Мавритания, геологическое строение, минерально-сырьевая база, полезные ископаемые, энергетическое сырье, российская технология CRS.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Прокопенко Л.Я. Инонге Мбикусита-Леваника – замбийский политик, дипломат и поборник гендерного равенства

В статье представлен политический портрет видного политика, дипломата и общественного деятеля Республики Замбия Инонге Мбикусита-Леваника. Показан процесс становления гражданской позиции и политических убеждений девушки, принадлежащей к королевскому роду народа лози. Большое внимание уделено ее деятельности в международных организациях, занимающихся проблемами детей и молодежи, а также проблемами образования. Ее лидерские качества и профессионализм проявились во всех областях ее деятельности как в качестве депутата парламента, так и во главе политической партии и на дипломатическом поприще. Значительные заслуги Мбикусита-Леваника в деле борьбы за мир и безопасность на африканском континенте, развития системы образования, а также в установлении гендерного равенства в Замбии снискали ей уважение властей и общества, независимо от смены руководства в стране.

Ключевые слова: лози, королевский род, советник ЮНИСЕФ, депутат парламента, Федерация африканских женских организаций за мир, дипломатическая карьера, профессионализм, евангелист, общественная деятельность, гражданская позиция.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Саватеев А.Д., Грекова Л.В. Джихад или строительство исламской цивилизации? (Антибританское восстание дервишей в Сомали)

В статье с цивилизационных позиций анализируются причины возникновения, факторы, особенности и ход исламского профетического движения в Сомали под руководством одного из выдающихся поэтов и мыслителей страны Саида Мухаммада Абдаллаха Хасана. Авторы считают, что это движение имело сходство с другими исламскими движениями в Африке южнее Сахары: неформальное (снизу) возникновение в период резкого изменения социально-культурной и геополитической ситуации, вызванной вторжением европейских колонизаторов; в этих обстоятельствах самим обществом выдвигается выдающаяся личность, наделенная харизматическими качествами, провозглашающая себя пророком, продолжателем дела Пророка Мухаммада; вокруг него формируется многотысячная община сторонников, уверовавших в его сверхъестественные особенности и следующих его призывам; лидер ставит перед мусульманами, всем народом задачу распространения и укрепления основ ислама, превращения шариата в правовую базу регулирования и политической организации общества. Все эти действия означают укрепление фундамента исламской цивилизации, которое включает насаждение единых систем понимания мира, религиозно-культурных ценностей и смыслов среди сомалийских племен. Однако ситуацию осложнила колониальная политика, навязывавшая иные культурные ориентиры, чуждые нормы ценностей. Сопrotивление им быстро перерастает в полномасштабную войну под знаменем ислама, которая ведется как священная война – джихад меча – требующая участия каждого мусульманина и всего консолидированного мусульманского общества.

Ключевые слова: Саид Мухаммад Абдаллах – пророк исламский, Сомали, исламская цивилизация, колониальная политика Великобритании, дервиши, джихад как борьба с этноплеменной разобщенностью и война с британским колониальным режимом, Эфиопия, дипломатия лидера повстанцев, историческое предназначение исламского профетического движения, методы ведения войны приверженцев двух противостоящих цивилизаций.

Пойда А.А., Юртаев В.И. Исламский фактор в египетско-иранских отношениях

В статье дан анализ особенностей развития отношений между Египтом и Исламской Республикой Иран, особенно в процессе событий «арабской весны», что позволяет сделать вывод о нацеленности ИРИ на исламизацию региона Ближнего и Среднего Востока. Однако официальный Египет дистанцируется от Ирана и ищет пути к восстановлению своего влияния на Ближнем Востоке в рамках арабского дискурса, что затрудняет актуализацию исламского фактора в ближневосточной политике в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Ближний и Средний Восток, Египет, Иран, арабский дискурс, исламский фактор.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Афрохристианская идентичность в Африке и США

Рассмотрение вопросов «афрохристианской идентичности» одновременно в двух таких разных и сложных регионах, как Африка южнее Сахары и США (где имеется крупнейшая ее диаспора), представляет интерес в связи с глубоким культурно-психологическим сходством субъектов этих регионов – африканцев и афроамериканцев – сходством их судеб, ибо и те и другие оказались жертвами угнетения и унижения со стороны «белого» «европейского» мира.

Суетина Ю.Г. Фразеологические единицы в материалах СМИ на хауса

В статье рассматривается проблема использования фразеологизмов в материалах СМИ на хауса, в текстах газет и радиопередач, а также проблема вытеснения лексем с нейтральным значением фразеологизмами.

Ключевые слова: СМИ, фразеологизм, происхождение, расширение фразеологизмов.

Львова Э.С. И.И. Потехин на Первой конференции народов Африки

Прошло 60 лет со времени прохождения Первой конференции народов Африки, определившей главные направления борьбы за независимость. В ней приняла участие советская делегация, в составе которой был И.И. Потехин. Его отчеты о работе конференции Ученому совету Института этнографии и последующие статьи немало способствовали активизации изучения африканистики в нашей стране и впоследствии организации Института Африки АН СССР. Им были поставлены основные задачи работы советских африканистов. Не все они выдержали испытание временем, но многие из них по-прежнему актуальны.

Ключевые слова: Первая конференция народов Африки, Аккра, И.И. Потехин, СССР, борьба за независимость.

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Sledzevsky I.V. Self-organization of crisis society: religious mobilization in post-colonial Africa

The article is devoted to the processes of endogenous development of sub-Saharan societies in the crisis of the model of catching up modernization, the growth of social and political conflicts. The main attention is paid to the processes of self-organization in these conditions of the social relations and forms of life. The new phenomenon in these processes – mass religious mobilization of the population, its prerequisites, features and influence on the evolution of the ideology of Afrocentrism - is considered in detail.

Keywords: crisis and self-organization of post-colonial African societies, African endogenous development, African informal sector of economy, religious mobilization of African population, African theology.

Khazanov A.M. Gungunyana and europeans (On the materials of the historical archives of Mozambique)

The article examines the role of the hero of the anti-Portuguese resistance – R.F. Gungunyana, who played an outstanding role in the history of African resistance to Portuguese expansion. Created by him, the state of Vatuwa was one of the most powerful in South-East Africa. This paper attempts to give only the most general idea of the numerous documents of this period of history, discovered and copied by the author in the Historical Archives of Mozambique. A deeper and more comprehensive analysis of these documents will require additional effort and time.

Keywords: Mozambique, the state of Vatuá, Gungunyana, the agreement of Gungunyana-Shultz, Portugal, Cecil Rhodes

Gusarov V.I. *The boarding for the flight is announced: Maputo – Beira – Harare (Following the footsteps of one of the largest sabotage in Southern Africa)*

The article presents the memories of a veteran of African studies, more than half a century studying the problems of Africa, about the largest diversion in the south of the continent in December 1982, which he accidentally witnessed during a scientific trip. The article describes the customers and executors of this diversion, and considers its grave consequences for Mozambique and Zimbabwe.

Keywords: flight, Mozambique, Maputo, Beira, Zimbabwe, Harare, diversion, Mozambican National Resistance.

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Deych T.L. *China's economic diplomacy in Africa: present stage*

This article is devoted to China-Africa economic relations in conditions of declining the Chinese economic growth. Slowdown of China had an impact on Africa: its growth has fallen, prices for export products have decreased, China-African trade has also decreased. Nevertheless, many Chinese investment projects in African countries are developing. China has included Africa in his initiative “One Belt – One Road” (OBOR). This should help the infrastructure development of the continent, first of all, the North and East Africa, ensure the growth of production and jobs. Contrary to predictions, Chinese economy slowdown did not exert sharp negative influence on China-African cooperation: Africa continues to occupy an important place in Beijing economic diplomacy.

Keywords: China, Africa, economy, slowdown, growth, export, trade, investment, projects, infrastructure, OBOR.

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

Pichugin S.V. The Mineral Raw Material Base of the Islamic Republic of Mauritania and the Possible Areas of Bilateral Cooperation

This article offers an analysis of the geological structure and mineral raw material base of the Islamic Republic of Mauritania. It is shown that deposits of highly liquid raw materials form the basis of Mauritania's economic development and that this country could well claim to be the second “home mine” in Europe. As is shown in the analysis of experts of the OZGEO Geological Prospecting Company, the geological-economic characteristics of quite a number of mineral deposits have not yet been fully uncovered, and the conducting of remote studies on modern Russian and American technologies for precious (Au, Ag, Pt), color (Cu, Pb-Zn), rare (Li, Be, Mo, W, Ta, Nb), radioactive metals (U), rare earth elements (REE-Y) and diamonds (Dia) within the Regiabat Shield and Mauritanide, as well as CRS (Russian technology developed in the company OZGEO) – on Natural gas in the Taudeni Basin.

Overall, in the opinion of OZGEO experts, Mauritania has favorable economic prerequisites for the development of mining industry.

Keywords: Islamic Republic of Mauritania, geological structure, mineral and raw materials base, mineral deposits, energy commodities, Russian CRS technology.

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

Prokopenko L.Ya. Inonge Mbikusita-Levanika, Zambian Politician, Diplomat and Advocate of Gender Equality

The article gives a political portrait of a prominent politician, diplomat and public figure of the Republic of Zambia Inonge Mbikusita-Levanika. The process of the formation of civic stand and political convictions of a girl belonging to the royal family of the Lozi people is shown. Much attention is paid to her activity in international organizations dealing with the problems of children and youth, as well as the problems of education. Her leadership qualities and professionalism have been outstanding in all the areas of her activity as a member of parliament, the head of a political party and in the diplomatic field. Mrs. Mbikusita-Levanika's significant achievements in the struggle for peace and security in the African continent, the development of the education system, and the establishment of gender equality in Zambia have earned her respect of the authorities and society, regardless of the change of leadership in her country.

Keywords: Lozi, royal family, UNICEF adviser, member of Parliament, Federation of African Women's Peace Network, FERFAP, diplomatic career, professionalism, Evangelist, social activities, civic stand.

HISTORY AND RELIGION

Savateev A.D., Grekova L.V. Jihad or the construction of Islamic civilization? (The anti-British uprising of the dervishes in Somalia)

The paper analyzes the causes, factors, features and course of the Islamic prophetic movement in Somalia under the leadership of one of the outstanding poets and thinkers of the country Sayyid Muhammad Abdallah Hassan from a civilizational standpoint. The authors believe that this movement had similarities with other Islamic movements in sub-Saharan Africa: the infor-

mal (from bottom) emergence at a time of dramatic changes in the socio-cultural and geopolitical situation caused by the invasion of European colonizers; in these circumstances, the society itself puts forward an outstanding personality, endowed with charismatic qualities, declaring itself a prophet, a successor of the Prophet Muhammad; around him formed a multi-thousand community of supporters who believed in his supernatural characteristics and following his calls; the leader sets before the Muslims, the whole people the task of spreading and strengthening the foundations of Islam, turning Sharia into a legal basis for regulation and political organization of society. All of this means strengthening the foundations of Islamic civilization, which includes the establishment of unified systems of understanding of peace, religious and cultural values and meanings among Somali tribes. However, the situation complicated colonial policy trying to impose an alien cultural guide lines, values and norms of behavior. The resistance of Muhammad Abdallah's Muslims quickly escalates into a full-scale war under the banner of Islam, which is waged as a Holy war – the Jihad of the sword, requiring the participation of every Muslim and the entire consolidated Muslim society.

Keywords: Sayyid Muhammad Abdullah – Islamic prophet, Somalia, Islamic civilization, the colonial policy of great Britain, dervishes, Jihad as the fight against ethno-tribal disunity and war with the British colonial regime, Ethiopia, diplomacy of the leader of the rebels, the historic mission of the Islamic prophetic movement, methods of warfare, the adherents of the two opposing civilizations.

Poyda A.A., Yurtaev V.I. Islamic factor in Egyptian-Iranian relations

The article analyzes the peculiarities of the development of relations between Egypt and the Islamic Republic of Iran, especially in the course of the events of the "Arab Spring", which allows us to conclude that the IRI is aimed at Islamizing the region

of the Near and Middle East. However, official Egypt distances itself from Iran and is looking for ways to restore its influence in the Middle East within the framework of the Arab discourse, which makes it difficult to actualize the Islamic factor in Middle East politics in the near future.

Keywords: Middle East, Egypt, Iran, Arab discourse, Islamic factor.

CULTURE AND EDUCATION

Moseiko A.N., Kharitonova Ye.V. Afro-Christian identity in Africa and the United States

Consideration of the issues of “Afro-Christian identity” simultaneously in two such different and complex regions as Africa to the south of the Sahara and the USA (where there is its largest diaspora) is of interest in connection with the deep cultural and psychological similarity of the subjects of these regions - Africans and African Americans - for both of them were victims of oppression and humiliation on the part of the “white” “European” world.

Keywords: Africa, Afro-Christian identity, USA, “white” “European” world.

Suetina Yu.G. Fixed phrases in Hausa mass media materials

The article deals with the problem of fixed phrases used in Hausa mass media materials, newspapers, text of radio broadcasts, as well as with the problem of substitution of lexical units of neutral meaning for fixed phrase, origin, fixed phrases extension.

Keywords: mass media, fixed phrase, origin, extension of fixed phrases

Lvova E.S. I.I. Potekhin at the First All-African Peoples Conference

We celebrate this year the anniversary of the First All-African Peoples Conference's (1958). It declared the important mainstream of struggle for independence. The soviet delegation with Ivan I. Potekhin was participant of this Conference. His reports on the work of the conference to the Academic Council of the Institute of Ethnography and subsequent articles have contributed a lot to the activation of the study of African studies in the USSR and subsequently the organization of the Institute of Africa of the Academy of Sciences of the USSR. They set the main tasks of the work of Soviet Afrikan Studies. Not all of them have stood the test of time, but many of them are still relevant.

Key words: First All-African Peoples Conference, Accra, Ivan I. Potekhin, USSR, struggle for independence

---

НАШИ АВТОРЫ

Грекова Любовь Валентиновна – кандидат педагогических наук, профессор Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке.

Гусаров Владилен Иванович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, академик Российской академии естественных наук.

Дейч Татьяна Лазаревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, первый проректор РУДН – проректор по научной работе, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Львова Элеонора Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Мосейко Аида Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН).

Пичугин Сергей Валентинович – главный геолог ООО «ОЗГЕО».

Пойда Алексей Александрович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (РАН), член Научного совета РАН по проблемам Африки (НСА), член Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН (Российской ассоциации политической науки). Член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Саватеев Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, заместитель директора филиала Института Африки РАН при Санкт-Петербургском государственном университете, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Суетина Юлия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры африканистики Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, заведующий Отделом комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН, профессор, академик РАЕН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Харитонова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской академии наук (РАН).

Юртаев Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, директор НОЦ африканских исследований РУДН.

CONTENTS

<i>Kirabaev N.S.</i> Preface	5
------------------------------------	---

DEVELOPMENT AND POLITICS

<i>Sledzevsky I. V.</i> Self-organization of crisis society: religious mobilization in post-colonial Africa	8
<i>Khazanov A.M.</i> Gungunyana and europeans (On the materials of the historical archives of Mozambique)...	35
<i>Gusarov V.I.</i> The boarding for the flight is announced: Maputo – Beira – Harare (Following the footsteps of one of the largest sabotage in Southern Africa).....	61

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

<i>Deych T.L.</i> China's economic diplomacy in Africa: present stage	72
--	----

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Pichugin S.V.</i> The Mineral Raw Material Base of the Islamic Republic of Mauritania and the Possible Areas of Bilateral Cooperation.....	85
---	----

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

<i>Prokopenko L.Ya.</i> Inonge Mbikusita-Levanika, Zambian Politician, Diplomat and Advocate of Gender Equality.....	103
--	-----

HISTORY AND RELIGION

<i>Savateev A.D., Grekova L.V.</i> Jihad or the construction of Islamic civilization? (The anti-British uprising of the dervishes in Somalia)	116
---	-----

<i>Poyda A.A., Yurtaev V.I.</i> Islamic factor in Egyptian-Iranian relations.....	156
---	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Moseiko A.N., Kharitonova Ye.V.</i> Afro-Christian identity in Africa and the United States.....	167
---	-----

<i>Suetina Yu.G.</i> Fixed phrases in Hausa mass media materials.....	202
---	-----

<i>Lvova E.S.</i> I.I. Potekhin at the First All-African Peoples Conference.....	208
--	-----

SUMMARY	243
---------------	-----

ABOUT AUTHORS	250
---------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
--	---

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Следзевский И.В.</i> Самоорганизация кризисного социума: религиозная мобилизация масс в постколониальной Африке (Кризис африканского развития и его последствия).....	8
<i>Хазанов А.М.</i> Гунгуньяна и европейцы (По материалам исторического архива Мозамбика).....	35
<i>Гусаров В.И.</i> Объявляется посадка на авиарейс по маршруту: Мапуту – Бейра – Хараре (По следам одной из крупнейших диверсий на юге Африки. Свидетельство очевидца).....	61

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Дейч Т.Л.</i> Экономическая дипломатия Китая в Африке: современный этап.....	72
---	----

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Пичугин С.В.</i> Геологическое строение и минерально-сырьевые ресурсы Исламской Республики Мавритания и возможные направления двустороннего сотрудничества.....	85
--	----

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

<i>Прокопенко Л.Я.</i> Инонге Мбикусита-Леваника – замбийский политик, дипломат и поборник гендерного равенства.....	103
--	-----

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Саватеев А.Д., Грекова Л.В.</i> Джихад или строительство исламской цивилизации? (Антибританское восстание дервишей в Сомали)	116
<i>Пойда А.А., Юртаев В.И.</i> Исламский фактор в египетско-иранских отношениях.....	156

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Мосейко А.Н., Харитонова Е.В.</i> Афрохристианская идентичность в Африке и США.....	167
<i>Суетина Ю.Г.</i> Фразеологические единицы в материалах СМИ на хауса.....	202
<i>Львова Э.С. И.И. Потехин</i> на Первой конференции народов Африки.....	208
РЕЗЮМЕ	236
SUMMARY.....	243
НАШИ АВТОРЫ.....	250

Научное издание

Е Ж Е Г О Д Н И К

**АФРИКА:
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ
И ДИАЛОГ С МИРОМ**

2018

*Редактор И.Л. Панкратова
Технический редактор Н.А. Ясько
Компьютерная верстка Н.А. Ясько
Дизайн обложки Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 17.04.2018 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,11. Тираж 500 экз. Заказ 542.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
